

**ТЕОРИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ:
СПЕКТР СОВРЕМЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ**

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2010

УДК 911.3
ББК 65.04
Т 33

Рецензенты:

доктор географических наук, профессор **Алексеев А. И.**
доктор географических наук, профессор **Разумовский В. М.**

Ответственные редакторы-составители:

Дружинин А. Г., Шувалов В. Е.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 10–06–06020–г.

Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / Ред. и сост. А. Г. Дружинин и В. Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 166 с.

ISBN 978–5–9275–0697–2

Издание объединяет профессиональные мнения-интервью ряда ведущих российских ученых по важнейшим проблемам развития теории и методологии социально-экономической (общественной) географии. Представленный в книге спектр авторских оценок, позиций и суждений позволяет идентифицировать потенциал современной российской социально-экономической географии, раскрыть проблемные ситуации и определить возможные приоритеты развития её теоретических основ.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, всех, кто интересуется проблемами развития теории социально-экономической географии.

ISBN 978–5–9275–0697–2

УДК 911.3
ББК 65.04

© Коллектив авторов

© Издательство Южного федерального университета, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало XXI в. характеризуется кардинальной трансформацией всей многоуровневой архитектоники территориальной организации общества, инициирующей существенное переосмысление ориентированных на научную интерпретацию общественно-географических реалий исследовательских подходов, установок, парадигм. Столь необходимый в данном контексте рост творческой активности российского экономико-географического сообщества в значительной мере лимитирован не только институциональными, финансовыми, кадровыми, информационными и иными факторами, но и современным состоянием теоретической базы социально-экономической (общественной) географии.

Сформировавшаяся в советский период понятийно-концептуальная система, выполнявшая функцию теоретических основ отечественной социально-экономической географии, уже не вполне соответствует современным реалиям и потребностям, требует переосмысления и поиска новых направлений развития. Относительно малочисленная по составу, не очень, к сожалению, сплочённая, сталкивающаяся с возрастающей активностью научных «смежников – конкурентов» российская социально-экономическая (общественная) география в последние годы, тем не менее, всё последовательнее пытается осмыслить свой теоретический потенциал, соотнести новации постсоветского периода с наследием предшествующих эпох, найти свой оптимальный путь дальнейшего развития, которое невозможно без формирования полноценной теории нашей науки.

Какую ценность в современном контексте представляет теоретический багаж советской экономико-географической школы? Как оценить последние (постсоветские) десятилетия с точки зрения приращения теоретического знания? Каков потенциал теоретических заимствований современной российской социально-экономической (общественной) географии в условиях стимулируемого глобализацией «импорта идей» и интенсификации междисциплинарных взаимодействий?

Как относиться к «теоретической географии» и «новой экономической географии», формировать и эффективно применять в социально-экономической географии научно-прикладной цикл «Теория – Методы – Практика», развивать современный аппарат и инструментарий социально- и экономико-географических исследований? В чём, наконец, видятся направления развития, сдерживающие факторы, новые концептуальные подходы и точки роста экономико-географической науки? По вышеперечисленным, прямо скажем, непростым вопросам любезно согласились сформулировать своё профессиональное мнение известные российские экономико-географы, чьи ответы (экспертные интервью) оформлены в виде данного специального издания (книги-опросника), приуроченного к проведению Международной научной конференции по теоретическим проблемам социально-экономической географии (Ростов-на-Дону, 4 – 8 мая 2010 г.).

Предлагаемая книга представляет для уважаемых читателей взгляды и мнения ряда ведущих представителей российской социально-экономической географии, различающихся по профессиональному и жизненному опыту, преобладающей сфере научных интересов, принадлежащих к разным творческим коллективам. Высвечивая и отражая сложную палитру мнений и позиций, доминирующих в российском экономико-географическом сообществе, данное издание позволяет не только зафиксировать его растущую обеспокоенность современным положением в области теории социально-экономической географии, очертить своего рода общее проблемное поле, но и идентифицировать теоретические достижения, раскрыть проблемные ситуации и «точки роста» дальнейшей «теоретизации» нашей науки.

Выражая благодарность всем авторам, внёсшим свой интеллектуальный вклад в подготовку книги, мы надеемся, что данное издание поможет привлечь внимание экономико-географического сообщества к проблемам развития теории в нашей науке, генерирует и активизирует необходимую исследовательскую активность, станет хорошей основой для формирования новых и корректировки старых учебных курсов по социально-экономической географии.

А. Г. Дружинин, В. Е. Шувалов

СПИСОК АВТОРОВ

Артоболевский Сергей Сергеевич, д.г.н., зав. отделом социально-экономической географии Института географии РАН (Москва)

Бабурин Вячеслав Леонидович, д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Бакланов Пётр Яковлевич, Академик РАН, д.г.н., профессор, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток)

Безруков Леонид Алексеевич, д.г.н., зав. лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сошалева СО РАН (Иркутск)

Гладкий Юрий Никифорович, член-корр. РАО, вице-президент Русского географического общества, профессор, заведующий кафедрой экономической географии факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Дружинин Александр Георгиевич, д.г.н., профессор, зам. директора Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, зав. отделом территориальной организации общества (Ростов-на-Дону)

Клюев Николай Николаевич, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Колосов Владимир Александрович, д.г.н., профессор, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН (Москва)

Красовская Татьяна Михайловна, д.г.н., профессор географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Мошков Анатолий Владимирович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток)

Пилясов Александр Николаевич, д.г.н., профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил (Москва)

Поросенков Юрий Васильевич, д.г.н., профессор, зав. кафедрой социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета (Воронеж)

Сдасюк Галина Васильевна, д.г.н., профессор, главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Стрелецкий Владимир Николаевич, к.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Тархов Сергей Анатольевич, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Трейвиш Андрей Ильич, д.г.н., главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Трофимов Анатолий Михайлович, д.г.н., профессор Казанского государственного университета (Казань)

Файбусович Эрнест Львович, д.г.н., профессор кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (Санкт-Петербург)

Федоров Геннадий Михайлович, д.г.н., профессор, зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректор по научной работе Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград)

Чистобаев Анатолий Иванович, д.г.н., профессор факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Шарьгин Михаил Дмитриевич, д.г.н., профессор, зав. кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного университета (Пермь)

Шувалов Владимир Ефимович, к.г.н., доцент, зав. кафедрой экономической и социальной географии России МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Шупер Вячеслав Александрович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ: ЕСТЬ ЛИ ОНИ И В ЧЁМ СОСТОЯТ?

С. С. Артоболевский

*Использование чужой теории и разработка
собственной – это две большие разницы.
(полу-народная мудрость)*

Обоснована необходимость применения в больших по территории странах полимасштабного подхода (и разработаны его основы). Признано несовпадение интересов различных уровней.

Доказана ограниченность возможностей государства в решении региональных проблем и доминирование естественных социально-экономических процессов (депопуляция, фрагментация пространства ...).

Теория проблемного страноведения, родившаяся на материалах по зарубежным странам, распространяется на работы по российским территориям различного уровня и на глобальный уровень.

Доказана возможность практического применения западных и отечественных моделей (полюсов роста, диффузии нововведений, цикла жизни продукта, территориально-производственного комплекса/кластера) в практике государственного планирования и регулирования. Шаг вынужденный, связанный с коммерциализацией науки, но имевший и положительные последствия. Оказалось, что теория российской социально-экономической географии ближе к «практике», чем во многих науках («нет ничего более практичного, чем хорошая теория»).

В. Л. Бабурин

*Мистраль – ветер, туч застрельщик,
мути тать, небес метельщик...*

К сожалению, приходится констатировать, что за последние двадцать лет отечественная школа во многом деградировала. В основном приходится говорить лишь о заимствованиях с запада, причем преимущественно в области социальной географии. Точнее, даже не из социальной географии, а из смежных областей знания, транслируемых че-

рез родственные российские научные дисциплины. Наблюдается все более широкое применение методов социологии и психологии, лишь формально окрашенных в территориальные тона.

Еще более драматична ситуация в экономической географии, которая практически полностью перешла на рельсы «немецкой камеральной статистики», находясь в эйфории от внезапно ставшей доступной информации. Однако при этом совершенно игнорируется крайне низкое качество и уровень достоверности доступных материалов. Практически на нет сошли серьезные экспедиционные исследования и натурные обследования объектов. Основным методом работы стал экспертный, т. е. поверхностное ознакомление с проблематикой и объектами исследования. Почти полностью исчезло такое направление как матмоделирование, в прошлом неотъемлемая часть советской теоретической географии.

Сжатые сроки исследовательского цикла, отсутствие серьезных расчетов, все это ведет к снижению уровня даже прикладных исследований. В условиях бесконечной грантовой и проектной гонки, когда на передний план выходит проблема финансирования, у исследователей не остается времени на теоретическое осмысление происходящих процессов. В итоге, все большее распространение получает жанр экономико-географической журналистики и публицистики. Особенно широкое распространение получил жанр «портретной живописи», заменивший аналитический вектор в исследовательском пространстве нашей науки. В целом возросшая публичность ведущих экономико-географов также не способствует развитию теории.

П. Я. Бакланов

Разработаны общие представления об устойчивом (сбалансированном) развитии стран, регионов, локальных образований, о цикличности и инерционности глобального и регионального развития. Предложены некоторые индикаторы и критерии устойчивого развития, а также – понятия об экономическом, социальном и экологическом качествах регионального развития (В. Л. Бабурин, Н. Н. Клюев, П. Я. Бакланов, А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин).

Разработаны подходы к многоуровневому полимасштабному анализу социально-экономических трансформаций в странах и регионах. (С. С. Артоболевский, А. И. Трейвиш, Т. Г. Нефедова, А. В. Мошков).

Сформулировано представление о континентально-океанической дихотомии как факторе регионального развития (Л. А. Безруков).

Разработаны новые подходы, принципы экономического районирования и его соотношения с другими видами районирования (В. Е. Шувалов, А. Г. Дружинин, Б. М. Ишмуратов, М. Т. Романов, А. И. Зырянов, Л. В. Смирнягин, Б. Б. Родоман).

Разработан новый подход к оценке природно-ресурсного потенциала территории и его динамики, основанный на выделении и оценке территориальных природно-ресурсных систем и учете межресурсной связности (П. Я. Бакланов).

В качестве экономико-географического объекта анализа и управления выделены многоуровневые территориальные структуры хозяйства как двухслойные образования, состоящие из сетевых пространственных структур (взаимодействующих территориально компактных предприятий, компаний и их локальных сочетаний, инфраструктурных элементов) и пересекающихся территориальных зон влияния, рыночных зон и других территорий и акваторий (П. Я. Бакланов).

Сформулированы некоторые общие представления о механизмах локального и регионального комплексообразования и районообравания (П. Я. Бакланов, А. В. Мошков, А. Н. Демьяненко, М. Т. Романов).

Предприняты попытки выделить и сформулировать наиболее выраженные и устойчивые закономерности в социально-экономико-географической сфере (А. А. Ткаченко, Ю. Н. Гладкий).

Выделены новые типы географических структур и функций: контактные географические структуры и функции (П. Я. Бакланов), в том числе – трансграничные географические структуры (П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей, Л. М. Корытный, В. А. Колосов).

Сформулированы некоторые общие представления о территориальной организации общества, его географических механизмах (Ю. Н. Гладкий, А. А. Ткаченко, В. П. Максаковский, Н. В. Зубаревич, А. Г. Дружинин, Б. С. Хорев, М. Д. Шарыгин, Н. М. Сысоева).

Разработаны теоретические основы стратегического территориального планирования в условиях рыночной экономики, концептуальные основы региональных программ различного уровня (А. И. Чистобаев, В. Л. Бабурин, А. Г. Дружинин, П. Я. Бакланов, М. Д. Шарыгин, Н. М. Сысоева, В. Ю. Малов, М. Т. Романов, А. В. Мошков).

Сформулированы основы российской политической географии и геополитики (С. Б. Лавров, Н. С. Мироненко, В. А. Колосов, П. Я. Бакланов, Л. В. Смирнягин, А. И. Трейвиш, Н. В. Каледин, Б. М. Ишмуратов, М. Т. Романов).

Л. А. Безруков

Теоретические достижения в российской общественной или социально-экономической географии (СЭГ) за последние 20 лет (1990–2010 гг.), конечно же, имеются. Однако в связи с определенной разобщенностью ведущих центров и учреждений географической науки далеко не все они становятся широко известными даже коллегам. Поэтому есть смысл назвать теоретические достижения, полученные в последнее десятилетие, только по трем направлениям СЭГ в Институте географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск).

Б. М. Ишмуратовым (2001, 2007) разработана собственная версия теоретико-познавательной идентификации географии, включая формулировку представлений о предмете ее исследования, осуществлено обоснование идей территориализации общества и геокультуры, истинной роли географического детерминизма и критериев географичности, уточнение места географии в системе общественных интересов, проведена оценка условий и возможностей перехода человечества к терраномике. Предложено разделить две основные концепции географии – хронологическую (традиционную) и систематическую (субстанциональную), оставив название «география» за первым направлением информационно-справочного характера, а название «геоведение» закрепить за вторым направлением как полноправной фундаментальной наукой. Если предмет исследования первого направления – распространение явлений и предметов («размещение производительных сил» в экономической географии), то второго – их взаимосвязанность и причинная взаимообусловленность. Экономическая география как фундаментальная наука призвана находить закономерности в разнообразных проявлениях жизни общества, т. е. степень детерминированности их плодородием «природы» и положением на Земле. В конкретном плане в основе экономико-географических различий тех или иных районов и местностей лежит дифференциация норм (и соответствующих масс) прибавочного продукта человеческого труда, которая обусловлена, в свою очередь, продуктивностью данных территорий в зави-

симости от богатства природных средств производства, научно-технических и культурных накоплений прошлого и экономии транспортно-коммуникационных расходов.

А. Ф. Никольским (2004) разработана теория управления геоэкономическим воспроизводственным процессом на основе перераспределения мировой и региональной ресурсной ренты. Сформулировано представление об обобщенном энергопроизводственном (воспроизводственном) цикле и показана важнейшая роль потоков вещества и энергии природы в общественном воспроизводстве. В объективных энергетических единицах произведен расчет полной стоимости (потенциальной полезности) природной субстанции, слагающей мировой ВВП. Установлено, что его подавляющую часть составляет природная рента, которую присваивают главным образом высокомонополизированные вторичный и третичный секторы экономики за счет заниженных цен на сырье. Развиваемая автором концепция полной стоимости позволила выявить размеры потерь развивающихся стран от экспорта сырья и предложить меры по более справедливому распределению доходов между основными секторами экономики и странами мира.

Л. А. Безруковым (2007, 2008) разработана экономико-географическая концепция континентально-океанической дихотомии, позволяющая установить и количественно оценить особенности и силу влияния этого фундаментального фактора на международное и региональное развитие. Выявлена причинно-следственная цепь связей и зависимостей типологического континентально-океанического характера, имеющая следующую логику: разница между континентальными и океаническими странами в размерах транспортных издержек и транспортоемкости национальных хозяйств – механизм перераспределения массы прибавочного продукта (доходов) между этими странами – принципиальные различия в эффективности производства и общем уровне социально-экономического развития данных стран, территориальной организации их общества и специфике взаимодействия с внешним миром. Механизм постоянного перераспределения доходов от континентальных стран к океаническим является одним из ведущих среди всей совокупности механизмов, определяющих дифференциацию мирохозяйственного устройства и функционирование системы центрально-периферических отношений глобального уровня. Использование концепции рассматриваемой дихотомии позволило выявить наиболее об-

щие исходные черты формирования и структурирования мирового хозяйства независимо от тех или иных блоковых, формационных, региональных и других группировок и членений, имеющих во многом вторичный характер.

Ю. Н. Гладкий

Радикальные изменения в последние десятилетия в наших представлениях о том, что такое познание и что такое реальность, породили ситуацию теоретико-концептуальной неопределенности во многих науках, прежде всего гуманитарных. Однако прагматизм и релятивизм, аналитическая философия и постмодернизм, эпистемологический анархизм и т. д. не в состоянии «избавить» географов от решения своей прямой задачи: искать и находить наиболее общие, если не законы, то хотя бы свойства и эвристические принципы построения пространственно-временных систем и структур.

Отсутствие (возможно, временное) в географии теорий сродни классической механике Ньютона, эволюционной теории Дарвина или теории относительности Эйнштейна – не трагедия: каждая наука обладает только своим, присущим только ей потенциалом «абстрактности», феноменологических и нефеноменологических теорий. Отчасти в этом «повинен» дуализм географической науки, который до сих пор не давал возможности четко «зафиксировать» идеализированный объект (фрагмент реальности), т. е. «совместить» естественные и гуманитарные артефакты в рамках единой географии. Отставание гуманитарной географии от естественных наук в области законотворчества во многом обусловлено тем, что последние имеют неоспоримое преимущество перед гуманитарными, поскольку их законы обычно нуждаются в меньшем числе допущений, при которых их можно использовать.

Как бы там ни было, в гуманитарной географии идентифицировано немало «своих» собственных законов, которые в условиях отсутствия строгих общепринятых критериев научного закона не могут быть без надлежащего анализа выброшены в «мусорную корзину» (особенно с учетом точки зрения Энрида Алаева, полагавшего, что из невероятно большого числа закономерностей можно выделить некоторые наиболее существенные для науки и именовать их законами). При этом следует помнить о *социоморфности* законов и закономерностей в гуманитарной географии. В соответствии с парадоксом Хайека, любые

категории в общественных науках действуют лишь в той мере, в которой они преломляются в сознании людей – если последние их не признают, никаких научных категорий в действительности и не существует. С нашей стороны было бы неискренне преувеличивать методологическую универсальность известных законов в общественной географии, равно как и в географии вообще (если даже некоторые из вышеупомянутых их творцов были нашими мудрыми учителями).

А. Г. Дружинин

Осмисливая итоги последнего десятилетия, уместно вести речь не о реальных «достижениях» российской социально-экономической географии (каких-либо «прорывных» идей генерировать научному сообществу в этот период фактически не удалось, а доминирующие теоретические конструкты всё больше «не поспевают» за стремительно меняющейся общественно-географической реальностью), а скорее, о множественных, лишь в отдельных случаях существенных «подвижках» в области теоретической интерпретации территориальной организации общества. К числу последних следует, полагаю, отнести многоаспектное теоретическое обоснование новой регионализации России, осмысление феноменов при- и трансграничности, урбанизации и многополюсности, формирование ряда понятийно-терминологических построений в области политико-географических и культурно-географических исследований, разработку позиционного подхода и представлений о геопространстве. Характерный для последних лет выраженный акцент на преимущественно внешних (достаточно фрагментарных, временами поверхностных) теоретических заимствованиях, нежелание, да зачастую и невозможность (поскольку исследуемый объект существенно изменился) развивать «старую» (советскую) экономико-географическую теорию, тиражирование взглядов на теоретический аспект знания как нечто необязательное, второстепенное – всё это благоприятствовало «детеоретизации» экономико-географических исследований, существенно снижая общий эвристический потенциал нашей науки.

Н. Н. Клюев

Крупные теоретические обобщения в экономической географии – вообще нечастые события. Это определяется спецификой науки – «дочерней» по отношению к географии и экономике, в которых универ-

сальные законы условны и относительны. В экономической географии на каждом шагу мы видим отрицание общих законов – важнее оказывается национальное, региональное, местное. Поэтому в качестве теоретического ядра нашей науки рассматриваются понятия и концепции (П. Я. Бакланов, В. Е. Шувалов), а не законы территориальной организации общества (А. А. Ткаченко). Среди немногочисленных собственно теоретических работ выделяется монографическое исследование территориальных структур хозяйства на микроуровне П. Я. Бакланова, нацеленное на поиск первичных элементов экономико-географического познания.

За последнее двадцатилетие отечественная география развивалась по сырьевому пути – накопления результатов эмпирических исследований, которые не получили пока сколько-нибудь удовлетворительного концептуального осмысления. Это больше относится к экономико-географической «магистральной». Новые ветви – политическая, электоральная география и др., формировавшиеся у нас заново, разрабатывали и определенные теоретические основы, хотя чаще транслировали западные знания в нашу практику. Курьёзный случай – импорт теории «кластеров» в страну, где ТПК изучали в школе.

Коренная ломка на рубеже веков всех основ нашей жизни вызвала масштабные географически важные изменения. Сузившийся поток географов сконцентрировался на фиксации и экспресс-анализе произошедших сдвигов. Основные усилия были направлены на осмысление новорусского хозяйственного пространства, распавшегося на оазисы относительного благополучия (но не экологического благополучия), эксплуатирующие статусно-столичную и природную ренту, и всё более отстающую периферию, характеризующуюся архаизацией и деградацией. Были выявлены и охарактеризованы новые явления географической действительности: усиление природно-ресурсного сектора в национальном и региональном хозяйстве; трубопроводно-портовый «бум» на фоне стагнации дорожного строительства; сугубо российская «кризисная постиндустриализация», когда третичная сфера (преимущественно торгово-бюрократическая) растёт не на развитой индустриальной базе, а вместо неё «аграризация» региональных структур; крупномасштабный сдвиг сельского хозяйства на личные подворья; феномен псевдоинтенсификации аграрной сферы за счёт ужесточения эксплуатации трудовых и земельных ресурсов; продвижение земледель-

ческой специализации сельского хозяйства от сухих степей до тундры и др. Прimitивизация российской экономики усилила роль природно-ресурсных факторов в жизни страны и регионов, что должно было бы стимулировать исследования в области географии природопользования, экологической географии. Но этого не произошло в силу ослабления государства (потенциального заказчика исследований), его «полуотмирания» в постсоветский период.

А. В. Мошков

Разработаны подходы и основные принципы структуризации географического пространства (П. Я. Бакланов, 2007, 2009). Выделяется общая закономерность географического структурирования: чем меньше охватываемая территория, тем детальнее и конкретнее выделяемые территориальные структуры (крупномасштабные исследования), но – менее строго и однозначно можно установить их границы. Географические границы, в этой связи, являются специфическими географическими структурами, отдельные звенья которых и разделяют, и связывают более крупные структуры различающихся соседних геосистем. Началом структуризации, своеобразной «точкой отсчета» территориальных структур хозяйства может быть любое территориально компактное предприятие. Все другие в пределах той или иной территории будут включаться в территориальные структуры в виде различных структурных звеньев.

Были возрождены такие научные направления, как политическая география и геополитика (П. Я. Бакланов, Н. С. Мироненко и др.); изданы труды по страноведению, где отражены глобальные изменения, произошедшие на геополитической карте мира (В. П. Максаковский).

Проведена оценка экономико-географического и геополитического положения ключевого региона страны в наиболее динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе мира (П. Я. Бакланов, М. Т. Романов). При этом, по мнению авторов, необходимо учитывать уровень социально-экономического освоения территории. Если стратегия дальнейшего развития староосвоенных территорий исходит «от достигнутого» (от накопленных за предыдущие периоды экономического, демографического, инфраструктурного потенциалов, сформировавшейся территориальной структуры), то на новых и слабоосвоенных территориях влияние этих потенциалов не столь значительно и их инер-

ционный эффект проявляется в меньшей степени (на первое место здесь выходит экономико-географическое и геополитическое положения).

Сформулированы подходы к оценке хозяйственного освоения территории России (П. Я. Бакланов, Б. М. Ишмуратов, Ю. П. Михайлов, К. Н. Мисевич, М. Т. Романов и др.). Разработаны теоретические основы размещения производительных сил и хозяйства региона (М. Д. Шарыгин, А. И. Зырянов, А. М. Трофимов, Е. Г. Анимица, М. К. Бандман, В. Ю. Малов, Б. М. Ишмуратов и др.). Введено понятие процесса структурных изменений в территориально-отраслевой системе промышленности (А. В. Мошков, 2005, 2008), которое определяется как постоянное или периодическое изменение взаимоотношений между территориальными и отраслевыми элементами её структуры, обусловленное необходимостью преодоления возникающих в условиях конкуренции диспропорций в развитии блоков специализированных и обслуживающих отраслей промышленности. Выявлены общие тенденции перестроения территориально-отраслевой структуры промышленности регионов России. Введено понятие континентально-океанической дихотомии в международном и региональном развитии (Л. А. Безруков, 2008), которая обусловлена разной экономической эффективностью морских и сухопутных перевозок, а также особенностей макроположения стран и регионов относительно моря. Выделен специфический предмет экономико-географических исследований – закономерности формирования и развития потребительской среды, выступающей в качестве сферы деятельности человека, наиболее тесно связанной с местными социально-экономическими условиями жизнедеятельности населения (Н. М. Сысоева, 2004).

А. Н. Пилясов

Считаю важнейшим достижением нашей науки в последние два десятилетия разработку новых представлений о роли пространственных факторов, неоднородности российского пространства в процессе радикального реформирования национальной экономики. В результате теоретического осмысления богатого эмпирического материала нашими коллегами были совершены важные прорывы в понимании географических особенностей экономической трансформации крупных федеративных государств (роли пространственных факторов в генезисе основных социальных проблем, в формировании новой региональ-

ной политики, в аграрных реформах, новом освоении северных территорий России).

Другим крупным достижением нашей науки считаю выполненный цикл ретроспективных работ (на глубину 60–100 лет) по развитию городской и сельской местности Центральной России, по закономерностям и особенностям освоения Северо-Востока России и ряд других аналогичных исследований. Кризисное десятилетие 1990-х годов вызвало в научном сообществе потребность создать широкую историко-географическую панораму пути регионов и городов России в XX в. и в ее контексте лучше понять современную проблематику их развития.

Важнейшим упущением нашей науки считаю то, что не было выработано целостного представления (новой теории) о географических закономерностях (роли пространственных факторов) реформирования и модернизации российской экономики. Разрозненные работы московской, петербургской, иркутской, других региональных школ экономико-географов и региональных экономистов не привели к созданию единого концептуального взгляда, единой теоретической платформы. Между тем все возможности, а главное – спрос на рождение такого представления явно был. Наши коллеги-экономисты смогли создать такую теорию на платформе институциональной экономики¹.

Ю. В. Поросенков

В последние 20 лет российская социально-экономическая география (СЭГ) уточнила свое представление об объекте и предмете исследования. Если в середине XX в. объектом исследования отечественной экономической географии выступало размещение производства, условия и факторы его развития в различных странах и районах, то в 60–70-х годах XX в. объект исследования стал пониматься как территориальная организация хозяйства. Уже в 80-е годы XX в. объектом отечественной СЭГ становится территориальная организация общества (ТОО). В последнее двадцатилетие такой подход получил широкое распространение.

При определении объекта исследования современной отечественной СЭГ необходимо учитывать ее одновременное расположе-

---

¹ Речь идет о цикле работ В. М. Полтеровича, которая увенчалась созданием монографии: *Полтерович В. М. Элементы теории реформ.* – М.: Экономика, 2007.

ние в системах разных наук, прежде всего географических и обществоведческих (социальных и экономических). С учетом требований общей теории географии объект СЭГ может быть определен как ТОО в процессах ее взаимосвязей и взаимовлияния с природной (географической) средой на глобальном, страновом, региональном и локальном уровнях. С учетом требований теории обществоведения ТОО как объект СЭГ исследуется по основным этапам ее эволюции в тесной связи с развитием производственных и общественных отношений.

Одним из ведущих методологических подходов современной российской СЭГ выступает системно-структурная методология, которая позволяет рассматривать ТОО как сложные территориальные системы разных типов и иерархических уровней. Системно-структурный подход позволил устранить определенное противоречие в исследовании общества и природы, существовавшее в прежних работах. Важнейшим достижением отечественной науки последних лет является усиление ее интеграции с мировой наукой, формирование новых направлений в рамках российской СЭГ и все более широкое использование геоинформационных методов исследования.

Г. В. Сдасюк

В последний 20-летний период значительно расширился спектр процессов и проблем, изучаемых российской социально-экономической географией (СЭГ). Схематично можно выделить теоретические достижения в следующих основных областях СЭГ:

- продолжают исследования и развитие классических теорий размещения, систем центральных мест, концепции центр – периферия, проблем пространственной эволюции и типологии транспортных сетей, закономерностей самоорганизации и организации территориальной организации общества;

- наблюдается общая тенденция гуманизации СЭГ, имеющая многие аспекты, включая пространственно-временной анализ территориальных рекреационных систем;

- усиливается анализ закономерностей взаимодействия между экономическим ростом, демографическими трендами и состоянием окружающей среды. Закладываются основы социо-экологической географии, включающей концепцию эколого-географического положения, теоретические и региональные проблемы природопользования, эколо-

го-экономическое моделирование региональных систем, экодиагностику территорий, концепцию эколого-хозяйственного баланса.

Последнее 20-летие – период научных доказательств и все более широкого осознания обострения взаимодействия общества и природы.

С начала 1990-х гг. возрастает осознание того, что потребление обществом биоресурсов превосходит воспроизводство природно-экологического потенциала, что ведет к ускорению истощения невозобновляемых ресурсов и ускорению деградации экосистем.

Представители социально-экономической географии фокусируют внимание на разработке теории, методологии, а также прикладных аспектов деятельности общества как ведущей силы происходящих природно-антропогенных изменений. Выявляется, что резко различный территориальный ход этих процессов определяется совокупностью природно-экологических и социально-экономических условий регионов при ведущей роли региональной политики государства.

Усилился анализ закономерностей взаимодействия между экономическим ростом, демографическими трендами и состоянием окружающей среды.

В. Н. Стрелецкий

В научном сообществе довольно широко распространено мнение, что «статус» отечественной социально-экономической географии за последние два десятилетия существенно снизился, а ее теоретические достижения не были значительными. Действительно, на фоне быстрого развития в нашей стране смежных социальных (а в последнее время и гуманитарных) наук социально-экономическая география оказалась как бы в тени. Она «не поспевала» за бурным развитием базовых обществоведческих и гуманитарных дисциплин (экономических, политических, культурологических и др.). А главное, *не было в ее развитии, к сожалению, за последние двадцать лет теоретических, концептуальных, методологических прорывов первостепенного значения.* В том числе – прорывов, которые оказали бы сколько-либо заметное влияние на развитие аналогичных научных направлений за рубежом.

Тем не менее, сама отечественная социально-экономическая география претерпела в конце XX в. – начале XXI в. *огромную трансформацию*, и в этом отношении два последних десятилетия никак нельзя назвать для нее временем застоя. К тому же, 1990–2000-е годы были,

на мой взгляд, вообще не самыми продуктивными для Human Geography, хотя в мировом контексте теоретические инновации и плюса роста (научного) видны более отчетливо, чем у нас.

Главное достижение отечественной социально-экономической географии за минувшие двадцать лет – *отказ от экономического детерминизма*, во многом определявшего развитие этой научной дисциплины на протяжении всей советской эпохи, и связанного с ним методологического редукционизма. Быстрое развитие в нашей стране политической и культурной географии существенно *расширило предметное и проблемное поле* обществоведческой ветви отечественной географической науки. В настоящее время отечественная социально-экономическая география по своей проблематике, внутренней структуре, теоретическому багажу и методологическому инструментарию в значительно большей степени, чем это было в советский период, соответствует мировой Human Geography. Она теперь однозначно «вписана» в мировой контекст, чего нельзя было сказать в полной мере еще 20–25 лет назад.

Здесь нельзя обойти стороной вопрос о наименовании всей обществоведческой ветви отечественной географической науки (аналога зарубежной Human Geography) на русском языке. Название *социально-экономическая география*, несомненно, хорошо отражало реальную для нашей страны ситуацию в советский период, особенно в 1970–1980-е годы, когда наряду с давно сложившейся и уже снискавшей большой авторитет экономической географией у нас быстрое развитие получили социально-географические исследования. Но современная российская «нефизическая» география («общественная география», «география общества», «география человека», «география человека и общества», «география человеческой деятельности», «социально-экономическая и гуманитарная география» – об оптимальном названии можно спорить) уже существенно выходит за рамки исследовательского поля прежней, «усеченной» социально-экономической географии. Отсутствие консенсуса среди ученых в отношении адекватного и оптимального русскоязычного наименования всей ветви географии, за которой в мировой науке давно закреплен термин Human Geography, – очень серьезная методологическая проблема, нерешенность которой, чем дальше, тем более, становится существенным фактором, сдерживающим развитие российской географической науки. В большинстве вопросов, предложенных для данных экспертных интервью, фигури-

рует термин *социально-экономическая география*. Вынужденно используя его и в своих ответах, я имею в виду именно отечественный аналог Human Geography в целом, т. е. *всю совокупность географических дисциплин, изучающих общество и человеческую деятельность*, а не просто единство двух тесно связанных научных дисциплин – экономической и социальной (в узком смысле) географии.

С. А. Тархов

Российские экономико-географы в значительной степени перешли от нормативных (хотя, до конца от них не отказались) представлений к номотетическим, т. е. от стремления к достижению оптимальных пространственных структур к обнаружению и изучению реально происходящих на территории процессов пространственной самоорганизации людей и их деятельности. Больше внимания стало уделяться пространственным структурам, а не только функциональным и функционально-пространственным. Правда, в последние годы усилился функционально-корпоративный меркантилистский крен.

А. И. Трейвиш

Собственных, незаёмных достижений мало (либо нет вовсе) по двум главным причинам. Во-первых, отечественная наука в годы радикальных перемен и убогого финансирования пыталась выживать прежде всего за счет прикладных разработок. Проще говоря, нам долго было не до теорий. Во-вторых, потеря статуса сверхдержавы и «открытие» в мир, зарубежные контакты и утечка мозгов (изредка с возвратом), мода на западные теории, доступ к источникам (теперь через Интернет), наше отставание в ряде областей (связанных с рынком, постиндустриализмом, геополитикой, политгеографией, стадиальностью и др.) – все вместе привело к массовому заимствованию зарубежного опыта.

Процесс сам по себе нормальный. Но порой возникают столкновения с нашими теориями; яркий пример – кластеры vs. ТПК. Ситуации интересны и важны нам, но не западным коллегам. Кроме того, на этом фоне упущены не то что теории, а целые пласты нашей реальности, не имеющие аналогов или слабее выраженные за рубежом, без внутреннего «социального заказа» и статистического обеспечения из-за инертности власти и общества. Так, российская сезонно-дачная конurbationизация, уникальная по масштабам, все еще понимается как

нечто доморощенно-несерьезное и не заслуживающее глубокого анализа. Раз там его нет, зачем он здесь? Но ответ очевиден. Это же реальная жизнь миллионов россиян...

Теоретический потенциал и старый багаж пока не утеряны совсем. Но без хотя бы простого численного воспроизводства научных поколений (это условие необходимое, хотя еще остаточное, а пока воспроизводство у нас резко суженное) прогноз неутешителен.

А. М. Трофимов

К числу теоретических достижений я бы отнёс обоснование фундаментальных свойств географического пространства-времени. Тесное взаимодействие систем между собой, их проникновение друг в друга формирует имманентное свойство географического пространства-времени (ГпиВ). Оно подчеркивает, что принадлежность какой-либо геосистемы может быть не только полной, но и частичной. В основе такого «континуума» лежит признание объективно существующих интересов различного содержания (Хузеев, 1986), как побудительной силы процессов, во многом определяющих их структуру, функционирование и развитие, а также признание свойств размытости в качестве одного из фундаментальных свойств (Трофимов, Шувалов, 2005). Каскадный характер иерархических систем обуславливает тот факт, что обмен веществом, энергией и информацией происходит как в пределах одного уровня, так и между различными уровнями через некоторые «пороги» (Malisz, 1976) в виде некоторых сдвигов. Рассматривая ГпиВ как множество соразвивающихся систем разных уровней, можно перейти ко второму фундаментальному свойству – дискретности и континуальности. Впервые о едином существовании дискретных и континуальных образований заговорил ряд ведущих исследователей (Преображенский, 1972; Липец, 1973 и др.), они же дали и географическую интерпретацию этому свойству ГпиВ. Однако, все же, наиболее общим фундаментальным свойством ГпиВ является процесс концентрации и рассеивания (Машбиц, 1991), которое породило процесс формирования самого ГпиВ в виде особых центров, «точек роста» и т. п. локальных неоднородностей. В дальнейшем Ф. Бродель (1992) и И. Валлерстейн (2001) описали модель развития территории по типу «центр-периферия». Этот образ модели позволил Н. А. Служе (2005) выделить особые географические пространственные образования типа

олигополисов. В дальнейшем модель была интерполирована на географические образования самого различного масштаба: от города до мирового хозяйства в целом (Липец, Пуляркин, 2001). Все эти особенности ГпиВ привели к идее сбалансированности географического пространства (Трофимов, Шувалов, 2005), где связи между элементами системы элиминируются и усиливаются. Идея сбалансированности так или иначе привела к понятию комплексности (Агафонов, 1983) и сразу же в географии появились «свои» комплексы – ТПК, АПК, ТОО, ТСЭС и др. Это фундаментальное свойство ГпиВ развивалось вполне эффективно и результативно до этапа постиндустриального развития, когда многие положения стали устаревать в условиях рыночных отношений. Однако, отметим, не потерял своей значимости территориальный фактор; более того, в отдельных случаях он приобрел решающее значение. Ведущие школы конкурентоспособности и позиционирования вновь «открыли» и «переоткрыли» значение этого фактора (Пилипенко, 2006) и в социально-экономической географии появились свои новые термины и подходы – кластер (Porter, 1990), региональные кластеры (Enright, 1990), инновационные комплексы (Stohr, 1986) и др.

Подводя итоги взаимосвязи фундаментальных свойств ГпиВ необходимо отметить, что процесс сбалансирования – это, все же, процесс эволюционный, в то же время пространство-время интенсивно развивается, причем развитие рассматривается как процесс «взрывной», «вспышкообразный» в духе теории Дж. Шумпетера (Schumpeter, 1939). Наконец, существует еще одно фундаментальное свойство ГпиВ – его устойчивость, связанная с наличием у него неизменяющегося инвариантного аспекта (Арманд, 1989).

Э. Л. Файбусович

Не отношу себя к ведущим российским экономико-географам, но полагаю, что полувековой опыт преподавания экономической географии в высшей школе, трансляции достижений этой науки в средней школе даёт мне право высказаться по вопросам развития её теории.

К сожалению, прорывными теоретическими работами в области социально-экономической географии постсоветская отечественная наука похвастаться не может. Если предшественники добились успехов, стоя на плечах гигантов, то наши современники не могут дотянуться до их (предшественников) плеча. Не принесли больших успе-

хов попытки внедрить в нашу науку плоды западных теоретических исканий, преимущественно экономистов, а не географов (например, идея кластеров М. Портера или «новая экономическая география» П. Кругмана). Для своего времени и для условий плановой экономики учение о территориально-производственных комплексах было разработано советскими географами гораздо более глубоко, чем то, что предложено использовать географам в трудах М. Портера, а идея П. Кругмана лишь применением математического аппарата дополнила разработанная ранее учение о территориальном разделении труда.

Не увенчалась успехом попытка решения поставленной предшественниками задачи преодоления «разорванной» географии именно со стороны представителей общественного крыла географической науки. «Естественники» добились в этом отношении более значительных успехов, предложив например «Экологическую географию» (А. Г. Исаченко). У нас же некоторые успехи обнаружились только в частных дисциплинах, на гранях с другими общественными науками, что ещё более разделяет оба крыла географии и грозит утратой географической идентичности. Кстати говоря, это одна из причин ухода географов «по рождению» в области экономики, культурологии, педагогики в качестве докторов соответствующих наук.

Один из примеров такого отхода, утраты географического первородства – рост числа работ по региональной экономике как экономической, а не географической дисциплины. Изучая один объект – территориальные экономические образования – география и регионально-экономическая наука имеют (должны иметь) разные предметы исследования. Экономисты – абстрактные закономерности функционирования этих образований, а географы – их выявление, индивидуальные свойства, прогнозирование их развития с учётом выявленных закономерностей, с одной стороны, и уникальности этих образований – с другой. Взаимодействие обоих направлений может дать хорошие результаты, если географы и экономисты будут заниматься каждый своим делом, а не пытаться подменить коллег – конкурентов.

Советские экономико-географы первой половины XX столетия успешно выполнили исторически важную научную задачу – создали учение, адекватно отражающее пространственные проблемы формирования экономики нового типа, плановой, социалистической (в последнем можно сомневаться, но в том, что она была принципиально

нерыночной, не поспоришь). В той степени, в которой материально-техническая база общества имела общие черты в капиталистической и социалистической экономике, советские географы успешно использовали достижения «буржуазных» учёных, зарубежных (те же И. Тюнен или М. Вебер) и отечественных дореволюционных (разработчиков теории экономического районирования). В наиболее сложные годы ссылки на первоисточники заменялись подходящими цитатами из классиков марксизма-ленинизма или решений очередного съезда партии. Но сути дела это не меняло. Важнейшие достижения И. Г. Александрова, Н. Н. Колосовского, А. Е. Пробста создали авторитет экономико-географической науке и обеспечили решения прикладных задач строительства советской экономики.

Наши современники пока не смогли достойно ответить на вызов времени, приспособить свою науку к нуждам страны, осуществляющей невиданный в истории возврат от плановой экономики (а вместе с тем социальных отношений) к рыночной, к капиталистическим производственным отношениям. В оправдание можно указать на то, что изменения в надстройке по многим направлениям опередили изменения в реальных производственных отношениях и тем более в производительных силах (в какой-то мере повторив первое десятилетие существования Советского государства). Но тогда географы опередили реальность. В силу несформированности рыночной экономики, которая опирается в основном на материальный задел советского времени, теоретическая база советской экономической географии, очищенная от идеологических наворотов, остаётся вполне пригодной и для переходного периода. И дело не только в инерционности территориальной организации производства и расселения (большинство изменений в ней связано только с угасанием, деградацией отдельных элементов). Выяснилось, что на индустриальной стадии развития общества многие вскрытые закономерности его развития и их территориальные проявления оказались общими для капитализма и социализма, частично они характерны и для современной российской экономики квази-рыночного типа. Это было ясно географам (Н. Т. Агафонов, С. Б. Лавров), которым не мешали идеологические псевдомарксистские ограничения.

Наши экономико-географы достаточно успешно и своевременно отражают в своих исследованиях пространственные проявления в процессе перехода нашей страны к рыночной. Как пример, укажу ра-

боты Т. Г. Нефёдовой, А. И. Трейвиша. Всё же научно предвидеть как будет развиваться страна в направлении постиндустриальной экономики в условиях глобализации не могут не только географы, но и экономисты, социологи, политологи. Переходное состояние общества является объективной причиной торможения отечественной экономико-географической теоретической мысли.

Есть ещё одно – более веское основание. Это нарастающий антигеографизм человеческого общества, тенденция выравнивания, стандартизации экономики, культуры стран и народов мира. Не является случайным, что в этих обстоятельствах возрастает роль религии как едва-ли не единственного средства цивилизационной самоидентификации. А ведь различия «от места к месту», их изучение, объяснение – хлеб географии, её ниша в науке. Стирание пространственных различий – смерть географии, именно общественной её ветви, поскольку природные различия всё же останутся, если только земной шар не постигнет космическая катастрофа. Характерно, что ни одна из выявленных марксистским учением общественных формаций не господствовала на всей земной поверхности. Это касается и классического рабовладельческого строя (в ограниченной части Старого света), и феодализма, и «азиатского» способа производства. И даже победоносное шествие капитализма по существу не привело к его победе в большинстве стран Африки и ряде стран Азии. Модель коммунистического (социалистического) общественного строя по замыслу была глобалистской, но и она в той или иной степени была реализована в ограниченной части мира. И в наши дни идея глобализма в его прозападном варианте реализуется усилиями небольшой группы постиндустриальных стран. Сомнительно, что полная реализация этого варианта вообще возможна. Но то, что уже достигнуто на пути глобализации, смешивает все карты. Унификация за счёт усиливающейся роли территориального (в первую очередь межстранового) разделения труда, коснулась исторически и более всего проявляется в наше время в сфере не производства, а потребления. Основная масса населения любой страны потребляла веками преимущественно то, что в этой стране производилось. Конечно, господствующие классы могли потреблять привозные продукты. В России – шампанское, устриц, «суп в кастрюльке прямо из Парижа», надевать «боливар» и использовать французскую парфюмерию. Но тогда всё же можно было обратиться к человеку: «скажи,

что ты ешь, и я скажу, кто ты». Ели преимущественно своё. Прогресс транспорта способствовал пространственному отрыву мест производства от мест потребления, в первую очередь предметов личного потребления. Уже с XIX в. эта насыщенность рынка в США привозными товарами отмечена в стихах У. Уитмена. Возросшая аллохтонность потребления жителей Чукотки хорошо прослеживается в XX в. по произведениям Ю. Рытхеу. В начале XX в. привозными для чукчей были винчестеры и «огненная вода», а в конце века здесь потребляли кофе, коньяк, крабов. Прогресс технологии перевозок на большие расстояния привёл к тому, что привозные товары стали продуктами массового спроса, в том числе такие, которые прежде не выдерживали длительных перевозок. Несколько позже, но в гораздо более массовых масштабах стала осуществляться перевозка на дальние расстояния продукции производственного назначения, особенно сырьевых товаров и минерального топлива. Всё в большей степени наблюдается пространственный отрыв мест добычи сырья от мест даже первичной его переработки. Соответственно – отказ от использования в производстве многих видов сырья и топлива из местных источников, как не выдерживающих конкуренции. Этими причинами объясняется, в частности, отказ от Тюненовской модели размещения сельскохозяйственного производства, хотя сельское хозяйство, казалось бы, в наибольшей степени привязано к местным природным условиям и центрам потребления продукции, чем другие отрасли.

В глобализирующемся постиндустриальном обществе, в сущности, оказались непригодными и классические модели М. Вебера и В. Кристаллера. Особенно велика в этом роль раздутой финансовой сферы и новейших средств информации. Никакими принятыми географами классическими теориями размещения производства нельзя описать предельно узкие формы разделения труда типа аутсорсинга. Почему налоговые декларации граждан США должны обрабатываться на юге Индии? Почему консервированная вареная свёкла из Испании или солёные огурцы из Израиля оказываются конкурентоспособными на полках сетевых магазинов Санкт-Петербурга? О каком серьёзном, даже среднесрочном прогнозировании, обосновании размещения конкретных предприятий может идти речь, если условия развития определяются игрой, биржевой конъюнктурой, когда многое зависит от возможности дефолта в каком-нибудь Дубае? В описании современ-

ной экономики всё больше входит категория «играизация». «Что наша жизнь – игра» и «пусть неудачник плачет». От такой игры зависит решение о размещении тех или иных производств, тех или иных товаров и определяется степень экономической эффективности вариантов размещения. Скорее, этими проблемами должна заниматься «теория игр», географы в такие игры не играют. По традиции экономико-географы занимались преимущественно реальным сектором экономики, который в условиях планового хозяйства менее зависел от конъюнктуры, был относительно стабильным. Не думаю, что мы способны научиться играть в этакую «угадайку». Возможно, за это возьмутся экономисты, хотя, как известно, и они постоянно проваливаются.

Выходом для географии может стать традиционная специализация на территориоведческих характеристиках (страноведение, регионоведение). Но и на этом направлении трудно выдержать конкуренцию информатики. ГИС – географические системы только по названию. Это лишь способ организации разнородной информации, относящейся к той или иной территории. Но задача целостной характеристики территории не входит в функции этой системы. Потенциального потребителя сложные географические материи обычно не интересуют. Ему нужна чаще всего справочная информация одноразового пользования – где, что и в каком количестве находится. Из этого науки не построишь.

Всё сказанное позволяет дать очень пессимистическую оценку перспектив экономической географии, во всяком случае, на ближайшее будущее.

Г. М. Фёдоров

Хотя по каждому из направлений социально-экономической географии можно привести примеры совершенствования теории (преимущественно по пути адаптации традиционных для отечественной науки концепций к изменившимся условиям, а иногда – заимствований с Запада), представляется, что серьезного теоретического прорыва пока не наблюдается. А иногда, когда исследователь пытается полностью забыть отечественный опыт теории и практики социально-экономической географии, имеются и отступления в направлении «что вижу, то и пою».

А. И. Чистобаев

Да, достижения есть! Это – обоснования специфики регионального развития России и, как следствие, невозможности механического переноса достижений западной региональной науки в наши условия. К сожалению, не все коллеги осознали эту истину и провозглашают такой критерий оценки значимости научно-исследовательских работ: соответствуют западным теориям (концепциям) – хорошо, не соответствуют – плохо. На мой взгляд, это глубокое заблуждение, снижающее статус нашей науки.

М. Д. Шарыгин.

Несмотря на сложную социально-экономическую и финансовую ситуацию в стране, теоретические исследования никогда не прекращались, хотя и не были в числе приоритетных. Преобладали прикладные изыскания, часто носившие конъюнктурный характер.

Важнейшим достижением считаю углубление учения о географическом пространстве-времени и, как следствие, обоснование пространственно-временной парадигмы развития человеческого общества. В эти годы сформировались теория территориальной организации общества и учение о территориальных общественных системах.

За последние годы произошли структурные изменения в социально-экономической географии за счет активного исследования процессов социально-гуманистического направления. Целевая ориентация на повышение уровня и качества жизни населения в исследованиях территориальной организации общества инициировала формирование таких научных дисциплин как география образа жизни населения, культурная география, поведенческая география и др.

Следствием экологизации экономико-географических изысканий стали теоретические обобщения эколого-экономического и социально-экологического районирования и основы учения о территориальных природно-общественных системах. Заметные успехи наблюдаются в формировании теоретико-методологических основ рекреационной географии и географии туризма, новой конструкции территориальных туристско-рекреационных систем.

Высоко (достаточно позитивно) оценивания теоретические достижения, следует констатировать, что они не стали достоянием всей географической общественности. Конец XX столетия ознаменовался

разобщенностью и рассогласованностью научных исследований, локацией результатов в ограниченных (количественно и пространственно) изданиях. В последние годы резко сократились формы научного общения (это на фоне расширяющегося Интернета).

Другим опущением в процессах теоретизации следует признать, что, к сожалению, не заложен теоретико-методологический фундамент развития общественной географии. Вместо него происходит расширение перечня научных направлений, что ведет к «расползанию» социально-экономической (общественной) географии.

В. Е. Шувалов

«Прорывных» теоретических достижений в отечественной социально-экономической географии в последнее двадцатилетие практически не было. Одной из причин такого положения являлся тот факт, что ее понятийно-концептуальная система формировалась относительно изолированно и самодостаточно. Отечественные экономико-географы столкнулись с необходимостью переосмысления своего теоретического багажа в связи с кардинальной сменой ведущих факторов общественно-политического и социально-экономического развития страны, которая привела к трансформации территориальной организации российского общества. И этот период «осмысления» и выработки новой теоретической базы чрезвычайно затянулся. Это было связано целым рядом объективных и субъективных причин. Среди первых можно отметить: *экономический фактор* (экономико-географы, как и представители многих других наук, вынуждены были «выживать» в новых рыночных условиях в отсутствии приемлемого уровня финансирования науки и образования, им, другими словами, было «не до теории», а наука и образование перестало подпитываться талантливыми молодыми кадрами), *институциональный фактор* (сложившаяся в советский период система организации науки и образования отличалась большой консервативностью и отвергала новации), *фактор общественно-го заказа* (государство и бизнес в этот период решали другие проблемы и им было «не до высокой науки», достижения которой ей просто были не нужны), *фактор междисциплинарной конкуренции* (именно в этот период «экологическая ниша» социально-экономической географии была во многом занята представителями региональных общественных наук). Среди вторых отметим: *пассионарный фактор* (отсутствие

лидеров, каким был, например, Н. Н. Баранский), которые смогли бы инициировать и организовать процесс трансформации старой или формирования новой теоретической базы в социально-экономической географии); *психологический фактор* (большинство отечественных экономико-географов были воспитаны в духе доминировавшей многие десятилетия районной школы и в силу разных причин не смогли от нее отойти); *фактор «языкового барьера»* (большинство экономико-географов, имели, да и имеют, слабое представление о других, западных направлениях и школах). Дополнительным фактором стали сами принципы построения теоретической базы отечественной социально-экономической географии в виде достаточно жесткой по своей конструкции понятийно-концептуальной системы (как, например, понятие и концепция ТПК), которая слабо подвержена адаптации к современным условиям, не говоря уже о кардинальной трансформации.

Тем не менее, в социальной и политической географии в этот период появилось немало направлений, которые являются традиционными для западной географии, но относительно новыми для отечественной социально-экономической географии (культурная география с ее многообразием подходов, политическая география, в том числе ее электоральное направление, и др.). Эти направления в нашей стране находились в этот период в стадии становления и еще не выработали новой теоретической базы (или не успели этого сделать). В этих условиях ведущим направлением развития теории отечественной социально-экономической географии стало заимствование западных подходов (развивающихся в основном в региональных науках), концепций (прежде всего, центр-периферийная) и связанных с ними методов исследования. Однако это заимствование в целом носило односторонний характер (например, кластерный подход) и было слабо адаптировано к российской специфике. Все это привело к постепенной утрате накопленного в классической отечественной географии теоретического багажа и отсутствию какой-либо целостной теоретической базы, основанной на западных подходах.

В. А. Шупер

Теоретические достижения отечественной социально-экономической географии до обидного скромны. Можно отметить представления о чередовании интеграционных и дезинтеграционных циклов

в развитии мирового хозяйства Л. М. Синцера, которые, увы, вполне подтверждаются наступлением второго глобального дезинтеграционного цикла. Заслуживает самого серьезного внимания новый подход к континентально-океанической дихотомии, предложенный Л. А. Безруковым. Выход в 2009 г. книги А. И. Трейвиша «Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа», безусловно, будет способствовать активизации теоретических поисков в экономической географии, однако многие важные направления, например, теория больших стран, которая должна дополнить теорию малых высокоразвитых стран Б. Н. Зимина, в ней только намечены. Важные результаты были получены А. А. Важениным, установившим зависимость типа кристаллеровской иерархии от уровня урбанизации. Им же было показано, что правило «ранг-размер», переставая выполняться для городов высокоразвитых стран, начинает «работать» для городских агломераций. Фундаментальный результат был получен С. П. Капицей, показавшим, что правило «ранг-размер» выполнялось для городов мира в течение всего исторического периода, даже до открытия Нового Света, что совершенно нетривиально и имеет большое мировоззренческое значение.

Бедность теоретических результатов вызвана не снижением интеллектуального уровня, а снижением интенсивности исследовательской работы. В 2009 г. автору довелось быть председателем ГАКа на геофаке МГУ. Из 65 защищенных дипломных работ по экономической географии ни одна не могла быть отнесена к фундаментальным исследованиям. Теорий не было и в помине. В чести сейчас только сугубо прикладная тематика. Представить подобное 20 лет назад было бы просто невозможно.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАГАЖ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: ЧТО СОХРАНИТЬ И ОТ ЧЕГО ОТКАЗАТЬСЯ?

С. С. Артоболевский

*В хозяйстве все пригодится
(народная мудрость)*

Отказаться только от явного идеологического ПИАРа, типа классового подхода или партийности в социально-экономической географии. Все остальное «оставить в багаже»: во-первых, для истории географической науки, во-вторых, при нашем «догоняющем развитии по спирали», вполне могут быть востребованы идеи советской экономико-географической школы (при этом разных периодов), в-третьих, может быть, начнем учиться хотя бы на своих ошибках.

Юридически РФ является правопреемником СССР и этот принцип вполне можно распространить и на теорию социально-экономической географии. Инерционность региональных процессов дополняется замедленной ротацией кадров. Суммарно советский багаж очень медленно теряет пользователей.

В. Л. Бабурин

Теоретический багаж советской школы был преимущественно разработан для индустриальной эпохи, более того, для ее начальных стадий – в основном второй и, отчасти, первой, промышленных революций. Поэтому в части касающейся исследований основных отраслей лидеров этой фазы общественно-исторического развития (промышленность, наука, строительство) многое может использоваться и далее, естественно, при условии соответствующей модернизации. Это касается, прежде всего, таких категорий-теорий как «ЭПЦ» и «ТПК». Более того, переход на систему ОКВЕДов создает и необходимый информационный базис для расширения исследований в рамках этой модели организации производства. Вне всяких сомнений усиливается значимость таких понятий как «функция места» и расширительно понимаемое «ЭПП».

В условиях реанимации планирования, прежде всего в части стратегического и территориального управления, имеет перспективу и районное направление в советской экономической географии. Речь в первую очередь может идти о ряде в прошлом широко используемых методов (балансовый, производственных функций, основного потока и др.). Однако, эти методы необходимо адаптировать к новым информационным задачам. Более того, районирование вновь имеет возможность получить конструктивную, а не только исследовательско-систематизационную направленность.

Однако следует помнить, что рассмотренные категории были разработаны на ранних стадиях индустриализации и еще в советский период уже значительно устарели, прежде всего – в методической части. С тех пор прошло еще более 20 лет и, разумеется, требуется очень серьезное переосмысление советского теоретического багажа. В первую очередь речь должна идти о разработке конкретных «счетных» моделей, тем более, что современные вычислительные возможности позволяют реализовать и многие разработки прошлого, не обеспеченные соответствующими техническими средствами. Но, разумеется, и без философского осмысления места географии в современном мире, ее внутренней динамики также не обойтись.

П. Я. Бакланов

Основы географического (территориального) разделения труда (Н. Н. Баранский, Ю. Г. Саушкин).

Основы учения об экономико-географическом положении (стран, регионов, городов) (Н. Н. Баранский, И. М. Маергойз, Г. М. Лаппо).

Учение об энергопроизводственных циклах (ЭПЦ) (Н. Н. Колосовский, Ю. Г. Саушкин, А. Т. Хрущев, И. В. Никольский, М. Д. Шарыгин).

Учение о территориально-производственных комплексах (ТПК) (Н. Н. Колосовский, М. К. Бандман, Н. Т. Агафонов, М. М. Паламарчук, В. Ю. Малов).

Учение об экономических районах и экономическом районировании (Н. Н. Колосовский, И. И. Белоусов, Т. М. Калашникова, Ю. Г. Саушкин, Э. Б. Алаев, А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин, Е. Е. Лейзерович, Б. Б. Родоман, В. К. Бугаев, С. Я. Ныммик).

Географические основы оценки природных ресурсов (А. А. Минц, Ю. П. Михайлов, И. В. Комар, Л. М. Корытный, Г. И. Гладкевич).

Основы учения о территориальных структурах хозяйства (И. М. Маргойз, А. Г. Гранберг, П. Я. Бакланов, А. П. Горкин, П. М. Полян).

Основы системного подхода к изучению географических структур, представление о территориальных производственных системах (Ю. Г. Саушкин, А. Г. Гранберг, П. Я. Бакланов, М. Д. Шарыгин, Б. М. Ишмурастов, В. Ю. Малов, А. В. Мошков).

Учение о хозяйственном освоении территорий и географической экспертизе (К. П. Космачев, Ю. Г. Саушкин, Ю. С. Никульников, В. В. Воробьев, В. А. Дергачев, Н. Б. Култашев, И. Р. Спектор).

Разработка географических аспектов теории размещения производства, территориальной организации промышленности, сельского хозяйства (А. Т. Хрущев, А. Н. Ракитников, К. И. Иванов, В. Г. Крючков, Ю. Г. Саушкин, С. Б. Лавров, Н. Т. Агафонов, Г. А. Приваловская, П. Я. Бакланов).

Учение о промышленных узлах (А. Т. Хрущев, М. П. Дербинова, С. Б. Лавров, П. Я. Бакланов, Л. П. Богданова).

Выделение и оценка экологических факторов размещения хозяйства (Г. А. Приваловская, Н. Н. Клюев, В. М. Разумовский, Т. Г. Нефедова, И. Н. Волкова).

Выделение элементов и параметров интеграционного потенциала транспортных сетей региона (Г. А. Гольц, С. А. Тархов, В. Н. Бугроменко).

Теоретические основы географии городов, расселения, в том числе сельского (Г. М. Лаппо, Е. Н. Перцик, С. А. Ковалев, Б. С. Хорев, В. Я. Любовный, В. В. Воробьев, А. И. Алексеев).

Теоретические представления о географическом прогнозе (Ю. Г. Саушкин, А. П. Капица, Ю. Г. Симонов, И. Р. Спектор, В. П. Макасовский, П. Я. Бакланов).

Теоретические аспекты моделирования экономико-географических структур и систем (М. К. Бандман, В. Ю. Малов, А. Г. Гранберг, П. Я. Бакланов, А. М. Трофимов, Р. Г. Хузеев, Н. И. Блажко).

Считаю, что во всех этих теоретических представлениях имеется большой содержательный смысл и конструктивная ориентация. В то же время – всё нуждается в дальнейшей более углубленной разработке, но «отбрасывать» ничего нельзя.

Например, идеи и конструкции ЭПЦ и сегодня, и в будущем могут использоваться в разработке долгосрочных региональных про-

грамм. Расчетные модели ЭПЦ, построенные для сочетаний природных ресурсов региона – это возможные варианты производственно-технологического развития. Затем проводятся технико-экономические оценки и обоснования реализации отдельных стадий ЭПЦ.

ТПК – территориально-производственные системы, промышленные узлы, экономические районы – это формы территориальной организации производства, хозяйства. Они в условиях рыночной экономики лишились плановости формирования и централизованного управления. Однако остались разнообразные формы связанности элементов, их определенная взаимообусловленность, агломерирование, стремление к эффективности именно на уровне предприятий, компаний. Разнообразие форм собственности, частная собственность через рыночные механизмы работает в форме самоорганизации территориальных сочетаний, а не в виде централизованного управления – как было при государственной собственности. Следовательно, и в рыночной экономике существуют и должны существовать упорядоченные (а не стихийные) территориальные образования в производстве, в хозяйстве, разумеется – с разной связанностью и сопряженностью элементов. Представляется, что в современных условиях как относительно более целостные следует выделять и изучать территориальные социально-экономические системы разного уровня: от локальных до районных. В основе их формирования и развития лежит формирование и развитие различных звеньев территориальных структур хозяйства.

Территориальное разделение труда, формирование и взаимодействие звеньев территориальных структур хозяйства, наличие территориальных зон влияния, тяготения ареалов территорий к экономическим центрам, их различные формы связанности между собой и территорией – все это создает объективную основу экономического районно-образования и районов. Анализ этих процессов и соответствующее экономическое районирование важны и для разработки региональных программ устойчивого развития и территориального управления. Например, оценка экономического, социального и экологического качества регионального развития возможны лишь в системе районирования.

Л. А. Безруков

Многие сложившиеся в рамках советской экономико-географической школы учения, теории, концепции и понятия несколько не поте-

ряли своего значения и в XXI в. К ним можно отнести учения об экономико-географическом положении (ЭГП), территориальном разделении труда (ТРТ), территориально-производственных комплексах (ТПК), территориальной организации хозяйства и общества, теории экономического районирования, геоурбанистики, концепции энергопроизводственных циклов (ЭПЦ), проблемного страноведения, опорного каркаса территории и др. Современную актуальность и востребованность названных понятий можно подтвердить следующими примерами.

Только в последнее десятилетие из печати вышло несколько монографий, посвященных понятию ЭГП – одному из «центральных понятий» экономической географии. Первой по дате выпуска является работа В. М. Булаева и А. Н. Новикова (2002), где дан анализ методологических и методических аспектов изучения ЭГП и показаны особенности макро-, мезо- и микроуровня его оценки на примере Восточного Забайкалья. Книга Л. А. Безрукова (2008) посвящена количественной оценке макрорасположения стран и регионов относительно морских путей и установлению «эффектов» этого макрорасположения. Большую теоретическую и методологическую значимость имеет труд П. Я. Бакланова и М. Т. Романова (2009), в котором экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России рассматривается как важнейший фактор ее развития.

Если в советский период теме формирования ТПК были посвящены сотни работ, то в условиях перехода России к рыночной экономике внимание к проблемам комплексов резко ослабело. Тем не менее, многие отечественные экономико-географы признают существующую и сейчас объективность факторов формирования ТПК, считая, что вертикально-интегрированные корпорации фактически идут по пути аккумуляции в своих структурах звеньев ЭПЦ и элементов ТПК. Издание тематического сборника по проблемам комплексов (Пространственная..., 2006) подтверждает современную актуальность учения о ТПК, нуждающегося, естественно, в адаптации к новому этапу социально-экономического развития, в том числе путем интеграции с кластерным подходом.

Можно назвать также весомые результаты, полученные в последнее десятилетие при исследовании ЭПЦ – энергопроизводственного (воспроизводственного) цикла А. Ф. Никольским (2004) и минерально-сырьевых циклов производств И. Л. Савельевой (2007). Две очень

крупные и заметные монографические работы изданы совсем недавно в области проблемного (эволюционного) страноведения – первая из них отражает полимасштабное видение развития районов, городов и России в целом (Трейвиш, 2009), вторая – проблемы ее гигантской северной периферии (Пилясов, 2009).

В современных условиях применим, конечно, далеко не весь теоретический багаж советской экономической географии. Что-то отмирает естественным путем, с чем-то (в частности, с устаревшими догмами) приходится бороться. Пора, например, изменить недоброжелательное отношение к географическому детерминизму, поскольку это разрывает причинно-следственные связи и единство материального мира, обедняет и выхолащивает саму суть экономической географии и предмет ее исследований.

Ю. Н. Гладкий

Традиции советской гуманитарной географии во многом ассоциируются с *экономикой, с производством*. Претенциозные заявки на создание особой теории размещения социалистического производства повлекли за собой в своё время лавинообразный поток псевдотеоретических открытий новых принципов, законов и закономерностей «социалистического размещения производительных сил». Многие наукообразные труды оставляли горестное впечатление работ, где трезвые рассуждения были погребены под горами сверхидеологизированных выкладок. Даже учение об экономическом районировании, занимавшее одно из центральных мест в теории советской экономической географии, было сильно перегружено классовыми условностями.

Сегодня при выработке многих новых теоретико-методологических положений гуманитарной географии, с одной стороны, в основу должно быть положено формирование *рыночной экономики*. Процессы приватизации, создание фермерских хозяйств, появление и рост официально признанной, а не скрытой безработицы, экспансия иностранного капитала, расширение международной торговли – это реалии сегодняшнего и завтрашнего дней. С другой стороны, гуманитарная география не «исчерпывается» экономикой – остальные сегменты нашей науки все остро нуждаются в поиске аксиоматических положений, способных придать экономико-географическим исследованиям творческий импульс.

Расширяя масштабы очистительной работы в теории гуманитарной географии, засоренной предрассудками классового противостояния, некоторым коллегам, вероятно, следует избавиться от «снобистского» представления о теоретическом превосходстве отечественной социально-экономической географии, унять гордыню и попытаться более плодотворно, чем прежде, использовать то ценное, что накопила западная географическая наука.

А. Г. Дружинин

Советская экономическая география, её теоретический «багаж» в целом были достаточно адекватны контексту эпохи, позволяя многие годы и, даже, десятилетия обеспечивать фундаментальный и практикоориентированный характер научных исследований. Социально-экономическая динамика последнего двадцатилетия модифицирует предметно-объектные области экономико-географического знания, инициирует трансформацию сложившихся подходов, в том числе и в области теории. Современный политико-экономический контекст и глобализация требуют, в частности, последовательного пересмотра исторически сложившегося видения нашей страны как некой «фабрики» с её специализированными, управляемыми из единого центра региональными «цехами» и, соответственно, существенного переосмысления (в условиях рынка и капитализма) содержательного «наполнения» таких теоретических конструктов как «экономический район», «территориально-производственный комплекс», «промышленный узел», «энергопроизводственный цикл». Целесообразен отход от признания априори гармоничности (эффективности) формирующейся (и формируемой) территориальной организации общества. Следует отказаться от традиции всегда и во всём слепо доверять Власти, на «ура» принимать её идеологические постулаты, политико-экономические и «размещенческие» решения. В аппарате социально-экономической географии, при этом, должны закрепиться такие новые ключевые слова и сюжеты, как территориально-социальное неравенство, метрополизация, образ пространства, позиционирование и др. Параллельно важно избежать соблазна «с чистого листа» (и во многом по зарубежным калькам), демонстрируя высокомерие по отношению к предшественникам, игнорируя развиваемые ими идеи, строить «постсоветскую» социально-экономическую географию. Ведь очень многое из наработанного

ранее в нашей науке не просто сохраняет свою актуальность, но до сих пор так и не реализовано полномасштабно, в должном объёме: учение о территориальной организации общества, методология комплексного экономико-географического анализа (вмещающего в себя в том числе и императивы общегеографического синтеза), подходы в области территориального планирования и целевого программирования и др. Необходимо дальнейшее развитие учения об экономико-географическом положении, о территориальной социально-экономической системе. Российская социально-экономическая география должна бережно воспроизводить свои традиции, являясь, одновременно, открытой к внешним заимствованиям, способной к перманентной модернизации. Именно это позволит ей сохранять фундаментальный характер, быть современной, конструктивной, востребованной.

Н. Н. Клюев

Концептуально-понятийный арсенал советской экономико-географической школы во многом далеко не исчерпан. К примеру, обоснованные надежды на получение принципиально новых знаний об энергопроизводственных и ресурсных циклах связаны с разработкой временных аспектов их функционирования и развития. Как ни странно, ни те, ни другие циклы не были представлены как временные категории. Среди важных задач временного анализа циклов выделим: 1) определение продолжительности развёртывания циклов – от начальных стадий до конечных; 2) определение продолжительности нахождения вещества (или сырья, полуфабрикатов, продукции) на отдельных стадиях циклов; 3) выявление сроков естественного и регулируемого восстановления эксплуатируемых природных ресурсов. Изучение временных аспектов ЭПЦ и ресурсных циклов выявляет резервы экономии времени – ценнейшего ресурса в силу своей невозобновимости и принципиальной незаменимости другими ресурсами.

Перспективна и разработка предложенной Ю. Г. Саушкиным идеи территориального природооборота – целенаправленной, экологически обоснованной смены функций территориальных единиц, их периодического включения и выключения из хозяйственного оборота, изменения интенсивности их использования. Природооборот выступает (вернее, может и должен выступать) мощным средством охраны природы.

В. А. Колосов

Историю науки, как и любую историю, переписать нельзя. Никакой этап в ней не проходит даром, и никакая теория не может превратиться в непреложную истину. Поэтому мне кажется, что слово «отказаться» здесь не вполне уместно. Нужно постараться увидеть в каждой из разработанных в советское время теорий рациональное зерно: что из них применимо в новых условиях, что действительно хотя бы частично объясняло реалии тех лет, а что проистекало из идеологических ограничений. В нашей истории есть и безусловные оригинальные достижения, значимые и на мировом уровне: теории экономического районирования, экономико-географического положения, опорного каркаса расселения, ТПК и ЭПЦ, подходы к районной планировке и др.¹

А. В. Мошков

По мнению философа И. П. Герасимова (1972) предшествующее развитие науки задаёт тот уровень, на котором включаются в научно-исследовательскую деятельность последующие поколения учёных. Именно достижения дореволюционной и советской экономико-географической школы являются этапом, с которого продолжают современные экономико-географические исследования. Именно в этом и заключается теоретическое и практическое значение теоретического багажа советской экономико-географической школы.

Одно из важнейших достижений советской экономико-географической (районной) школы – изучение проблем территориальной организации производства (территориально-производственного комплексобразования и районообразования; социально-экономического и природно-хозяйственного районирования; оценки природно-ресурсного потенциала и территориальных сочетаний природных ресурсов; географии населения; оценки факторов размещения производительных сил; географического разделения труда; экономико-географического положения и др. (Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, Ю. Г. Саушкин, А. Т. Хрущев, П. Я. Бакланов, Н. Т. Агафонов, С. Б. Лавров, Н. С. Мироненко, Б. С. Хорев, А. И. Чистобаев, Ю. Н. Баженов, С. А. Тархов, М. Д. Шарыгин, А. М. Трофимов, К. П. Космачев, Ю. П. Михайлов, Б. М. Ишмура-тов, Ю. В. Поросенков, А. А. Ткаченко, Л. П. Богданова и др.).

¹ *Kolossov V., Treivish A. Russian-Language Geography / International Encyclopedia of Human Geography. Kitchin R., Thrift N., eds. Vol. 1. – Oxford: Elsevier. P. 457–462.*

Приоритетное направление в советской экономико-географической школе связано с изучением компонент и территориальных структур территориально-производственных систем разного ранга (промышленных узлов, районных хозяйственных систем). Анализ изменений в структуре территориально-производственных систем и прогноз динамики как отдельных элементов, так и всей системы в целом, является одной из важнейших задач в современной экономической географии.

Другим направлением советской экономико-географической школы можно считать разработку теории хозяйственного освоения территории, в т.ч. пионерное освоение тайги (В. В. Воробьев, К. П. Космачев, Ю. П. Михайлов, Б. М. Ишмуратов, Ю. С. Никульников, А. А. Сысоев, Н. М. Сысоева, Н. П. Каючкин, В. П. Мосунов и др.), территориальную организацию хозяйства слабоосвоенных регионов России (П. Я. Бакланов, М. Т. Романов).

Весьма актуальное в настоящее время направление советской экономико-географической школы – географическая экспертиза (К. П. Космачев), которая в широком смысле предполагает учет при реализации любых социально-экономических проектов всех физико- и экономико-географических особенностей территории, а также географический прогноз динамики природных, социальных и экономических систем.

А. Н. Пилясов

В наследии советской школы прежде всего выделил бы работы, выполненные в 1950–1960-е годы (и лишь отчасти в 1970-е годы). Эти работы по экономическому районированию, энергопроизводственным и ресурсным циклам, по территориальному сочетанию естественных ресурсов и природно-ресурсному потенциалу, экономико-географическому положению, территориальной структуре хозяйства, пионерному освоению тайги отражали живую атмосферу грандиозного индустриального преобразования российских пространств, оптимизм первых десятилетий послевоенного времени. Исследования той, сегодня уже далекой эпохи, еще не были засушены культом секретности и ведомственности и потому вынужденной формализации, которая стала пронизывать статьи, сборники и монографии наших коллег в 1980-е годы.

Новое поколение российских экономико-географов обязано найти в себе интеллектуальные силы, чтобы переинтерпретировать эти работы, развить содержащиеся в них теоретические представления и поня-

тийный аппарат под новые вызовы постиндустриальной трансформации российской экономики, под императивы инновационного развития российских регионов. При этом очень важно сохранить масштабность и оригинальность, новаторство в постановке задач наших великих предшественников, их дух первопроходства. Необходимо создать новую теорию развития и размещения производительных сил для новой постиндустриальной эпохи, предложить новое экономическое районирование страны под задачи инновационной модернизации ее экономики, развить концепцию экономико-географического положения с учетом возрастающей роли институциональных, нематериальных факторов экономического развития, трансформировать концепцию природно-ресурсного потенциала в более широкую и емкую концепцию территориального капитала, включив в нее представления о предпринимательских, творческих и других неосязаемых ресурсах, связанных с человеческим капиталом.

Менее высоко оцениваю работы наших коллег 1980-х годов, хотя и здесь были яркие исключения. Именно тогда была утрачена культура эмпирического обобщения живой практики преобразования российских регионов, скрупулезного микрогеографического исследования разветвляющихся в пространстве экономических и социальных процессов, которыми были сильны мэтры нашей науки, сложилось глянцево и потому упрощенное представление и о плане ГОЭЛРО, и о первых советских мегапроектах.

В работах последнего советского десятилетия выделил бы работу Э. Б. Алаева по понятийно-терминологическому аппарату социально-экономической географии. Считаю важнейшей задачей для нашего сообщества провести ревизию этого труда и переинтерпретировать систему базовых понятий социально-экономической географии в духе экономики знания, с полноценным учетом реалий новой государственно-рыночной экономики и последних достижений когнитивных наук (прежде всего общей и социальной психологии).

Ю. В. Поросенков

Прежде всего необходимо отказаться от идеологической и политической «ангажированности». Советская экономическая география могла функционировать лишь в тесной связи с официальной государственной экономической и социальной политикой. В прошлом отечественная наука развивала и популяризировала официальные реше-

ния в этой области и в принципе избегала затрагивать острые, но закрытые для обсуждения общественностью экономические, политические и социальные проблемы страны и ее регионов. Этому способствовала и определенная изолированность отечественной географии от мировой науки.

В этой связи перед современной отечественной СЭГ стоит сложнейшая задача формирования своих новых теоретических основ, адекватных сущности изучаемых ею явлений и процессов на глобальном, страновом, региональном и локальном уровнях. По нашему мнению, решение этой задачи должно опираться на определенную систему научных принципов: 1) отказ от монополизма на истину и свобода в выборе общей методологической базы и исследовательских тем в рамках общего объекта СЭГ; 2) усиление взаимосвязи и интеграции отечественной СЭГ внутри системы географических наук и с пограничными экономическими, историческими, регионологическими и прочими общественными науками (при сохранении ее самостоятельного дальнейшего развития); 3) дальнейшая диверсификация внутренней структуры отечественной СЭГ при одновременном формировании ее общего методологического ядра; 4) усиление конструктивности, то есть первоочередное исследование наиболее актуальных процессов, явлений и проблем современного социально-экономического развития страны; 5) интеграция российской СЭГ с мировой географией; 6) внесение коррекций (вплоть до полной замены) в те теории и концепции отечественной СЭГ, которые вытекали из плановых начал советской государственной экономики и которые плохо оправдывают себя в условиях глобальной рыночной экономики.

Г. В. Сдасюк

В нашем распоряжении – богатое научное географическое наследие, которое, досконально зная, следует приумножать и модифицировать в кардинально изменившихся условиях развития.

В советский период сформировалась районная школа СЭГ, теоретическое ядро которой служило основой построения районирования для планирования в разных масштабах, работ по районным планировкам, охватывавших всю территорию страны. Теоретический багаж советской экономико-географической школы включает основные понятия и концепции, сохраняющие высокую ценность: экономико-

географическое положение, территориальное разделение труда, сочетание специализации и интеграции хозяйственного развития районов, энерго-производственные циклы, территориально-производственные комплексы, экономическое районирование.

С 1960-х годов активно разрабатывались экономико-географические аспекты проблем оптимизации взаимодействия общества и природы. Особое значение для понимания современных тенденций развития имеет теория ресурсных циклов, анализ общественного звена круговорота веществ на Земле.

Идеологическая односторонность, от которой двадцатилетие назад в стране отказались, тормозила развитие теории географии, поддерживала идеи недопустимости «конвергенции» ее естественно-исторического и общественного направлений. «Запрет» на идеи детерминизма вел к преуменьшению значения естественно-исторических условий в развитии страны и районов. Волонтаризм принятия решений приводил к нарушению геосистемных, ландшафтных подходов при обосновании развития речных бассейнов, освоения целины и др. Система цензуры препятствовала публикации научных работ, доказывавших пагубность последствий подобных крупномасштабных проектов.

Одним из унаследованных недостатков остается недостаточное развитие теории географии как интегральной науки с ее взаимосвязанными социально-экономическим и естественно-историческим направлениями.

Встречающаяся декларативность теоретических публикаций нарушает принцип, который провозглашал Н. Н. Баранский: «Генерализация и Конкретизация».

В. Н. Стрелецкий

Сохранить нужно научное *наследие крупных отечественных экономико-географических и социально-географических школ*. Необходимо сохранить и преумножить *богатейшие традиции районирования*, имеющиеся в отечественной географической науке. Районирование всегда было своего рода «визитной карточкой» российской географии, и в этой области накопленный у нас опыт сохраняет огромное, первостепенное значение.

Нужно сохранить и всячески развивать *традиции ландшафтного и средового подходов* в отечественной географии. В советский пе-

риод тесная «смычка» сложилась между физической и экономической географией, и благодаря этой «смычке» были достигнуты впечатляющие и заслуживающие уважения научные результаты. Очень важно, чтобы этот опыт был востребован и развит новыми и быстро развивающимися направлениями российской географической науки, в частности – культурной географией, которая у нас пока еще недостаточно взаимодействует с физической географией, геоэкологией, другими естественными науками. В этом отношении современная российская культурная география заметно «проигрывает» смежным негеографическим дисциплинам, таким, например, как этническая экология в нашей стране или культурная экология за рубежом.

Отказываться нужно от всеобъемлющего экономического детерминизма и редуционизма, от недооценки социокультурных факторов развития общества и его пространственной организации. Отметим, что за двадцать постсоветских лет многое в отечественной социально-экономической географии изменилось в этом отношении, но инерция прежних подходов, когда человек рассматривался как «трудовой ресурс» экономики, как в первую очередь производительная сила, то и дело дает о себе знать. Наконец, необходима глубокая переработка в российской географии самих основ теории пространственной организации хозяйства и общества, с максимальным учетом тенденций их постиндустриальной трансформации. Те теоретические конструкты, которые разрабатывались нашими экономико-географами применительно к индустриальной эпохе, во многих случаях не могут быть эффективно использованы для исследования экономико- и социально-географических процессов в постиндустриальную, информационную эру.

И еще одно. Мировая наука – едина. По большому счету нет «отечественной» и «зарубежной» науки. Советская социально-экономическая география не всегда в должной мере учитывала мировые тенденции развития Human Geography. Современной российской социально-экономической географии необходимо преодолеть, перебороть в себе известную инерцию изоляционизма, она ни в коем случае не должна дистанцироваться от мирового опыта.

С. А. Тархов

Районирование и пространственный анализ остаются, поскольку они универсальны для всех стадий НТП. Концепции ТПК, ЭПЦ,

объективно существующих экономических районов возникли для других этапов НТП. В условиях 5-го цикла Кондратьева (пространственной глобализации с помощью современных телекоммуникаций и интенсификации транспортных сообщений) они не совсем срабатывают, поскольку общественная и хозяйственная жизнь пространственно самоорганизуются несколько иначе, соседние территории уже не изолированы физически, а их пространственные структуры взаимно переплетаются и накладываются друг на друга. Видимо, для каждой волны Кондратьева есть особая специфика пространственной организации человеческого общества на территории.

А. И. Трейвиш

По-моему, сохранить нужно все – хотя бы, что называется, на всякий случай, «на запасном пути». Ведь никто не знает, что именно будет нужно и важно в новом тысячелетии. Наше теоретическое наследие следует, как минимум, хорошенько упаковать (в книги и т. д.) и беречь.

Это не значит, что весь багаж востребован и на него есть спрос здесь и сейчас. На ресурсные циклы И.В. Комара принято ссылаться, но по сути их что-то не очень используют и развивают. А сами идея, логика (как и в теории ЭПЦ) непреходящие. И это лишь один из многих примеров.

Если попробовать назвать не устаревшее, на что спрос еще выше, чем в советское время, то это будут: учение о геоположении, районировании, ландшафтная и картографическая школы, теория картоидов (хотя две последние – скорее методические). Они, кстати, не экономгеографические только, а общегеографические, хотя многие получили особое развитие в нашей ветви географии.

Почему, скажем, ГП и ЭПП? Да потому хотя бы, что в советское время эта тематика служила убежищем знаний и культуры дискуссий по запретной тогда геополитике, благодаря чему, пожалуй, до сих пор географы (численно слабое звено сравнительно с политологами и политиками в этой стыковой сфере) часто выглядят научнее и доказательнее. Кроме того, поиск РФ места в мире взыскует анализа ГП страны и ее частей. Впрочем, и тут нет единого мнения. Так, Л. В. Смирнягин пишет о «месте вместо местоположения». Но скорее – за океаном, где такого мощного учения о ГП просто нет и не было.

Г. М. Фёдоров

По крайней мере, теории комплексообразования и экономического районирования, в модифицированном виде послужившие основой для многих западных теорий, сохраняют свою актуальность и потенциал развития применительно к условиям рынка.

А. И. Чистобаев

Сохранить надо всё то, что может быть востребовано жизнью. Например, учение К. Маркса о разделении труда и учение В. И. Ленина о территориальной форме общественного разделения труда имеют значение и в нынешних условиях. Весьма показателен пример отношения рыночников к трудам К. Маркса на волне кризиса: «Капитал» читают и «левые», и «правые». Аналогичен пример с учением нашего коллеги В. Э. Дена: после моих публикаций о его наследии, книги этого (опального в прошлом) ученого востребованы в библиотеках. В это же время потускнели труды Н. Н. Баранского, они оказались слишком политизированными и, как следствие, имеющими значение только для административно-плановой системы. Должен заметить, что некоторые ортодоксальные географы не осознали этого факта и продолжают возвеличивать тех, кто по своим учениям уже давно не соответствует времени. В то же время имеют место обратные явления. Например, не получили широкого применения труды В. М. Четыркина об узловых народно-хозяйственных проблемах, проблемно-программном районировании, о чем мне также приходилось писать в своих статьях и книгах.

М. Д. Шарыгин

Советская экономико-географическая школа получила мировое признание, о чем свидетельствуют проведение XXIII Международного географического конгресса в СССР, восприятие идей (концепций, учений) отечественных ученых. Особенно ценным является теоретико-методологический багаж, включающий:

- парадигмы (системно-структурную, региональную, геоситуационную, цикловую и др.);
- теории (экономического районирования, экономико-географического прогнозирования, геоглобалистики и страноведения);
- учения (о районах, городах, ТПК, ЭПЦ, географическом разделении труда, экономико-географическом положении и др.);

– концепции (геоурбанистики, георуралистики и т. д.).

Все теоретические положения экономической географии сохраняются и в современных условиях. При этом происходит их трансформация к рыночной экономике и более четкая социальная ориентация, нацеленная на благополучие человека. Не теряют своей актуальности адаптированные к современным реалиям идеи территориально-производственного комплексообразования, территориальных систем расселения, территориального каркаса расселения, городского агломерирования и др.

При этом следует отказаться от жестко регламентированной марксистско-ленинской методологии и чрезмерной идеологизации науки. Полагаю, что наряду с материалистическим познанием пространственной организации производительных сил и общества в целом имеет право на дальнейшее развитие субъектно-идеалистическое восприятие окружающего мира.

В. Е. Шувалов

Понятийно-концептуальная система районной школы социально-экономической географии, сформировавшаяся и получившая доминирующее развитие в советский период, отражала реалии централизованной плановой экономики, ресурсопотребляющего типа производства, превалирования экономической составляющей над социальной и многие другие черты, характерные для соответствующего этапа развития общества и страны. В то же время, она являлась целостной, логически взаимосвязанной и взаимодополняющей и в этом отношении представляет образец географической школы. Ведущее место в ней занимали понятия и концепции, характерные для индустриального этапа развития: территориальное разделение труда (ТРТ), экономико-географическое положение (ЭГП), территориально-производственный комплекс (ТПК), энерго-производственный цикл (ЭПЦ), экономический район. Каждое из них выполняло свою функцию в понятийно-концептуальной системе, а значит и в теории экономической географии: так, ТРТ как политэкономическое понятие – функцию ее «экономизации», ЭГП – функцию «географизации», ЭПЦ – функцию «технологизации» в узком и широком смысле. Понятие и концепция ТПК развивались на стыке географии, экономики и технологии, что обусловило ее комплексирующую функцию в рамках построения «кон-

структивной» географии. Особое место занимало понятие экономического района и теория экономического районирования, которые выполняли интегрирующую, связующую функцию для всей понятийно-концептуальной системы. Что из этого наследия сохранить? По мнению автора – практически все, но не в прежнем виде. Все (без исключения) понятия и концепции, применявшиеся в рамках районной школы, имеют не только недостатки и «узкие места», но и неиспользованный и невостребованный потенциал. Каждое из них требует существенной модернизации и развития, направления которых были сформулированы нами в ряде статей, что освобождает от необходимости их перечисления в данном разделе.

В. А. Шупер

Вызывает серьезные сомнения целесообразность отдельного рассмотрения теоретического наследия **отечественной** экономической географии. Разве А. Н. Ракитников не был глубочайшим знатоком теории Тюнена? Разве Ю. В. Медведков не внес существеннейший вклад в анализ конфигурации расселения, включая теорию центральных мест, совершенствование правила «ранг-размер» и многие другие разделы? Мы не должны вытаскивать великих предшественников на суд современности, как не делают этого в естественных и точных науках. Н. Н. Баранский ввел представление об объективности экономических районов, борясь с «леваками» и отстаивая экономическую географию как серьезную науку, а не служанку идеологии. Как сын своего времени, он решительно противостоял буржуазной точке зрения, отрицающей объективность районов. В студенческие годы мы не могли говорить об этой объективности без сарказма, но позднее нас взрулил Б. Н. Зимин, который ввел критерии стандартного экономического района, а также представления об экономико-географическом районе, поскольку экономические районы, по Б. Н. Зимину, могут и не покрывать территорию страны полностью. Можно считать, что идеи Баранского живут и сейчас, но уже в интерпретации Зимина, причем сам Зимин охотно с этим согласился бы.

В. И. Вернадский писал, что каждое поколение исследователей пишет историю науки заново и что история науки является инструментом ее развития. Нам тоже надо постоянно переписывать историю нашей любимой науки, интерпретируя идеи предшественников в све-

те новых научных представлений и воздавая им почести даже за то, что они сами не имели в виду. Разве не так получилось с Тюненом, который и не подозревал о существовании географии? Поэтому отказываться, строго говоря, ни от каких научных идей не надо, их надо переосмысливать на новом этапе. Только идеологические извращения, не только прошлые, но и нынешние, желательно сдать в архив и навсегда там оставить.

3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАПАДНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ

С. С. Артоболевский

*Невежество не оправдание
(«древнезападная» народная мудрость)*

В основном, это улица с неинтенсивным односторонним движением: мы их хоть немного знаем, они нас просто не знают. Да и откуда бы этому знанию взяться, если мы в иноязычные журналы не пишем, а западное «сообщество» по-русски не понимает. Там теоретиков на порядок больше, хотя тоже немного. Для исправления ситуации необходимо создать каналы общения и поддерживать их.

В. Л. Бабурин

В самом общем виде можно говорить о том, что в настоящее время не существует самостоятельной отечественной социально-экономической географии. Фактически, это в основном заимствования из оригинальных или переводных источников, с лучшей или худшей адаптацией к нашей действительности. Отсюда и широкое (часто необдуманное) применение индексов (ИРЧП и др.), чрезмерное увлечение проблемами транснационализации, абсолютизация субъективных факторов (исследование элит, институциональной инфраструктуры и т. п.), краткий взлет электоральной географии, так и не оставивший после себя теоретических слоев. Велика и экспансия корпоративных теорий и портеровских подходов, диффундирующих из экономики. Сильно влияние идей И. Валлерстайна и в целом глобалистики. Хотя мы и слышим постоянно лозунг «мыслить глобально, действовать регионально», реально, по крайней мере в экономической и социальной географии, этого не получается.

Поэтому представляется возможным оценить отечественную социально-экономическую географию последнего двадцатилетия как ацепторную по отношению к западной. Но поскольку и западная география особо не может похвастаться научными достижениями, то в этом

потоке инноваций преобладают внешнегеографические сюжеты, лишь формально прикрепленные к географии через присутствие пространственной составляющей. Сами немногочисленные теоретические разработки – это, скорее, обобщение опыта, накопленного в ходе выполнения многочисленных узкоориентированных прикладных разработок, чем результат рефлексии, не говоря уже об антиципационных построениях.

П. Я. Бакланов

Из новых теоретических идей западной социально-экономической географии можно выделить представление о географических кластерах, некоторые представления об устойчивом развитии, об экосистемных услугах в регионах различных масштабов. Теоретический потенциал этих идей, представлений не так уж и значителен. Более разработаны на западе различные модели, ГИСы и их приложения к региональному анализу.

Считаю, что общий теоретический и конструктивный потенциал российской социально-экономической географии намного выше. Например, в региональном анализе могут быть выделены различные кластеры. Но для того, чтобы обосновать формирование какого-то кластера в регионе (в рамках разработки региональных программ), необходимы оценки и расчеты формирования соответствующих звеньев территориальных структур хозяйства и оценка их эффективности. То есть от простого выделения кластеров, как территориальных сочетаний в решении прикладных задач, необходим переход к выделению и анализу территориальных (географических) структур кластеров, т. е. – территориальных структур хозяйства, выделенных для кластера в целом.

Л. А. Безруков

Провести аргументированную сравнительную оценку отечественной и западной СЭГ довольно затруднительно. Мы знаем уровень отечественной географии, а для оценки уровня западной географии информации явно недостаточно.

Во-первых, публикации в тех немногочисленных англоязычных журналах, которые доступны обычному российскому исследователю, отражают лишь небольшую часть достижений западной общественной географии. Сильно сказывается к тому же языковой барьер. Во-вторых, если многие экономико-географы Москвы и Санкт-Петербур-

га имеют отлаженные тесные личные контакты с зарубежными коллегами, то ученые других (периферийных) научных центров таких возможностей в значительной мере лишены. В-третьих, непосредственное участие в международных экономико-географических форумах, проходящих, как правило, за рубежом, для основной массы российских нетитулованных и нестоличных ученых по понятным причинам остается неразрешимой проблемой.

В-четвертых, на постсоветском этапе оказалась совершенно забытой практика перевода и издания на русском языке трудов зарубежных классиков экономической географии. Кроме переиздания книги А. Леша (2007), за последние 15–20 лет в России не вышла, пожалуй, ни одна переводная экономико-географическая работа. В то же время в смежных общественных науках – экономике, политологии, социологии, истории и др. – ежегодно выпускаются десятки переводных книг, позволяющих адекватно судить о современном состоянии данных наук на Западе. В чем здесь проблема: в коренном изменении «моды» на научные направления, «отмирании» экономической географии за рубежом, нерасторопности отечественных географов, пренебрежительном отношении российского общества и государства к географии или в чем-то еще?

Конечно, благодаря Интернету стал возможен определенный прорыв «информационной блокады». И тогда оказывается, что современное состояние и теоретический потенциал отечественной и западной СЭГ вполне сравнимы, причем во многом мы идем параллельными курсами. При этом в выявлении многообразия причинно-следственных связей и в концептуальном оформлении полученных результатов западная общественная география, на наш взгляд, зачастую существенно уступает отечественной. Возможны также и несколько иные неожиданные «открытия». Так, занимаясь проблемой континентально-океанической дихотомии, я с удивлением обнаружил, что в США по этой проблеме наиболее значимые результаты были получены вовсе не географами, а экономистами Гарвардского университета под руководством известного Дж. Сакса.

А. Г. Дружинин

Теоретические потенциалы западной и отечественной социально-экономической географии – не равновесны. Основная причина тому – архитектура современного глобального мира, существенно усилив-

шаяся после распада СССР система научного (в том числе и теоретического) доминирования Запада (по числу исследователей и научных центров, выделяемых на них средств, «массе» и «набору» идей, возможностям коммуникации и др.). Разумеется, сами по себе ярлыки «западная» и «российская» не могут (и не должны) выступать главным аргументом при оценке качества теории. Прорывные идеи в экономико-географической науке могут появляться повсеместно. К тому же, даже в условиях глобализации не исчезает региональная и локальная специфика, которую крайне важно профессионально (в том числе и «на месте») осмысливать. Отметим также, что «западная» социально-экономическая география – субстанция достаточно аморфная, дифференцированная по территориальному, предметно-объектному, политическому и иным принципам и никоим образом не избавленная от всего спектра бед и «болячек» современной науки. В ней (как и в России) имеет место и следование конъюнктуре, и завуалированные в тогу толерантности и плюрализма непрофессионализм и халтура. Интегрируясь в глобальное научное и, шире, интеллектуальное пространство, мы должны быть ориентированы не на превращение российской социально-экономической географии в один из периферийных филиалов «мировой науки», а на базирующееся в том числе и на трансферте «западных» идей и подходов возрождение наших национальных научных традиций, наращивание возможностей культивирования адекватного и, одновременно, оригинального, основывающегося на собственных интересах, культуре и аналитическом потенциале российского взгляда на экономико-географические реалии. И ещё. Постепенно утверждающаяся многополюсность геоуниверсума требует более пристального внимания к теоретическим изысканиям (и не только!) в Китае, Индии, странах Латинской Америки, Африки, вызывая необходимость (и неизбежность!) развития многовекторного научного сотрудничества.

А. В. Мошков

Западными экономистами и экономико-географами в конце XX – начале XXI вв. предложена новая парадигма развития общества (Ф. Бродель, 1992; И. Валлерстайн, 1980), рассматривающая пространственную экономику с точки зрения её центропериферийного членения – она выступает как ядро, периферия и промежуточная зона или полупериферия. Эти элементы обладают свойствами аттрактора, т. е. притягивают

к себе потоки вещества, энергии и информации, из которых формируются новые пространственно-временные структуры (своеобразные «точки роста»). Неравномерность распределения между ними этих потоков вещества, энергии и информации обуславливается разделением труда между ядром и периферией, что стимулирует развитие всей системы в целом. Таким образом, анализируются общественно-географические аспекты процесса глобализации (А. М. Трофимов, М. Д. Шарыгин, И. Г. Мальганова, 2008).

Именно западной науке мы обязаны разработкой новой парадигмы развития – явлением нелинейности. Использование уже разработанных методов и подходов нелинейности в качестве теоретических основ социально-экономической географии постепенно приобретает всё больше сторонников в географии.

Следует отметить важнейший вклад в изучение нелинейной динамики и диссипативным структурам бельгийской школы (И. Пригожин и др.). В России в последнее 20 лет появлялись работы, в той или иной мере использующие понятие нелинейности, идеи синергетики (Александров, 1996; Арманд, Кайданова, 1999; Поздняков, Черванев, 1990; Чупрынин, 2003, 2008 и др.). Первоначально понятие нелинейности возникло в математике и физике, в последующем исследования нелинейности породили множество оригинальных концепций, нестандартных результатов, что и обуславливает большой интерес к ним со стороны различных наук (химии, биологии, экономики).

В социально-экономической географии понятия и идеи нелинейности, самоорганизации весьма успешно используются российскими учеными:

1) на кафедре экономической и социальной географии МГУ им. М. В. Ломоносова, в частности, рассматриваются проблемы формирования и развития мировых и российских пространств под воздействием инноваций; при изучении циклических механизмов формирования неоднородности географического пространства России (В. Л. Бабурин, 2002, 2009);

2) в Тихоокеанском институте географии ДВО РАН (Владивосток) – многоуровневые пространственные системы (П. Я. Бакланов), нелинейные процессы в геосистемах (В. И. Чупрынин), циклические процессы формирования функциональной структуры территориально-производственных систем (А. В. Мошков);

3) в Институте географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск) – методологические основы географического анализа региональных систем производительных сил (Б. М. Ишмуратов), полисистемный анализ и синтез в географии (А. К. Черкашин), новые научные парадигмы социально-экономической географии (Ю. П. Михайлов).

Существенен вклад зарубежных исследователей в изучение структуры территориально-производственных систем. Следует отметить, что изучению этих проблем всегда придавалось большое значение и в экономической географии СССР и России. Однако в период 1990-х годов, когда в стране началось активное перестроение территориально-отраслевой структуры производства, связанное с адаптацией к рыночным условиям, основное внимание стали уделять изучению макроэкономических отношений, зачастую, без учета территориальных особенностей формирования структуры производства. В то же время за рубежом появляются новые направления исследования территориально-отраслевой структуры транснациональных корпораций в виде учения о кластерах (М. Портер, 2004). Однако в теории кластеров не описываются процессы многоуровневых трансформаций территориальных структур хозяйства. Эти процессы ещё не получили своего теоретического обобщения. В том числе не разработаны проблемы взаимосвязи понятий промышленный (экономический, хозяйственный) узел и промышленный кластер. Хотя, по нашему мнению (А. В. Мошков, 2005), промышленные (экономические) узлы и промышленные кластеры во многом схожи по структуре, принципам и целям функционирования.

Промышленные кластеры и экономические узлы – достаточно эффективные инструменты рациональной территориальной организации производства, которые могут успешно работать в странах и регионах с формирующимися рыночными отношениями. В связи с этим особенно важно детально изучить региональные особенности формирования многоуровневых территориально-производственных систем: от промышленных кластеров (или экономических узлов) до региональных комплексов. Важно оценить взаимодействие промышленных кластеров и промышленных (экономических) узлов, а также определить их роль в преобразовании всех региональных комплексов.

А. Н. Пилясов

Естественным преимуществом отечественной социально-экономической географии всегда было изучение закономерностей и особенностей развития гигантских евразийских пространств, которые не имела в качестве объекта исследования ни одна западная школа. Это с неизбежностью обеспечивало широту научного замысла, обширность и панорамность теоретических конструкций отечественной экономической географии. Однако по мере расширения Евросоюза и облегчения доступа европейских исследователей к единой евросоюзной статистике это преимущество российских ученых уменьшается. В последние полтора десятилетия появились панорамные работы по особенностям экономического роста регионов Евросоюза, институциональным факторам развития регионов Европы, сценариям развития европейских регионов, выполненные экономико-географами Лондонской школы экономики, региональными экономистами Миланского политехнического университета, греческими учеными в Университете в Салониках и другими исследовательскими школами.

Сила западных ученых состоит в опоре на многочисленные, сильные и разнообразные по почерку, школы региональных исследований. Новое знание о европейском пространстве рождается здесь из очень разных культурных и интеллектуальных традиций локального европейского «местечка». Но затем в силу интенсивных интеллектуальных контактов ученых разных стран и регионов оно очень быстро распространяется дальше, способствуя обогащению представлений других европейских школ.

Другая особенность работы наших европейских коллег состоит в опоре на мощные новые базы данных, которые обеспечивают «нанотехнологический» уровень экономико-географических исследований. В силу этого европейская социально-экономическая география уже реально стала микрогеографией, т. е. полноценно овладела инструментами микроанализа, в том числе почерпнутыми из других наук – социологии, экономики, психологии; смогла проникнуть внутрь черного ящика регионального развития к постижению институциональных факторов пространственной динамики, потенциала обучаемости регионального сообщества, местной инновационной системы и др.

Вызовы экономики знания развернули практически каждое крупное и мелкое направление европейских экономико-географических

исследований и властно подчинили их новым задачам. Возникли абсолютно новые концепции обучаемого региона, перетоков знания, креативного класса и др. В российской социально-экономической географии разворот к микроисследованиям, к исследованиям пространственных закономерностей и особенностей возникающей экономики знания пока еще не состоялся.

В долгосрочной перспективе задачи российской и зарубежной экономической географии сходные и определяются необходимостью отвечать на вызовы инновационной модернизации, новой креативной эпохи, в которой возвышается роль факторов творчества в региональном развитии, усиления интеграционных процессов на пространстве ЕС и СНГ.

Ю. В. Поросенков

Как отечественная, так и «западная» СЭГ обладают большим теоретическим потенциалом. По сравнению с российской «западная» СЭГ хотя и менее четко методологически определена, характеризуется более частой сменой научных парадигм, но более разнообразна по тематике, выделяется более развитой методикой исследований, особенно в аспектах математической географии, геоинформационных технологий и поведенческой географии. На протяжении второй половины XX – начала XXI вв. «западная» СЭГ накопила большой опыт выявления и моделирования взаимосвязей и взаимозависимостей явлений и процессов в рамках исследования ТОО. При этом в широком спектре «западной» СЭГ сложились как фундаментальные теоретические, так и прикладные исследования.

Формирование теоретического потенциала отечественной СЭГ неразрывно связано с особенностями общественного и экономического развития страны в XX – начале XXI вв. Теория отечественной СЭГ в значительной степени сложилась как отражение огромного, но весьма противоречивого и национально ограниченного опыта по формированию, развитию и управлению плановой экономикой мобилизационного типа и обществом «реального социализма». При этом теоретические обобщения отечественной СЭГ неизбежно учитывали и опыт мировой «западной» науки (даже в условиях противопоставления и конфронтации с ней). На постсоветском этапе развития страны этого идеологического противостояния отечественной и мировой науки уже не существует, но сохраняется специфика экономического и обществен-

ного развития страны и в новых условиях формируются ее национальные интересы. Поэтому отечественная СЭГ (наряду с другими науками) обязана принять участие в исследовании и решении важнейших экономических, социальных, политических, демографических, культурных и экологических проблем, стоящих перед современным российским обществом на этапе его кардинальной трансформации.

Г. В. Сдасюк

Западная СЭГ традиционно отличалась большим разнообразием структуры и концепций в сравнении с отечественной СЭГ в советский период. В последнее 20-летие отечественная географическая наука активно расширяет исследовательское пространство при диверсификации структуры и методологии работ. В этот «переходный» период критический анализ опыта развития СЭГ на Западе особенно полезен. При этом существенно обращать внимание на сущность разных зарубежных школ и направлений, ведущиеся дискуссии и самооценки. Например, отмечая многообразие «мелкотемья» географических исследований, западные коллеги признают: «Географы играют на скрипке, а Рим горит...» (*Geographers are fiddling while Rome burns...*).

Прогресс отечественной СЭГ и ее теоретического ядра может быть наиболее успешным при сочетании достижений классической районной школы и изучении современных тенденций регионального развития в условиях рыночного хозяйства и глобализации.

Прогресс развития отечественной науки предполагает постоянное сотрудничество с ведущими зарубежными географическими научно-образовательными центрами.

В. Н. Стрелецкий

Западная Human Geography, если говорить о ее теоретических и методологических основах, очень *плюралистична*. В ней сосуществует несколько конкурирующих мировоззренческих парадигм; ее различные идейные и концептуальные направления имеют, по сути, разный теоретико-методологический фундамент и, соответственно, очень разнообразный методический аппарат. Выросшая из лона антропогеографии с ее идеографичностью, антропоцентризмом, холизмом, вниманием к проблеме «человек и среда», с ее замечательными, богатейшими традициями историко-географического синтеза, *Human Geography*

в середине XX в. вступила в этап быстрой теоретизации. Количественная революция, широкое внедрение математических методов, поиск общих закономерностей пространственной организации разных сегментов экономики и общества резко усилили «номотетический полюс» в западной географии человека. Доминирующей установкой в Human Geography стал *сциентизм* с его принципами рационального познания, объективизма, строгой верифицируемой методологии, изучения причинно-следственных и функциональных связей между разными группами и свойствами рассматриваемых явлений.

Позднее, как реакция на крайности сциентистской парадигмы, в условиях «философской революции» в географии, как хорошо известно, возникла «*гуманистическая география*» (Humanistic Geography) 1970-х – 1980-х годов. Это новое направление, провозгласившее своей философской основой *феноменологию*, а методологической – герменевтику, фокусировало внимание на процессах восприятия и осмысления человеком (отдельными людьми и их группами) окружающего географического пространства. Критикуя сциентистский подход за объективизм и позитивизм, сторонники феноменологического подхода показали возможность изучения внутреннего мира человека, ввели в географический дискурс категории понимания, вживания, сопереживания, слитности «субъекта» (индивида) и «объекта» (окружающего мира).

Сциентистский и феноменологический подходы – это два мировоззренческих полюса в современной Human Geography, но это именно «полюса», методологический плюрализм последней определяется не только ими, но и их разными комбинациями, эклектическими подходами и концептами. Со сциентистской методологией связаны наиболее значительные научные достижения западной географии, но креативный потенциал сциентистского подхода был выше в середине прошлого века; к концу столетия его творческая «отдача» снизилась. В свою очередь, феноменологический подход, который стал широко использоваться в западной географии человека только с последней трети XX в., открыл перед Human Geography новые большие возможности.

Отечественная социально-экономическая география в советский период отличалась целостной теорией и методологией, имела отчетливую «конструктивную» направленность, широко использовала системный подход и эволюционные модели, активно позиционировала себя как научная дисциплина, имеющая большое прикладное значе-

ние. Вместе с тем, крайне негативные последствия для нее имело забвение традиций дореволюционной русской антропогеографии с ее богатейшим научным и гуманистическим наследием. Это означало не только фактически разрыв преемственности национальной географической школы, но и привело к огромным структурным перекосам в развитии всей обществоведческой ветви отечественной географической науки. Длительное время она и развивалась, прежде всего, как экономическая география. Социально-географическая и, особенно, культурно-географическая проблематика занимали в ней скромное место; советская политическая география занималась исключительно зарубежными странами. В данной парадигмальной системе люди рассматривались, в первую очередь, как производительная сила, трудовой ресурс; советская экономическая география старалась «обходить стороной» большие человековедческие темы, культурно-географические различия хотя и признавались, но трактовались как вторичные, «надстроечные». Показательно, что только в 1981 (!) г. изменилось официальное ваковское название нашей дисциплины: «экономическая география» переименовалась в «экономическую и социальную географию» (впрочем, и спустя почти 30 лет громоздкое ваковское наименование «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» все равно остается неполным, не охватывающим многих субдисциплин).

В постсоветский период российская социально-экономическая география претерпела большую структурную трансформацию (об этом я уже упоминал в ответе на первый вопрос), но она же сохраняет при этом и немало черт и особенностей, унаследованных с советской эпохи. Кардинальные сдвиги в стране и обществе на рубеже XX и XXI вв., демонтаж плановой системы экономики, отказ от идеологического монизма, соответствующие изменения в смежных социальных и гуманитарных науках повлекли за собой переосмысление ряда теоретических постулатов, на которых зиждилась советская экономическая география. К сожалению, на этом фоне произошло явное «оскудение» (особенно в кризисные 1990-е годы) конкретных экономико-географических исследований в нашей стране (правда, в начале XXI в. ситуация в отечественной экономгеографии изменилась в лучшую сторону). Удельный вес и значение исследований в области социальной, политической и культурной географии (последняя в СССР почти не развивалась), напротив, существенно выросли.

Дихотомия «сциентизм – феноменология» характеризует теперь ситуацию и в российской общественной географии. Но у нас два этих «крыла» пока еще совершенно неравнозначны по своим научным достижениям. «Феноменологическая география» человека и общества у нас, по большому счету, делает лишь первые шаги, осваивая при этом богатый зарубежный опыт, но отличаясь в целом невысокой собственной методологической (и методической) креативностью. Думаю, что эта ситуация в перспективе должна измениться. Успехи некоторых новых, формирующихся исследовательских направлений отечественной географии (имагинальной, когнитивной географии и др.) напрямую будут зависеть от того, произойдут ли в соответствующих областях знания методологические «прорывы».

С. А. Тархов

Поскольку число специалистов по географии человека на западе значительно больше, чем у нас, да и тематика исследований (в т.ч. иной спектр научных интересов и задач) там значительно шире, то потенциалы абсолютно разные и не сопоставимые. Как их сравнивать? Да никак их не сравнить. Разные научные миры.

А. И. Трейвиш

Еще недавно потенциалы многим казались сопоставимыми. Я начал в этом сомневаться где-то в 1980-х годах и сомневаюсь (не более того) до сих пор. А современное состояние совершенно несопоставимое. Разрыв – не в нашу пользу – даже трудно выразить в академическом стиле. «Слон и моська» или «две большие разницы» по-одесски. Особенно по сравнению с англоязычной наукой, ибо с ней даже таким западным школам с огромными заслугами, как французская и немецкая, тягаться нынче тяжело.

Это касается не только географии и не только науки. Культуры тоже, хотя крупным национальным и межнациональным культурам все же устоять против англо-американской легче, а науке труднее: она космополитичнее и универсальнее по природе. Впрочем, география, прежде всего регионально-страноведческая о конкретных местах – не только наука, но отчасти и культура, искусство, некое широкое синкретическое знание и понимание. Тут у англо-американцев можно кое-что выиграть. Их слабое место состоит в поверхностном и часто пренеб-

режительном подходе к «чужим» (страноведы-проктологи). Всех больных они склонны лечить шаблонно, особо не вникая в особенности организма. И удивляются провалам.

О перспективах. Будет ли так всегда? Конечно, нет. Рано или поздно англо-американцы сдадут хотя бы часть своих монопольных позиций. Кому – не знаю. И боюсь, что в России будет некому (см. ответ на первый вопрос). Пока же придется учитывать положение вещей ради карьер и судеб наших учеников, особо не препятствуя их вынужденной научно-терминологической «англомании», нравится нам она или нет.

Г. М. Фёдоров

Западная экономгеография сейчас опирается на более развитый методический инструментарий, широко использует достижения смежных наук и имеет потребителей своей научной продукции. Но в целом качественного превосходства в методологической базе, пожалуй, не имеет. Комплексный многоуровневый региональный анализ в российской экономгеографии имеет более прочный теоретический фундамент.

А. И. Чистобаев

Выше я уже коснулся этого вопроса. Дополнительно скажу, что сравнения не всегда возможны в силу специфики стран как в природном, так и в социально-экономическом отношениях. Тем не менее, позволю себе усомниться в превосходстве западной географии. О многом говорят примеры с использованием достижений отечественной науки западными учеными: межотраслевой баланс (советские академики Канторович и Новожилов) и метод «затраты – выпуск» (американский ученый В. В. Леонтьев), ТПК-подход (Н. Н. Колосовский) и кластерный подход (М. Портер).

М. Д. Шарыгин

Сравнительную оценку теоретического потенциала отечественной и западной социально-экономической географии можно осуществить по разным направлениям и временным срезам. В XX столетии теоретические исследования отечественных и западных ученых шли параллельно с резким разграничением методологических подходов и запретом в СССР субъективно-идеалистических воззрений, концептуальных основ географического пространства, геополитики и других

«буржуазных» течений. В то же время исследования отечественных географов в области территориальной организации материального производства были более весомыми и конструктивными. Общеизвестны теоретические достижения в таких направлениях, как экономическое районирование, территориальная организация производительных сил, формирования ТПК, систем расселения населения и др.

Исследования западных географов отличались широтой познавательных процессов, охватывающих все сферы жизнедеятельности людей. В результате изысканий на Западе появились такие теории, как пространственно-временного поведения человека, центральных мест, экономического ландшафта, диффузии нововведений, полюсов роста и т. д.

В XXI столетии в России исчезли идеалистические ограничения и расширился круг теоретических (пока фрагментарных) исследований, включая сферы социальной, культурной, поведенческой, политической, рекреационной географии. В будущем должны произойти консолидация территориально разобщенных потенциалов в стране и мире и активизация исследований в области теоретической географии, социально-географического пространства-времени, пространственного развития и организации общества, территориального управления и регулирования, географии восприятия и т. д.

В. Е. Шувалов

В последние десятилетия тренды развития западной и отечественной социально-экономической географии были принципиально (даже кардинально) различными, что, естественно, сказалось на их теориях. Мы стали использовать различные понятия и термины, применять слабо сопоставимые между собой концепции, в результате – практически перестали понимать друг друга. Быстрая смена парадигм и школ в западной науке (от неопозитивизма в рамках школы пространственного анализа до идеализма в рамках школ гуманистической географии) привела, по мнению автора, к кризису теоретической базы западной социально-экономической географии в ее классическом виде и ее фактическому растворению в достаточно аморфной среде региональных наук. Если посмотреть тематику статей в ведущих англоязычных географических журналах (как и тематику выступлений на международных географических конгрессах и конференциях), то окажется, что собственно «классических» географических работ в них практически не осталось. Та-

ким образом, соизмерить теоретический потенциал отечественной и западной социально-экономической географии вряд ли представляется возможным в принципе. Это задача «соизмерения несоизмеримого». В то же время, если взять показатели творческой и иной активности, «массы», разнообразия в западной социально-экономической географии, то сравнение будет далеко не в нашу пользу. В этом отношении мы давно находимся на дальней периферии мировой социально-экономической географии. Но «посыпать голову пеплом» в этом отношении нам вряд ли стоит. В принципе по уровню «теоретизации» мы еще в относительно недалеком прошлом мало уступали нашим западным коллегам (взять, хотя бы, работы Б. Б. Родомана). В то же время, мы сохранили достаточно высокий уровень в тех направлениях, которые требуют применения классических навыков географического мышления (по Н. Н. Баранскому), комплексного подхода к исследованию, связаны с синтезом географической информации. Это в первую очередь относится к страноведению в широком смысле этого понятия, к социально-экономической географии как идеографической науке. Перспективы же развития теоретических основ как западной, так и отечественной географии в целом, включая ее социально-экономическую ветвь, представляются в настоящее время настолько неопределенными и туманными (если говорить о географии, а не о регионалистике), что рассуждать на эту тему можно долго и, к сожалению, вряд ли плодотворно.

В. А. Шупер

Отечественная социально-экономическая география очень серьезно отстает уже не только от англо-саксонской, но даже от французской в области применения математических методов. Французы теперь подходят к делу существенно иначе, нежели 30 лет назад. У нас же в сравнении с 70-ми гг. математический уровень серьезно снизился. Сказались уход или отъезд Л. И. Василевского, Г. А. Гольца, В. М. Гохмана, Ю. Г. Липеца, Ю. В. Медведкова, С. Е. Ханина, изменение научных интересов С. М. Гусейн-Заде, а также другие потери. Мы **обязаны** подготовить им хоть какую-то замену, если не хотим провинциализации нашей науки. В то же время наша отсталость является нашим существенным преимуществом в теоретической области, ибо у нас еще не выветрился до конца дух 60-х – 70-х годов, а прикладной прагматизм всецело владеет только молодым поколением. На Западе и про-

фессорам приходится одеваться «по погоде». Яркий американский модник 60-х годов, застрельщик количественной и теоретической революций, сейчас занимается чисто прикладными вещами.

Прогноз может быть благоприятным только в случае положительных изменений социального статуса науки в стране и в мире, включая хоть какое-то восстановление ее автономии, однако последнее грубо противоречит либеральной концепции. Самое лучшее, что мы можем сделать, это, как сказал С. Лэш, известный английский социолог, не считать существующее положение нормальным. Мы должны нести студентам наши представления о науке, побуждать их к фундаментальным исследованиям, включая и теоретические поиски, поощрять их за это, поскольку жизнь поощряет их совсем за другое. Иначе рассчитывать не на что.

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУКИ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ?

С. С. Артоболевский

*Вмер Данила.
Не вмер – болячка задавила.
(украинская пословица)*

Если судить по «произведениям», то различия невелики и определяются двумя факторами: специализацией ВУЗа и характером выполняемой работы. Географам свойственно увлечение сравнением территорий и картами, экономистам – заводами и фабриками и т. д. Конфликтуют не научные дисциплины, а индивидуумы, университеты, компании.

В. Л. Бабурин

О конкуренции между нашими дисциплинами говорить сложно, так как региональная наука абсолютно господствует на всем традиционном исследовательском поле экономической географии. Более того, многие географы даже географические исследования облачают в одежды региональной экономики, именно для повышения конкурентоспособности на рынке товаров и услуг. Однако в практической деятельности можно отметить тенденцию к симбиозу (особенно в рамках всевозможных исследовательских центров региональной направленности, работ с СОПСом и др.) при ведущей роли региональной экономики.

Но и региональная наука испытывает дефицит теории, в ней также преобладают прикладные исследования или работы методического плана. Не меньше чем в географии и здесь наблюдаются заимствования из зарубежных школ.

П. Я. Бакланов

Региональная экономика изучает и оценивает экономические процессы и отношения в районе, как правило, на обобщенном региональном уровне. Подобное делает и региональная социология. В регионоведении отсутствует специфический объект и предмет научного познания. В целом – это упрощенная районная описательная экономи-

ческая география. Возможно, что в регионоведении, как и в страноведении, большой упор делается на изучение культур и традиций в регионе, социально-политических аспектов.

Если социально-экономическая география изучает территориальные социально-экономические системы и структуры районов, факторы, закономерности и тенденции их динамики и развития, то она мало пересекается с региональной экономикой, региональной социологией и т. п., но может использовать их результаты. Если экономисты, социологи, политологи берутся за изучение территориальных социально-экономических систем, то возникают конкурентные отношения. В целом больше возможных пересечений у экономической географии и региональной экономики на генерализованном макроструктурном уровне исследований.

Л. А. Безруков

Под «региональными науками» понимается обычно совокупность смежных с СЭГ областей ряда общественных наук. В указанную совокупность входят региональная экономика, региональная социология, региональная политология, урбанистика, региональная демография и др. В. Изард (У. Айзард) считал их единой «региональной наукой», хотя четкого определения предмета исследования последней не существует.

Имеет место, конечно же, и пересечение интересов СЭГ с интересами региональных наук, и их конкуренция, и взаимодействие. Взаимодействие общественной географии с региональными науками ведет к взаимному обогащению их новыми методами и знаниями. Конкуренция с региональными науками болезненно сказывается главным образом на прикладных направлениях СЭГ. Общественная география как фундаментальная наука не потеряет свое «лицо» и свою оригинальность, если отойдет от «размещенческого» подхода и сосредоточит усилия на изучении обусловленности (детерминированности) социально-экономических и политических явлений, связей и процессов дифференциацией земной поверхности во всех ее аспектах, т. е. неоднородностью естественных, хозяйственных и культурных ландшафтов.

Ю. Н. Гладкий

Общественный и дисциплинарный статус любой области знания зависит от состояния предмета, смысловых глубин, наличия (или от-

сутствия) парадигмального эффекта, метода, угла зрения и, конечно же, степени заблуждения ученого. Географическое знание отличается ярко выраженной многофункциональностью, будучи одновременно *наукой* и *ненаукой*. Одни географы оперируют мерками науковеда, другие – путешественника, третьи – представителя искусства и т. д. Примечательна в этой связи участь философии, в рамках которой (натурфилософии) как раз и зародились первые географические воззрения. Сегодня она не является «служанкой» ни науки, ни теологии, хотя в ней четко различается научная и религиозная философия (вместе с экзистенциализмом, постмодернизмом и т. д.). Поэтому справедливо утверждение о существовании разных видов не только философского, но и географического знания. Кстати, деление знания на гуманитарное и не гуманитарное также хранит безусловный отпечаток условности, несмотря на распространенные попытки его классификации именно таким образом. При вдумчивом проникновении в сущность наук начинаешь сознавать, что дильтеевская (В. Дильтей – рубеж XIX–XX вв.) классификация, пожалуй, механистична (эту истину постичь бы еще чиновникам РАН!), что естественным содержанием могут обладать и гуманитарные науки (та же общественная география!), в то время как многие так называемые «науки о природе» отмечены явным признаком гуманитарности. Часть знаний существует на стыке социального, природного и экзистенциального, в «*зазоре*» (в «ядре конденсации») между объективным и субъективным, естественно-научным и гуманитарным. (Отсюда – «порочное» деление наук на естественные и гуманитарные, видение их в пресловутом «черно-белом» диапазоне). *Эти знания во многом ассоциируются с географией вообще и с гуманитарной географией, в частности.*

Стремясь отразить «несметное» количество процессов, происходящих на земной поверхности (прежде всего, взаимодействие и взаимную адаптацию человека, общества и среды), география неизбежно вынуждена входить в прямой контакт со множеством наук – этим во многом определяется место гуманитарной географии в современной системе научного знания. При вхождении в контакт с другими науками имеет место своеобразный эффект *взаимного «опыления»* между географией, с одной стороны, и остальными научными дисциплинами, – с другой, причем в роли главного «опылителя» обычно выступает *гуманитарная география*. (Ричард Хартшорн полагал, что география должна выполнять интегрирующие функции, передавая информацию от од-

ной дисциплины к другой, а Николай Баранский отмечал: «Если в географии не давать пространственные связи между явлениями, ... что же останется от географии как науки?»). Конечно, функции подобного «опыления» эффективно выполняет вся географическая наука – и естественная, и гуманитарная, однако последняя, будучи диверсифицированной в большей степени, отличается особенно широким спектром междисциплинарных связей и отношений, включающих не только обмен информацией, веществом, энергией, но и такие явления как устойчивость, совместимость, пропорциональность, сбалансированность, концентрация, адаптация и т.д. Кстати, наличие подобных функций ни в коем случае не следует интерпретировать в том смысле, что гуманитарная география (как и география в целом) претендует на роль некой «науки наук». Подобная наука – миф, поскольку если необходимо обоснование какого-то высшего смысла, то для этого имеется философия или религия.

Неустрашимая специфика гуманитарной географии (как *human geography*) состоит в том, что она исследует *качественно особые процессы в специфическом сегменте объективного мира – очеловеченной природе, на стыке социокультурных, экономических, природных, политических* и иных явлений в рамках тех или иных пространственных систем, отличающихся собственной иерархией и своими внутренними закономерностями развития.

Главный объект географии (в том числе – гуманитарной) – *корреляционные отношения (связи, взаимодействия, циркуляция, кругообороты, потоки, системы), приуроченные к конкретной пространственной арене*, имеющие, как правило, сложный, междисциплинарный характер, не сводящиеся к парным отношениям объектов, выходящие за пределы микромира и фактически остающиеся вне компетенции парциальных отраслей научного знания. Разумеется, общим (на уровне методологии и логики) объектом изучения географической науки является *географическое пространство*, однако, будучи объективным явлением, оно остается пока абстрактным объектом науки. Корреляционные отношения (связанные не только с *целесообразной* деятельностью людей, как ошибочно полагают некоторые наши коллеги) являются специальным объектом, существующим реально, а не только в виде представления.

В подобной трактовке нет места «пространственному сепаратизму», нет намерения отделить предмет географии от систематических наук, абсолютизации пространственной проблематики и «простран-

ственных законов». С учетом (не нами придуманного) корреляционного подхода гуманитарная география приобретает внутреннюю «географичность» и появляется основание для признания диалектического единства географии, которое не устраняет ни специфики естественно- и социально-географических наук, ни их взаимной связи, взаимообусловленности. Все это подтверждает мысль о том, что следует искать не общие законы природы и общества, а *законы их взаимодействия*, поскольку ни в одной другой науке не перебрасывается столько «мостков» от изучения природных явлений к анализу общественных.

А. Г. Дружинин

Конкуренция – объективна, неизбежна и в перспективе, вероятнее всего, будет лишь усиливаться. В ней желательно видеть не только лимитирующее обстоятельство, но и позитивные, стимулирующие развитие нашей науки стороны, понимать, что успех обществоведческой ветви географии в современном контексте во многом зависит от правильно выстроенного *взаимодействия* с другими региональными дисциплинами. Многое (в том числе и личный практический опыт) свидетельствует - социально-экономическая география по-прежнему способна выступать несущим каркасом и интегратором всей системы региональных наук, а сами экономико-географы – координаторами и креативными лидерами междисциплинарных исследовательских коллективов. Важно, при этом, чётко идентифицировать как общие исследовательские задачи и сферы интердисциплинарного взаимодействия, так и достаточно существенные предметно-содержательные различия между конкурентами-«смежниками». Воспринимая теоретический и методический «багаж» экономики, социологии, политологии, культурологии и иных обществоведческих дисциплин, необходимо одновременно культивировать и развивать имманентный социально-экономической географии инструментарий комплексного и многоуровневого геопространственного анализа, предопределяющего своеобразие и фундаментальный характер нашей науки, а соответственно, и реальный спрос на экономико-географов, их идеи, исследовательские подходы, разработки.

А. В. Мошков

Логика научного исследования зачастую приводит к необходимости изучения круга проблем, которые выходят за рамки своей науки. Тем

более, что реальные географические явления и процессы не могут быть поделены между разными науками (в том числе экономической географией и региональной экономикой) и требуют комплексного подхода.

Теории регионального развития всегда формировались с максимальным использованием методологии и методов экономико-географического анализа. В свою очередь, экономическая география широко использует методы экономического анализа, методы статистической обработки информации, которые занимают значительное место в социально-экономической географии.

Примером могут служить традиционные для экономической географии исследования региональных особенностей процесса природопользования. В наиболее полном виде все составляющие природопользования реализуются, как правило, в пределах большой территории – региона, где сформировались и разнообразные звенья территориальных структур хозяйства и территориальных структур природопользования. С учетом подобных представлений о природопользовании разработана матричная модель регионального природопользования (П. Я. Бакланов, 2006, 2007), отражающая всю систему взаимосвязей, реализующихся между населением, хозяйством, сочетанием природных ресурсов и окружающей природной среды региона. Матричная модель содержит три группы отражающих соответствующие характеристики строк и столбцов: население и виды деятельности в форме отдельных предприятий, компаний, организаций; все сочетание природных ресурсов в виде их месторождений, зон, участков, а также – компоненты окружающей природной среды.

Только география располагает научно-методическими возможностями организации в каждом регионе страны постоянного мониторинга регионального природопользования. Подобный мониторинг может охватывать все звенья природопользования в регионе, а также – включать расчетные модели и оценки.

Другой пример взаимосвязи социально-экономической географии и региональной экономики затрагивает процессы взаимосвязи спроса-предложения-потребления. Они формируются и развиваются в географической среде человеческого общества, которая представляет собой диалектическое единство природных и социальных явлений, поскольку затрагивает с одной стороны природные явления географической среды, которые приобретают социальные функции, а с другой – социальные

явления, становясь элементами географической среды, входя в её состав (Н. К. Мукианов, 1985). Особое значение определение рациональных взаимоотношений между социально-экономической географией и региональными науками приобретает в условиях происходящего усиления децентрализации экономических ресурсов в стране, что требует более эффективного использования территориальных факторов развития социально-экономических структур разного ранга (от отдельных поселений, низовых районов, административно-хозяйственных субъектов Российской Федерации до крупных экономических районов). Большое внимание при этом необходимо уделять изучению низовых административно-хозяйственных образований, где собственно и формируется социально-экономическая среда жизнедеятельности человека.

А. Н. Пилясов

Самые большие прорывы в развитии мировой экономической географии в последнее десятилетие происходили на стыках с другими науками – социологией, экономикой, демографией. Почти всегда эта интеграция наук в использовании методов, в применении понятийного и концептуального аппарата дружественной науки были исключительно плодотворными. Поэтому я считаю, что вопрос должен стоять о конструктивном взаимодействии экономической географии и региональной науки, но никак не о соперничестве. Конкуренция наук слишком расточительна в условиях острой потребности обогащения нашей науки новым мировым знанием.

Региональная наука зарождалась в США в середине 1950-х годов в результате синтеза понятий и теоретических представлений экономической географии, региональной экономики и градостроительства / городского планирования. Исходным было представление о дружественности, органичной связи экономической географии и региональной науки.

Я вижу значительные, пока еще не реализованные, возможности для российской социально-экономической географии в результате восприятия достижений мировой региональной науки, созданных усилиями специалистов десятков школ из разных областей научного знания о пространстве. Мы не можем игнорировать интеллектуальный потенциал десятка иностранных журналов по региональной науке, сотен ежегодных докладов на всех форумах региональной науки и ее зональных и субрегиональных секций (европейской, тихоокеанской, амери-

канской и др.). Можно и нужно максимально использовать эти достижения для создания новых теоретических представлений об эволюции российского пространства.

Я вижу опасности не в растворении российской экономической географии внутри мировой региональной науки, но в местечковой изолированности от достижений мирового мейнстрима, невосприятии грандиозных прорывов последних двух десятилетий в мировой региональной науке, совершенных усилиями П. Кругмана, М. Фьюджиты, Э. Венаблса, Р. Капелло, П. Найкампа и других исследователей. Вот в чем вижу реальную опасность, которую новому поколению российских экономико-географов необходимо быстро преодолевать.

Ю. В. Поросенков

Отечественная СЭГ помимо системы географических наук входит в формирующуюся систему регионологических наук. Еще в первой половине XX в. в стране возникло территориальное планирование, которое в конце XX – начале XXI веков при переходе страны к рыночной экономике трансформировалось в территориальное программирование. Во второй половине XX в. в отечественной науке в основном на базе теории экономической географии возникла районная планировка, а на стыке экономики и экономической географии – региональная экономика. В конце XX в. в мировой науке сформировалась уже целая серия региональных наук, в том числе «региональная наука» (в отечественной науке – регионоведение) на стыке региональной экономики, географии, социологии, демографии, менеджмента и муниципального права. В постсоветской России как форма управления обществом со стороны государства формируется региональная политика.

СЭГ по своей теоретической сути не может быть единственной и всеохватывающей наукой о регионах. Отношения СЭГ и региональных наук характеризуются как взаимодействием, так и конкуренцией. Например, развитие территориального планирования в значительной степени вытеснило экономико-географические исследования из сферы экономики, организация массовых типовых работ по районной и городской планировке привела к их монополизации землеустроителями и градостроителями-архитекторами, а появление региональной экономики привело к вытеснению экономической географии из экономических вузов. На современном этапе нельзя допустить аналогичную ошибку

в отношении регионоведения. В этой связи необходимо усиление взаимовыгодной творческой интеграции СЭГ и сопредельных региональных наук, особенно в сфере прикладных региональных исследований.

Г. В. Сдасюк

Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует обратиться к истокам возникновения региональной науки, связанной с деятельностью Уолтера Айзерда, основателя Ассоциации региональной науки. Функционировавшая с конца 1940-х гг. как секция Американской экономической ассоциации, с 1954 г. она стала работать самостоятельно, проводя ежегодные сессии. Вскоре она приобрела международный статус, включив ассоциации во многих странах. Главное отличие работ представителей региональной науки от традиционных экономических методов исследования состоит в широте региональных подходов к изучению экономических проблем, включающих рассмотрение многообразия аспектов - природных, географических, исторических и др. При этом активно используются математические методы исследования. Региональная наука рассматривается ее приверженцами как продолжение и развитие идей Тюнена, Вебера, Кристаллера, Августа Леша и других классиков теории размещения и пространственного анализа. Эти исходные позиции сближают их с экономгеографами.

Подъем региональной науки в 1950–1960-х гг. сменился некоторым затуханием. «Всеохватность» региональной тематики стала причиной закрытия почти всех соответствующих департаментов в университетах, которые столкнулись с трудностями разработки адекватных научно-образовательных программ. Известный британский географ Дэвид Харвей подверг теорию региональной науки резкой критике, отмечая практическое отсутствие анализа политических факторов, влияющих на региональное развитие, и слабость социального анализа.

Экономгеографы имеют возможности для результативного взаимодействия с представителями региональной науки, используя (при критической оценке) их методы исследований и развивая методологию собственных интегральных географических работ.

В. Н. Стрелецкий

В этом пункте мне не нравится союз «или». Ибо и конкуренция, и взаимодействие между ними налицо (строго говоря, конкуренция –

это один из способов взаимодействия). Связь здесь прямая, а не обратная. Чем больше взаимодействуют отдельные ветви социально-экономической географии и их региональные «науки-двойники», тем больше они конкурируют, и наоборот.

Понятие «региональная наука» (Regional Science) вошло в широкий научный обиход в 1950-е гг. после работ У. Айзарда и создания Ассоциации региональных исследований. Заимствовав из географии понятие региона (района), Regional Science стала претендовать на статус ведущей науки, изучающей пространственные взаимосвязи в экономике и обществе. Ее влияние на экономическую географию в 1960–1970-е годы было, несомненно, очень значительным и достаточно продуктивным и позитивным. Причем не только за рубежом, но и в СССР (несмотря на всю критику Regional Science советскими эконом-географами с марксистских позиций как «буржуазной» науки). Однако Regional Science, начинавшаяся с теорий размещения хозяйства, так и не сложилась к настоящему времени в универсальную «науку о регионах» с единой теорией и методологией. В заданном вопросе справедливо фигурируют именно «региональные науки», а не «региональная наука». Отдельные региональные науки, конечно же, друг с другом взаимодействуют, но они все же автономны и изучают разные исследовательские объекты, опираясь на различный теоретико-методологический фундамент.

В нашей стране наибольшее взаимодействие (и как следствие, конкуренция) между географией и региональными науками отмечается в паре «экономическая география – региональная экономика». Но не потому, что потенциал такого взаимодействия в других предметных сферах значительно меньше, а потому, что экономическая география и региональная экономика – наиболее сложившиеся, развитые и институализированные дисциплины в рамках общественной (социально-экономической) географии и региональных наук соответственно.

С. А. Тархов

Никакой конкуренции, поскольку у нас иное представление о территории, пространстве и процессах, протекающих в них. Региональные науки рассматривают территорию (регион, страну, город) как точку или ячейку в таблице, а потому их внимание сосредоточено на изучении иных связей между этими объектами. Мы же смотрим на всё это иначе, поэтому никакой конкуренции. Нас просто очень мало, а регио-

нальных экономистов, социологов и политологов на несколько порядков больше. То, что сможет сделать один хорошо работающий экономгеограф, с трудом делает целый институт экономистов и социологов.

А. И. Трейвиш

И то, и другое. Кстати, смежники не всегда именно «региональные» (*геополитика, геоэкономика* – см. в ответе о «новой экономгеографии»). Но все они с какой-то другой стороны межи. Что поделаешь, мы всегда сидели, сидим и будем сидеть на межнаучных стыках.

Первый явный вызов прозвучал более 30 лет назад от региональной экономики. Сперва мы пытались выдержать лобовую атаку, потом отступили или прибегли к фланговому маневру, уходя под напором регионализируемой экономики от экономгеографии как таковой к социальной, политической, культурной, когнитивной, в общем – гуманизируясь. Надо признать, что это движение по линии меньшего сопротивления, туда, где конкуренты еще не так сильны. Ведь социоэкономгеографов, судя по составу аспирантов, около 0,1% из 0,5% географов вообще, а собственно «экономов» среди нас и того меньше. Экономистов же – целых 18%, и если региональные составляют среди них, ну, скажем, хотя бы 1,5% (точно не знаю), то их 0,27%, чуть не втрое больше нас всех. Мы – типичное меньшинство, с соответствующими страхами и комплексами.

Интересно: а куда двинутся наши «неогеогуманитарии», если вдруг ощутят такой же натиск на свои, еще довольно просторные поля? Нет смысла гадать. А конфронтация бессмысленна, и раздела сфер не получается. Наша сила, но и слабость одновременно – полимасштабность, широта и, притом, заземленность, то есть конкретность. Теоретического перевеса не вижу: был, да вышел. Экономисты-регионалисты давно взяли на вооружение почти все наше, что казалось им ценным.

Закончу выдержками из И. М. Маергойза. Да, обидно, когда нашу экономгеографию считают «старой беззубой бабушкой» Но все равно «нам надо сотрудничать с экономистами, а не отлучать друг друга от науки».

А. М. Трофимов

Экономическая и социальная география в России (да и в мире в целом) в последнее время испытывает серьезный кризис, усиленный огромными изменениями в общественной ситуации. Обретение неза-

висимости целым рядом стран, регионализация, территориальность и т.п. вызвали к жизни новую ориентацию – региональную экономику. Параллельно шло развитие представлений об изменяющемся образе жизни, что инициировало социологическую ориентацию. Эти ветви науки, сами еще находящиеся на стадии становления и зачастую не обремененные фундаментально-теоретическим багажом знаний, внедряясь в сложное системное сплетение географических направлений исследований, невольно деформируют географию (особенно ее социально-экономическое звено), отвлекая её от поиска фундаментальных географических закономерностей и законов.

В этой связи в современной географии появляется множество работ, ориентированных на социологию, региональную экономику, прикладную экономику и др., т. е. пытающихся реализовать сиюминутный заказ негеографическими средствами. Однако, слабое знание принципиальных теоретических положений географии, ее основных категорий и закономерностей лишает эти работы содержательно-географической ценности. Для собственно социологов, экономистов и специалистов родственных им областей науки интереса они чаще всего не представляют, т. к. выполнены непрофессионально и непрофессионалами; для географии – также, т. к. слишком отвлечены и зачастую лишены содержательной основы.

Эти особенности, свойственные, кстати, не только социально-экономической географии, накладываются на отсутствие в географии теоретико-методологического поиска (в числе немногочисленного позитива, правда, можно выделить работы таких авторов как Ю. Н. Гладкий, 2006; А. Г. Дружинин, 2008, 2009; В. Е. Шувалов, 2004; А. И. Трейвиш, 2009 и др.). Вместе взятые эти ситуации сказываются на значительном снижении статуса географии как науки. Об этом уже беспокоится географическая элита. В частности, В. А. Шупер (1996) пишет, что «снижение интереса к вопросам теории и методологии, который и ранее был не чрезмерным, может привести к откату со вновь завоеванных позиций в результате разочарования в науке, не способной сказать ничего принципиально нового» (с. 94). Подобные идеи об отсутствии географической специфики объяснений в географии высказывали и зарубежные исследователи (Sack, 1982; Huneke, Tranko, Wokeun, Herber, 1984; Goodchild, 1985; Chojnicki, 1985 и др.).

Г. М. Фёдоров

Между экономгеографией и смежными региональными науками сейчас существует острая конкуренция (в связи с ограниченностью круга потребителей региональных знаний). Во многих случаях наши конкуренты присваивают теоретические и методические достижения экономгеографии, даже без ссылок на источники (как бы открывая заново то, что широко применяется в социально-экономической географии). Однако взаимодействие и сотрудничество полезно и необходимо, и иногда оно имеет место. Перед «отраслевыми» региональными науками социально-экономическая география имела и всегда будет иметь неоспоримое преимущество – комплексное знание территории и связь с физико-географическими дисциплинами.

А. И. Чистобаев

Есть и то, и другое, поскольку региональные науки не определили свои объекты и предметы исследования. Это свойственно и региональной экономике, и региональной социологии, и даже такой технической дисциплине, как региональное металловедение. На этом фоне социально-экономическая география выглядит совсем не плохо, о чем свидетельствует, например, тот факт, что доктора экономических наук, имеющие базовое географическое образование, по существу, создали и развивают региональную экономику, являются лидерами этой науки. То же самое можно сказать и относительно региональных аспектов социологии, политологии, культурологи и других наук.

М. Д. Шарыгин

В последние годы активно формируется новое научное направление – регионалистика, включающая совокупность региональных дисциплин. Ее формирование берет начало в «недрах» экономической географии и постепенно обогащается научными достижениями смежных дисциплин. Районное (региональное) направление социально-экономической географии концентрирует свое внимание на процессах развития регионов как территориальных общественных систем во взаимодействии с природным окружением. Это направление является базисом формирования регионалистики и определяет предмет ее познания.

Отношения между социально-экономической географией и регионалистикой начали строиться по принципу «матери и ребенка».

Социально-экономическая география обосновала методологические подходы к изучению регионов, которые стали основополагающими во всех региональных исследованиях. Широко используя географические достижения, регионалистика обогащается производственными отношениями, включая бюджетно-финансовую, кредитную, рыночно-инфраструктурную и иные сферы. В ходе развития науки регионалистика уже выходит «за рамки географии», что согласуется с принципом «отцов и детей» и находит отражение в сложных процессах совместного функционирования и взаимодействия. При этом происходит взаимообогащение результатами исследований и повышается конструктивность концепций, проектов и программ регионального развития.

В. Е. Шувалов

Взаимодействия между ними, к сожалению, практически нет, а конкурентную борьбу мы просто не выдерживаем в силу большого числа объективных и субъективных факторов.

Социально-экономическая география, как и классическая география в целом, выполняет две основных миссии: «миссионерскую» и «почвенническую». В рамках первой из них мы, как и представители исторических наук, призваны нести в широкие массы географические знания и прививать навыки географического мышления, и в этом нам конкурентов нет и не будет. Заменить экономико-географов здесь просто никто не может.

Со второй функцией дело обстоит сложнее. В принципе вызывает сомнение сама возможность формирования собственно прикладной социально-экономической географии. При сохранении первой, мировоззренческой функции, прикладное направление в нашей науке можно реализовать, прежде всего, при ее взаимодействии с региональными науками.

Региональная (пространственная) экономика, социология, политология (политическая регионалистика), как региональные разделы систематических (по классификации И. Канта) наук, имеют «за спиной» относительно развитые экономические, социальные (в меньшей степени – политологические) теории и концепции (это является их сильной позицией), которые выполняют роль теоретического фундамента для этих наук. Однако опыт их использования в комплексном региональном (тем более – экономико-географическом) анализе нельзя признать успешным, так как выработать единый подход к исследованию и полноценный теоретичес-

кий базис в рамках этих достаточно автономных друг от друга наук вряд ли возможно. Поэтому социально-экономическая география в принципе может выполнять «почвенническую» миссию для региональных наук, разрабатывая теоретический базис, концептуальные основы для выполнения прикладных региональных исследований. Однако для этого необходимо не только модернизировать наш понятийно-концептуальный аппарат, но и сделать его достаточно прагматичным для использования в конкретных региональных разработках (прежде всего – в сторону резкого повышения уровня разработки методической составляющей).

В. А. Шупер

В интеллектуальном отношении никакой конкуренции нет, есть взаимодействие, в отношении ресурсов конкуренция была, есть и будет. Экономическая география находится в таком же отношении к региональным наукам, в каком находятся постиндустриальные страны в отношении бурно развивающихся стран третьего мира, только богатства и мощи нам, географам, не хватает. В любом случае т.н. цивилизованный мир утратит лидерские позиции, если утратит постоянную инновационность. Это своего рода велосипедная экономика. Экономическая география тоже должна быть готова к тому, что все ее теоретические достижения региональные науки непроизвольно втянут в себя, как щука у Салтыкова-Щедрина, которая от удивления разинула пасть и втянула в себя карася-идеалиста. В дальнейшем она вряд ли на него ссылалась, не будут ссылаться те же экономисты и на наши достижения, как в силу в целом еще более низкого интеллектуального уровня, так и в силу несопоставимо большей «демографической массы».

Постоянное теоретическое развитие и совершенствование методов исследований – условие выживания экономической географии. Осознается это в ничтожной мере. В последние 20 лет господствует теоретическая беззаботность, по А. А. Борзову. Увы, такая недалекость, отсутствие заботы о воспроизводстве теоретических ресурсов в будущем может привести к совершеннейшей маргинализации социально-экономической географии, ослаблению ее позиций даже в сфере образования. Складывается впечатление, что люди не думают о том, что характерное время для прикладных и фундаментальных исследований совершенно различно: для прикладных это месяцы или немногие годы, для фундаментальных – десятилетия.

5. ТЕОРИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ИХ МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

С. С. Артоболевский

*Регионы есть, а развития нет.
(наблюдение автора)*

Сам термин «региональное развитие» очень широк и принадлежит разным наукам. Для географии можно сформулировать следующее его понимание: региональное развитие – это процесс трансформации общества и экономики, периодически усиливающий и сокращающий территориальные диспропорции. Часто используются общие подходы и модели.

«Состояние» процессов регионального развития определяет необходимость вмешательства в них государства, т. е. региональной политики.

В. Л. Бабурин

Море западной литературы, захлестнувшее прилавки наших магазинов и умы исследователей, как правило, с лаговым эффектом несет нам инновационные «отходы» зарубежных центров генерации. Блестящим примером служит «Новая география», написанная, в том числе, и с участием наших экономико-географов, которые, к сожалению, никак там себя не позиционировали, хотя бы в рамках национального стиля исследований. То немногое, что публиковалось в последние годы (например, Б. Б. Родман «География, районирование, картоиды», 2007) – в основном размышления по мотивам прежних публикаций. В других случаях («Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем») – это статистические исследования с широким применением экономических и социальных индексов, в принципе методически не пригодные для исследования региональных процессов. Но и те, и другие на статус теорий не могут рассчитывать.

Строго говоря, за последние годы никаких теорий регионального развития не возникло. Многочисленные публикации в основном каса-

ются узких исследовательских методов, да и то не часто. На некоторое теоретическое осмысление могут рассчитывать лишь работы региональных экономистов (А. Г. Гранберг, Н. М. Межевич, Б. М. Штульберг и др.). Но в целом преобладают качественные описания, фундированные обширной статистикой, в основном в рамках либо теории «ядро-периферия», либо многочисленных производных схем от принципов европейской региональной политики (И. Бусыгина «Стратегии европейских регионов как ответ на вызовы интеграции и глобализации», А. Захаров и др.).

Другие теории остаются прямым заимствованием из соседних областей знания, как например «теория региональной идентичности», традиционная для социологии и политологии, где идентичности рассматриваются как элемент общественного и личного сознания. Прямым заимствованием является и портеровская теория конкуренции стран, которую многие исследователи неправомерно распространили на региональный уровень анализа. Подход, основанный на посыле о конкуренции регионов как квазикорпораций, представляется теоретически неверным и ведущим к логическим тупикам. Вместе с тем следует отметить, что развитие данного направления вполне естественная и необходимая реакция на глобализацию, стирающую региональные оттенки целого.

П. Я. Бакланов

Наиболее известные теории регионального развития: теория центральных мест, теория полюсов роста, центр – периферия и другие. Все они в принципе применимы и к социально-экономической географии, но должны быть существенно преломлены к территории, к территориальным структурам. В этой связи необходима и соответствующая детализация подобных теорий и их многоуровневая «территориализация». В то же время каждая новая теория регионального развития дает импульс развитию социально-экономической географии. Подобное было с теорией центральных мест, которая, по существу, стала частью теории социально-экономической географии. В ряде случаев соответствующие теоретические идеи последней могут рассматриваться и в качестве теории регионального развития.

Л. А. Безруков

Теории регионального развития не следует, на наш взгляд, противопоставлять теории самой СЭГ. Тот факт, что эти теории разработаны не в рамках «советской районной школы экономической географии», вовсе не дает повода для отделения их от общественной географии. Как неотъемлемая часть общего теоретического багажа СЭГ представимы, например, теории диффузии нововведений, полюсов роста, центров и осей развития, центральных мест, концепция «центр-периферия» и др.

Вместе с тем не следует преувеличивать возможности теорий регионального развития, нужно избегать их прямолинейного бездумного применения на практике. Так, большие претензии вызывает разрабатываемая в правительственных и близких к ним научных кругах концепция пространственного развития России, слабо адаптированная к конкретным условиям и реальной ситуации. В этой концепции с помощью теории полюсов роста и диффузии нововведений обосновывается необходимость перехода к «региональной политике поляризованного развития» через систему стимулируемых крупных городских агломераций. Возникает закономерный вопрос: что же тогда будет с лишней государственной поддержкой всей остальной территорией страны, состоящей из средних и малых городов и сельской местности? У нас до сих пор не существует каких-либо реальных механизмов «диффузии инноваций» от агломераций к остальным территориям, а теория готовых «рецептов» не дает.

Н. Н. Клюев

Часть, в том числе региональная, не может развиваться без целого. Два десятилетия наше общество «развивается» без чёткой (или хотя бы нечёткой) доктрины социальных перемен. Понятие национальной экономической стратегии органически присуще всем постсоветским правительствам. В разрабатываемых стратегиях экономического развития страны тщательно обходятся политэкономические основы формирующегося общества, они маскируются эвфемизмом «рыночной экономики». Но в мире реально сосуществуют десятки принципиально разных капитализмов – от нигерийской до шведской их разновидностей. Особенности созданного в нашей стране экономического базиса (анархо-феодальный капитализм в ресурсообеспечивающей зоне

мировой экономики), его непохожесть на экономический авангард планеты часто трактуются как переходные черты, которые скоро исчезнут. Однако столь же вероятно, что это – «всерьёз и надолго». Без точного политэкономического анализа современного общества и образа желаемого будущего «теории» регионального развития в нашей стране оказываются «гипотезами».

А. В. Мошков

Взаимоувязка теоретических подходов социально-экономической географии и методов регионального анализа, разработанных зарубежными и отечественными учеными (И. Тюнен, А. Вебер, А. Леш, В. Кристаллер, Т. Хегерstrand, У. Изард, В. Леонтьев, Н. Т. Кондратьев, К. И. Иванов и др.), является весьма продуктивной в исследовании территориальных структур хозяйства и расселения населения. Факторные концепции размещения производительных сил обеспечивают научное обоснование эффективности географического разделения труда, локализации центральных мест и зон их влияния, географических конвейеров, циклов и кругооборотов экономического развития стран и регионов и т. д.

По мнению А. В. Фурсенко (2003) «штандортные» теории размещения промышленного производства делают основной акцент на локационную составляющую размещения промышленности. Результатом подобных исследований выступало либо оптимальное размещение предприятий в соответствии с их потребностью в определенных факторах производства (А. Вебер, 1926), либо оптимальное с точки зрения доступа к потребителям пространственное размещение продавцов (теория центральных мест В. Кристаллера и А. Леша).

Кроме того, существующие модели размещения и развития городов отражают уровень сформированности систем городского расселения как взаимного упорядоченного размещения крупных городов (главных экономических центров), а также средних и малых городских поселений, находящихся в зоне их влияния.

Полученные с помощью представленных методов результаты экономико-географического анализа территории являются необходимым условием при разработке географического прогноза, обязательно присутствующим в программах социально-экономического развития регионов и муниципальных образований.

А. Н. Пилясов

Как показывает опыт развития мировой региональной науки в последние десятилетия, фундаментальной основой рождения крупных новых направлений исследования являются макроэкономические концепции экономического роста, модели экономического роста. Любопытно, что даже тогда, когда школы экономико-географов непосредственно не знакомы с новыми теоретическими достижениями в этой сфере, они поневоле, бессознательно, исходя из складывающейся новой атмосферы разработки научных проблем, все равно испытывают воздействие этих представлений.

Теории и модели экономического роста оказывают фундаментальное воздействие на направления исследований социально-экономической географии¹, приоритеты и инструменты регионального развития. Но и сами эти теории рождаются не в интеллектуальном вакууме, а в конкретных экономических реалиях, например, агроиндустриального перехода, постиндустриальной трансформации.

Смена парадигмы в теориях экономического роста – с экзогенной на эндогенную – произошла в результате прорывных работ П. Ромера, Р. Лукаса в конце 1980-х годов. В 1990-е годы она повлекла изменения и в теориях регионального развития. Теперь акцент в них ставится на формирование конкурентных преимуществ самого региона, раскрепощение потенциала местного сообщества в региональном развитии (ранее на внешние факторы – централизованные госкапвложения, внешние инвестиции и т. д.).

В этой связи новые задачи социально-экономической географии состоят в том, чтобы диагностировать потенциал местного сообщества для социально-экономического развития и определить те внешние и внутренние меры, которые способны его усилить. Это требует разработки и использования новых, более тонких инструментов анализа и диагностики, привлечения новых информационных источников, опоры на новые базы данных (например, телефонных справочников, Интернет-доменов, социологических методов наблюдения и др.).

Новая теория регионального развития постиндустриальной эры, с одной стороны, сохранит черты преемственности со старыми теория-

¹ Но далеко не только социально-экономической географии. Вспомним бессмертное пушкинское «как государство богатеет, и как живет и почему не нужно золото ему, когда простой продукт имеет» как яркий пример воздействия теорий экономического роста (той эпохи) даже на поэзию.

ми индустриального времени; с другой стороны, будет включать и абсолютно новые элементы, прежде всего институциональной экономики. И здесь возникает возможность конструктивного синтеза, интеграции усилий специалистов в области социально-экономической географии и экспертов в сфере государственного и муниципального управления. Пока этот интеграционный потенциал не реализован: нет курсов (как нет и учебников) по новым теориям регионального развития (с опорой на концепцию эндогенного экономического роста), ориентированных на подготовку специалистов по государственному и муниципальному управлению. Теорий регионального развития нет и в номенклатуре вузовских специальностей. Но это означает, что региональное развитие, с одной стороны, остается импровизацией конкретных российских управленцев; с другой стороны, исключительно теоретическими изысканиями небольшой горстки российских ученых; а необходимой смычки между первыми и вторыми нет. Между тем именно данная область социально-экономической географии могла бы стать выигрышным направлением практического внедрения многих идей и концепций нашей науки.

Ю. В. Поросенков

Теории регионального развития являются неотъемлемой частью методологии мировой «западной» СЭГ на всем историческом пути ее формирования. С середины XIX в. в европейской науке возникли штандортные концепции, в которых на региональном уровне в абстрактной форме сделаны попытки выявить механизмы формирования территориальной организации сельского хозяйства, промышленности и даже хозяйства в целом. Выполненные на стыке с экономикой, эти концепции не сразу интегрировались в систему географических исследований. В середине и во второй половине XX в. в мировой науке создаются все новые и новые теории регионального развития (центральных мест, рыночных зон, полюсов роста и центров развития, диффузии инноваций, региональной науки). С ними в определенной степени смыкались западные теории региональной политики (неоклассический региональный подход, несбалансированного развития, общественные теории регионализма, теория жизненного цикла товара). В целом этот богатый, но весьма противоречивый теоретический «инструмент» мировой СЭГ позволяет исследовать внутренние процессы и механизмы регионального развития в условиях действия стихийных рыночных сил.

В отличие от западной географии отечественные теории регионального развития возникли на основе представлений об объективности существования, планомерности формирования и развития экономических районов страны. Различные аспекты этих процессов получили отражение в районном направлении, теориях ТПК и ЭПЦ, межотраслевых комплексов, ресурсных циклов, единой системы расселения и других. Последующие исследования выявили целую систему методологических подходов в региональном развитии. Однако весь этот богатейший опыт отечественной науки в определенной степени был обесценен тем, что в постсоветское время экономические районы перестали быть объектами хозяйственного и социального управления со стороны государства. Перед современной отечественной наукой стоит задача разработать теории регионального развития страны, соответствующие как общемировым тенденциям, так и современной национальной специфике процессов формирования ТОО.

В. Н. Стрелецкий

Ответ на этот вопрос зависит от того, какой смысл вкладывается в понятие «теории регионального развития». Часто под ними понимаются теоретические разработки, выполненные в духе *Regional Science*, как в классических традициях айзардовской школы, так и в более поздних, осовремененных трактовках. Для социально-экономической географии теории регионального развития представляют научный интерес *в зависимости от того, в какой степени ими «осваивается» категория географического пространства*. Если сами регионы рассматриваются при этом как точки, без внимания к их внутренней пространственной дифференциации, то даже самые изощренные в методическом отношении «теории регионального развития» находят в экономико-географических и социально-географических исследованиях лишь ограниченное применение. Если же теория призвана объяснять и моделировать феномен пространственной организации (и тем более самоорганизации), то она органично ассимилируется социально-экономической географией. По аналогии с тем, как теория экономического ландшафта Августа Лёша (а ведь это еще более сложный теоретический конструкт, чем любая теория регионального развития), возникшая в недрах экономической науки, сыграла выдающуюся роль в развитии экономической географии.

Но на поставленный вопрос можно посмотреть и в более широком ракурсе. Региональная парадигма – одна из ведущих в понятийно-концептуальной системе географической науки вообще и ее обществоведческой ветви в частности. Значение этой парадигмы для социально-экономической географии выходит далеко за рамки «теорий регионального развития» в традициях Regional Science. Понятие «региональное развитие» неизбежно сопрягается со смежным понятием «регионализм», а оно для меня наполнено глубоким культурным смыслом. Регионализм не тождественен региональной специфике вообще, его не существует вне сознания людей. Бесмысленно, как я считаю, вести речь, например, о регионализме грунтовых вод. Регионализм – это, прежде всего, феномен культуры.

С. А. Тархов

Я тут не специалист, а потому сказать ничего не могу. Региональное развитие, территориальное развитие, пространственное развитие – какая разница между этими понятиями? СЭГ как плохой (или хороший) врач по лечению социальных, экономических и политических «болезней» отдельных регионов, территорий и стран? Помогут ли «рецепты» экономгеографа «больной» территории?

А. И. Трейвиш

Если наши теории востребованы регионалистами, то справедливо и обратное. Географы далеко не лидеры в области общественного развития, уж скорее историки, хотя и они не монополисты. У нас есть склонность время от времени уходить в свою хорологическую статическую морфологию. Да, есть яркие исключения вроде эволюционной морфологии транспортных сетей у С. А. Тархова (кстати, вот одно из явных и ярких теоретических достижений за 20 лет!). Но все же это исключение из правила.

Считая себя одним из эволюционистов в нашей отрасли географии, пытавшимся очертить круг представлений конгломерата наук «о развитии», или «девелопментологии», я не готов назвать даже набросками теории какие-то свои разработки. У коллег тоже не очень-то густо. Георазвитиеведение пока нет, хотя есть эволюционная или палеогеография, эволюционные геоморфология, почвоведение и т. д. Но их построения как-то мало вяжутся с нашими. Эволюция обще-

ства и природы все же довольно разные по темпам, законам, механизмам и пр.

А большинство теорий и моделей развития общества в целом и в том числе территориального – вовсе не наши (тут опять же есть исключение: Хегерstrand), а заимствованные. Но они неплохо на нас работают и могут еще работать. Скажем, path dependency, «теория колеи», если ее ометодить в близком нам ключе, обещает быть полезной.

Пока у нас нет сколь-либо развитой типологии траекторий, моделей развития стран, районов, регионов. Даже терминов не хватает. И что-то мне не кажется, что все это на подходе. Надеюсь, впрочем, ошибиться.

Г. М. Фёдоров

Следует отметить невозможность развития науки без разработки и модернизации региональных теорий (таких, как теории комплексобразования и экономического районирования, поляризации, конкурентных преимуществ, новых пространственных форм экономической интеграции, «новая» пространственная экономическая теория и т. п.). Усиление регионализации в условиях глобализации – исходное положение для их развития и повышения их авторитета на политическом уровне.

А. И. Чистобаев

Об этом подробно написано в нашем (с Ю. Н. Гладким) учебнике «Основы региональной политики» (1998, с. 138–164). Как следует из указанного материала, теоретический аспект регионального развития в географической науке представлен недостаточно. Некоторые теории экономико-географов оторваны от жизни, от практики управления региональным развитием; другие – повторяют то, что уже ушло в прошлое, неприемлемо в условиях рыночной экономики. Поэтому в одних учебниках широко освещаются западные идеи регионального развития, в других – идеи отечественных ученых, которые работали в условиях другой общественной формации. Так что в этом отношении социально-экономическая география пока не преуспела. Молодые ученые имеют все необходимые предпосылки для создания теоретической базы нашей науки.

М. Д. Шарыгин

Широкую известность получили теории колец И. Тюнена, штандорта А. Вебера, центральных мест В. Кристаллера, экономического

ландшафта А. Лёша, центра и концентров А. Пробста, полюсов роста Ф. Перру и др. Они стали базисными в теории и практике размещения производительных сил, пространственно-временной организации жизнедеятельности людей, структурной модернизации экономики регионов.

Эти теории заняли достойное место в районном направлении социально-экономической географии и стимулировали исследования территориально-комплексной организации хозяйства, экономико-географического районирования, систем расселения населения, территориального управления и планирования. Особенно конструктивна теория ТПК Н.Н. Колосовского, развитие и реализация которой возможна не только в плановой экономике, но и в рыночных условиях.

Дальнейшее развитие социально-экономической географии с упором на адаптацию теорий регионального развития к современной ситуации во многом зависит от эффективности использования методов регионального анализа. Особое внимание следует обратить на методы, предложенные Н. Н. Колосовским, И. В. Комаром, А. Т. Хрущевым, А. Г. Гранбергом, М. К. Бандманом, У. Айзардом, П. Хаггетом, Б. Берри, Р. Чорли и другими учеными.

В. Е. Шувалов

Современные теории регионального развития разрабатывались в основном без участия экономико-географов (здесь мы не берем идеальные модели В. Кристаллера, А. Леша, о причастности которых к пространственной экономике или социально-экономической географии можно долго спорить). Поэтому они для классической социально-экономической географии являются в определенном смысле «чужими», «внешними». В то же время, их знание и умение применять на практике является важной задачей географов. Более того, экономико-географы в принципе в состоянии их «географизировать», придать им более целостный (а не сугубо аналитический) характер, прежде всего – за счет использования своего опыта в сфере территориального синтеза. Этому мешает слабое знание нами эконометрики и недостаточный уровень экономических знаний в целом. Поэтому для построения полноценной системы подготовки в области социально-экономической географии крайне важен прикладной учебный курс «Теории и модели регионального развития» (который, к сожалению, практически нигде не читается).

В. А. Шупер

В последние десятилетия предметная организация науки все больше вытесняется проблемной. Это порождает серьезные трудности, поскольку теории и методы исследований сложились в условиях предметной организации науки. Разработка теорий для междисциплинарных исследований, будь то «девелопментология», либо какое-то другое более или менее модное течение, крайне затруднена. Эти теории формулируются на сугубо качественном уровне, крайне нестрого, соответственно их предсказательная способность невелика, поскольку они не построены по образу и подобию «нормальных» научных теорий. Невозможен вывод следствий из них дедуктивным путем. Надо хорошо себе представлять, что, вступая в область проблем развития, экономическая география попадает в вотчину наук, еще менее развитых в теоретическом отношении, нежели она сама, хотя и имеющих более высокий социальный статус. Какие там дедуктивные теории со строго сформулированными постулатами! Есть два пути: привносить в эту область географические подходы на уровне неявного знания, использовать стиль мышления географов, либо пытаться использовать существующие географические теории для разработки новых, способных описывать «междисциплинарную» реальность. Второй путь намного более труден, но он и более перспективен.

6. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, ЕЕ МЕСТО И РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

С. С. Артоболевский

К сожалению, теоретическая география и «остальная» социально-экономическая география развиваются преимущественно параллельно. Теоретики от последней лучше принимаются в философии, науковедении, истории... Это российская ситуация. На Западе они более скоординированы, но теоретики, по-прежнему, «товар штучный».

В. Л. Бабурин

Строго говоря, период расцвета теоретической географии в отечественной науке давно в прошлом (30–40-е – 60–70-е гг. прошлого века). Справедливости ради и тогда (по крайней мере в работах шестидесятых годов) многие идеи и теоретические построения были заимствованы у Запада. Но того, что происходит в последние двадцать лет, когда экономическую географию полностью захлестнул поток прикладных исследований, не оставляющих места для теории, тогда конечно не наблюдалось. Отдельные частные отраслевые попытки вряд ли что-то кардинально меняют в этой картине застоя теоретической мысли.

В то же время общеизвестно, что без опережающего развития теории практика начинает топтаться на месте или даже деградировать, что, впрочем, и наблюдается по многим направлениям экономико-географических исследований.

Главная проблема отечественного теоретического исследовательского направления в том, что объект исследования становится все более сложным, а методологические возможности по-прежнему ограничены. Более того, многие исследователи склонны к полному переходу к статико-описательным методам. Поэтому, без прорыва в методологии, вряд ли стоит ожидать создания полномасштабной и жизнеспособной теории, а тем более рассчитывать на формирование новой парадигмы. В любом случае успех возможен лишь в случае ухода от соблазнов заимствований и адаптаций. Вряд ли нынешнее «взрослое» поколение географов может такую парадигму сформулировать, это скорее задача для

молодого поколения исследователей. Однако, для него в современном мире еще больше соблазнов, уводящих от философской «бочки».

П. Я. Бакланов

В целом теоретическая география должна вычленять общий, наиболее интегральный объект географических исследований. Такими являются интегральные географические системы (геосистемы), включающие в себя связанные и сопряженные элементы природы, населения и хозяйства в пределах определенной территории. Теоретическая география разрабатывает наиболее общие представления о структурах таких систем, их свойствах, динамике и развитии.

Очевидно, что теоретическая география должна лежать в основе и социально-экономической географии. Четкие представления об объекте и предмете современной социально-экономической географии, основные принципы структуризации объекта, наиболее общие свойства и черты его динамики, система основных понятий и др. – все это составляет фундаментальную базу социально-экономической географии. Ее задачи – изучение структур, функционирования, устойчивости и развития территориальных социально-экономических систем разных уровней, типов, размеров и т. п. Их исследования в виде наиболее общих закономерностей и выводов трансформируются в теоретическую географию и служат новой базой исследования в рамках социальной и экономической географии. То есть, идет взаимообогащение ветвей географической науки.

Л. А. Безруков

Вопрос самостоятельного существования теоретической географии остается дискуссионным. В каждом направлении географии, в каждой частной географической науке есть (или должна быть) своя теория. Зачем же нужна еще отдельная теоретическая география?

Общественная география имеет собственный теоретический аппарат, но он остро нуждается в дальнейшей разработке и совершенствовании. Приведем только один пример.

Для объяснения причин резкой неравномерности развития стран и регионов общественная география широко использует концепцию (модель) «центр-периферия», согласно которой в основе структурирования мира и мирового хозяйства, стран и регионов и их хозяйствен-

ных систем лежит постоянное перераспределение производимой здесь массы прибавочного продукта от периферийных и полупериферийных зон к соответствующим «процветающим» центрам. Функционирование центрo-периферической системы отношений в самом общем виде объясняется обычно действием нескольких механизмов, имеющих глубоко экономический характер, «инновационным» механизмом с получением центром «интеллектуальной» или «технологической» ренты, неэквивалентностью обмена продукцией с различной степенью обработки, влиянием закона «средней нормы прибыли», принципиальными различиями в правовом оформлении частной собственности и возможностях ее капитализации и т. д.

Однако совершенно ясно, что при анализе процессов мирового и регионального развития, сопровождающихся усилением территориальной дифференциации общества, явно недостаточно ограничиваться рамками только экономической теории. Прежде всего необходим всесторонний и глубокий учет влияния базовых географических факторов, лежащих в основе современной неоднородности мира, что требует разработки соответствующих синтезирующих экономико-географических концепций. В качестве подобного дополнительного обоснования возникновения и функционирования системы центрo-периферических отношений может служить выявленный экономико-географический механизм связей и зависимостей континентально-океанического характера (Безруков, 2007, 2008). Объективной основой его возникновения служат глубокие различия в степени транспортно-географической континентальности стран и районов, т.е. особенности их макрорасположения относительно морских путей. «Континентально-океанический» перераспределительный механизм доходов не только оказывает сильное непосредственное и опосредованное влияние на международное и региональное развитие, но и служит (или служил в прошлом) исходной причиной появления большинства других механизмов, формирующих мирохозяйственные центрo-периферические отношения. Таким образом, функционирование модели «центр-периферия» объяснимо действием не только экономических, но и экономико-географических механизмов.

А. Г. Дружинин

В современной российской экономико-географической науке есть сложившееся, воспитанное, прежде всего, замечательными книгами

Ю. Г. Саушкина понимание значимости теоретической географии (ТГ). Существует национальная традиция исследований в области ТГ, формируемая и поддерживаемая в первую очередь высокопрофессиональными сфокусированными усилиями Б. Б. Родомана, В. Л. Каганского, В. А. Шупера и А. К. Черкашина. Развёртыванию продуктивной активности в сфере ТГ в настоящее время благоприятствует ряд приоритетных обстоятельств. Так, актуализирована потребность переосмысления сложившихся подходов к районированию, существенно возросли инструментально-аналитические возможности картографии и геоинформационного моделирования. В рамках культурной географии идёт активная разработка представлений о культурном ландшафте. Проявляется всё больший интерес к геопространственному анализу, наблюдается продвижение в области семиотики геопространства и др. Эвристический потенциал ТГ в системе географических наук представляется весьма существенным, однако его практически не реализовать без последовательного общегеографического синтеза, пробуждения интереса к теории во всех составляющих системы географических наук, активной популяризации наработанных ТГ постулатов. Пока же, к сожалению, идеи ТГ слабо доходят до целевой аудитории, в том числе и по причине её общетеоретической «неготовности», невысокой научной культуры. Поэтому данная приоритетная для настоящего и будущего нашей экономико-географической науки субдисциплина всё ещё в основном пребывает в состоянии «вещи в себе».

Н. Н. Клюев

Теоретической географией правильнее называть работы в области общегеографического синтеза (комплексное земледение, общие географические закономерности Земли). Экономико-географы часто именуют теоретической географией исследования в рамках сугубо пространственной («геометрической») парадигмы. Эта парадигма является одним из важных инструментов географического анализа, но она отнюдь не составляет теоретическое ядро географии (в этом смысле термин «теоретическая география» является ложно ориентирующим).

В этой сфере можно отметить, например, установление изоморфизма транспортных сетей (С. А. Тархов), выход в свет обобщающих книг Б. Б. Родомана. Интересно, что Б. Б. Родоман, а также В. Л. Каганский, анализируя ныне постсоветское пространство, исследуют соци-

ально-экономические, политические и другие содержательные начала и далеко выходят за рамки «голой» пространственности.

А. В. Мошков

Важнейшим методологическим подходом в теоретической географии выступает диалектический материализм. Диалектика географического познания заключается, прежде всего, в том, что предшествующее географическое знание со всеми его противоречиями выступает исходным пунктом исследования. Данное географическое знание систематизируется, оценивается. В последующем, формулируются система критериев и ценностей, с помощью которых проводится оценка всего первичного социально-экономического материала (А. Г. Кузьмин, 2003).

Современная теоретическая география, как и любая наука, выявляет закономерности территориальной организации производства и расселения, которые внутренне противоречивы, динамичны, в их развитии отмечаются явления нелинейности, обусловлены действием как внешних факторов, так и самоорганизацией систем.

А. Н. Пилясов

В кризисное десятилетие 1990-х годов теоретические экономико-географические исследования находились в тени прикладных работ, посвященных региональным реалиям радикальной экономической реформы, которые нередко выполнялись междисциплинарными коллективами ученых. Прикладные экономико-географические исследования значительно опережали теоретические по количественным и качественным критериям. Каркас новых теоретических представлений нашей науки пока еще не сформировался. Тем не менее нужно отметить ряд сильных теоретических работ, выполненных уже в 1990-е годы (правда, на фундаменте предшествующих исследований), например, цикл монографий Б. Б. Родомана по пространственным сетям.

Ю. В. Поросенков

Теоретическая география (наряду с теорией и методологией географии, метагеографией, «общей» географией, математической географией) относится к категории теоретических географических наук. Поскольку научное разделение труда между ними находится в процессе становления, то и объект исследования теоретической географии пока

можно определить в самом общем виде. Это, прежде всего, учение о геосистемах – сложных территориальных природно-социально-экономико-техногенных образованиях, выступающих интегральными объектами исследования всей системы географических наук. Кроме того, к сфере исследования теоретической географии относятся: понятийно-терминологический аппарат географии, логические основы применения общенаучной и географической методологии, принципы моделирования и управления развитием географических объектов.

В результате интенсивно происходящей межнаучной и внутринаучной интеграции существенно повышается роль теоретической географии в формировании теории современной российской СЭГ, что позволяет обосновать ее некоторые базовые принципы. Теория российской СЭГ должна быть адекватна сущности современных процессов формирования ТОО на мировом, страновом, региональном и локальном уровнях. По сравнению с советской экономической географией современная российская СЭГ не должна строиться на едином для всех идеолого-методологическом и методическом стандарте. Интеграция современной российской СЭГ в систему мировой географии должна предусматривать сохранение (хотя и с определенной трансформацией) наиболее ценных отечественных теоретических наработок. Внутригеографическая интеграция СЭГ (в том числе с физико-географическими и геоэкологическими исследованиями) не должна приводить к снижению объективности исследования процессов формирования ТОО. В целом на основе принципов теоретической географии отечественная СЭГ должна уточнить такие ее базовые понятия, как объект, предмет, цель исследования, основные методологические подходы, систему методов исследования и конструктивные выходы на практику управления процессами ТОО на разных ее иерархических уровнях.

Г. В. Сдасюк

Теоретизация – сложный процесс движения науки от эмпирической к теоретической стадии развития. Современная география сочетает эти стадии, что неравномерно проявляется в ее разных звеньях.

В географии, включая ее социально-экономическое звено, функционирует совокупность концепций и теорий. Однако они не соотносятся между собой по принципу субординационных взаимосвязей – не функционируют как элементы единой науки. Длительная история об-

суждений проблем теоретического обоснования предмета географии концентрируется на анализе «множественности» пространств и их соотношений: пространств земных сфер (лито-, атмо-, гидро-, био-) и социосферы. Эти пространства изучаются разными звеньями географии (при взаимодействии с другими научными дисциплинами). Их взаимодействие предстает как природно-антропогенные процессы при чрезвычайно быстром возрастании роли общества «как геологической силы». Массированная информация о том, что антропогенное воздействие все более превосходит способности природы к самовосстановлению, стало объективным стимулом для многих физгеографов обращаться к социально-экономической географии для объяснения процессов деградации природы, усиления природно-антропогенных рисков и катастроф.

Распространяются идеи о том, что ядром географического знания должно быть изучение закономерностей пространственной организации природы и социальной жизни. Теоретическая география должна отразить в системе понятий и концепций особый естественно-социальный феномен, формирующийся в процессе взаимодействия общества и природной среды, имеющий иерархическое строение и территориальное основание. В силу объективных причин социально-экономическая география XXI века призвана играть ведущую роль в формировании теоретической географии.

В. Н. Стрелецкий

Термин *теоретическая география* имеет в истории географической науки совершенно однозначную трактовку. Это теоретическая дисциплина, которая изучает закономерности пространственной самоорганизации географических явлений различной природы и различного генезиса на наиболее общем, абстрактно-теоретическом уровне. Именно такое понимание теоретической географии (которое отстаивали В. Бунге, П. Хаггет и другие ее «классики») является в мировом контексте общепризнанным. Нельзя согласиться с «расширительными» трактовками теоретической географии, когда под последней понимается просто совокупность теоретических положений и концептов, принятых в разных географических субдисциплинах. Соответственно, теоретическая география не есть синоним теории географии, и, тем более, не есть синоним множества теоретических идей всех ветвей и отраслей географической науки.

Последние два (в некоторых отношениях даже три) десятилетия нельзя отнести в «актив» теоретической географии, расцвет которой пришелся на значительно более ранний период – 1960–1970-е годы. На рубеже XX и XXI веков грандиозных научных прорывов в этой области не наблюдалось (возможно, что это и не совсем так, я что-то мог упустить). Но само это направление живо и сохраняет свой потенциал, регулярно проходят международные коллоквиумы по теоретической географии. Я думаю, что развитие теоретической географии – типично волновой процесс, и спустя некоторое время, на новом витке эволюции теоретико-географических знаний, мы о нем еще услышим.

С. А. Тархов

Теоретическая география очень важна, поскольку за последние 20 лет наша наука сильно меркантилизировалась и сползла в прикладную эмпирию, большинство экономгеографов из-за материальной нужды «деклассировались» (участвуют в бесконечных региональных проектах, программах; читают лекции, забыв, что такое научное исследование), тем самым, оторвавшись от настоящей науки и теории. Без теоретической географии нынешней СЭГ смерть, поскольку первая постоянно должна оплодотворять новыми идеями, как изучать пространственные структуры и пространственную самоорганизацию общества в постоянно меняющемся мире.

А. И. Трейвиш

Так вышло, что отечественная теоретическая география, дисциплина в принципе общегеографическая, создавалась в основном силами географов-человековедов (и не чуждых природоведению), начиная с В. П. Семенова-Тян-Шанского и кончая... Лучше бы не кончалось. Но боюсь, сливки сняты, основное изложено в трилогии Б. Б. Родомана (тоже свежее достижение, но, по сути, во многом подведение итогов за весьма долгий срок). А дальше не совсем ясно, куда, зачем и как. Верный признак застоя, пусть временного, – начавшиеся споры и склоки в узких рядах наших теоретико-географов о том, кто был первый, чей вклад весомее и т. д.

Это сойдет, а багаж нашей, кстати вполне автохтонной, теоретической географии останется чистым колодцем, из которого всегда напьется тот, кто захочет. Останутся ли желающие – другой вопрос. Ду-

маю, стоит прививать вкус к этой живой воде и той львиной доле студенческой молодежи, которая из географии уйдет. Им не повредит. И вдруг кто вернется!

Не считая себя большим теоретико-географом, я все же пытался хоть что-то в нее вносить по мере сил. Или хоть использовать. То есть приходил к означенному колодцу и пил. Всегда с удовольствием, даже с наслаждением и с безусловной пользой для своего географического здоровья.

Г. М. Фёдоров

Теоретическая география как методологическая основа экономико-географических исследований требует развития с учетом современных и будущих практических потребностей в результатах, которые способна обеспечить социально-экономическая география.

А. И. Чистобаев

Я полагаю, что следует создавать теории регионального развития (об этом говорилось выше), а не единую теоретическую географию. Попытки создания последней предпринимались многократно, но реальных результатов нет. По-видимому, это не случайно: нельзя создать единую теорию эволюции природы и общества, тем более нельзя установить единые законы (или закономерности) развития природы и общества. По этому поводу написаны тысячи страниц научных трактатов. К сожалению, те, что опубликованы в последнее время, уступают (по качеству) книгам Анучина, Саушкина, с одной стороны, и книгам Гумилева, Исаченко, с другой стороны. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что какого-либо прогресса в создании теоретической (или, по другой версии, общей) географии нет и, очевидно, не будет. Сказанное, однако, ни в коей мере не умаляет значимости взаимосвязи и взаимодействия обеих ветвей географической науки.

М. Д. Шарыгин

Понятие «теоретическая география» обычно употребляется в двух аспектах. Первый аспект: теоретическая география ассоциируется с фундаментальной частью науки и включает все теории (учения, парадигмы) частных дисциплин и общей географии. Второй аспект: теоретическая география – это самостоятельное научное направление, «венец» теории

географии, раскрывающее особенности и закономерности развития географического пространства и географического поля, пространственно-временных процессов, функционирования геосистем и геоструктур.

Теоретическая география как научное направление берет начало в трудах отечественных и зарубежных ученых второй половины XX столетия. Ее появление вызвало оживленную дискуссию и резкий всплеск теоретических изысканий. Сформировалось представление о теоретической географии как наиболее абстрактном направлении, синтезирующем все «ветви» географической науки. Выполняя функцию интеграции, она выработала свой методологический аппарат и систему формализованных методов познания (математико-географического моделирования, анаморфированного картирования, пространственной автокорреляции и др.).

В «рамках» теоретической географии появилось представление о многослойности и полиструктурности географического пространства и поля и «вычленении» социально-географического пространства, континуальных и дискретных его свойствах, пространственных связях и взаимодействиях. Это послужило базисом для обоснования теории и практики социально-экономического, эколого-экономического и социально-экологического районирования, территориальных общественных систем и структур, пространственного планирования и проектирования.

Особенно велика роль теоретической географии в обосновании пространственно-временной парадигмы, раскрывающей современные и прогнозируемые процессы и явления территориальной организации жизнедеятельности людей.

В. Е. Шувалов

Теоретическая география не случайно возникла и развивалась в именно рамках социально-экономической географии и в основном экономико-географами (от В. П. Семенова-Тян-Шанского до Б. Б. Родомана). Поэтому значение теоретической географии для социально-экономической географии чрезвычайно велико. И дело здесь не только в поиске законов и закономерностей территориальной организации общества и геоуниверсума в целом, но и в традициях классической географии. Например, по нашему мнению, географическое районирование (и прежде всего ее составная часть – районистика) является неотъемлемой частью теоретической географии, если понимать под ней выявление общих закономерностей в территориальных структурах и терри-

ториальной организации различных по своей природе систем и таксонов. В современной социально-экономической географии, как западной, так и отечественной, значимость теоретической географии сильно ослабла. Прагматичность современного общества и науки отводит теоретической географии место «падчерицы». А жаль... Хочется надеяться, что со временем она из «падчерицы» превратится в «золушку».

В. А. Шупер

Ситуация с теоретической географией (ТГ), сложившаяся в последние годы в нашей стране, просто скандальна. Этим именем называется, например, «концептуальная герменевтика культурного ландшафта». Между тем ТГ возникла в лоне англо-саксонской географии в 60-е годы и с тех пор развивалась непрерывно. С 1969 г. в США издается ежеквартальный журнал «Geographical Analysis. An International Journal of Theoretical Geography». С 1975 г. раз в 2 года проводятся Европейские коллоквиумы по теоретической и количественной географии. Последний, 16-й, состоялся в сентябре 2009 г. под Дублином. ТГ понимается в США, Канаде, ЕС и Швейцарии так же, как и 40 лет назад – как наука о наиболее общих формах пространственной организации географических явлений различной природы. Точно так же она понималась и в нашей стране в советские времена как ее сторонниками, так и ее критиками. Синергетическая революция обогатила теоретическую географию представлениями о *самоорганизации*, о саморазвитии формы. ТГ во многом выполняет функцию теоретического ядра пространственного анализа, недаром П. Хаггет широко использовал «Теоретическую географию» В. Бунге в своей книге «Пространственный анализ в экономической географии».

В 70-е годы Б. Б. Родоман написал фундаментальный труд «Методы научной борьбы», в котором, в частности, рекомендовал создание наук-противовесов. Так, если на Западе возникла буржуазная наука белибердистика, то можно создать в нашей стране науку-противовес белибердонике, подождать, пока обе науки сольются и стать одним из отцов-основателей. Не надо нам создавать никакую отечественную науку-противовес буржуазной теоретической географии. И делать это можно было, как минимум, 40 лет назад, и страна у нас теперь не та. Нас больше не боятся и, увы, не особенно уважают. Нам надо входить в международное научное сообщество во многом заново, сохраняя свое лицо и свое достоинство, а не делать вещи одновременно постыдные и смешные.

7. «НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ»: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

С. С. Артоболевский

*Лучше помолчу.
(Ответ на вопрос врача
об имени больного,
поступившего в Институт Сербского)*

Не готов сформулировать ничего разумного.

В. Л. Бабурин

Термин «новая экономическая география» уже достаточно сильно дискредитирован несколькими изданиями, претендующими на это «звание», в которых очень много статистики и частных сюжет, но нет целостности, столь важной для формирования «новизны».

Другой принципиальный вопрос – новая география это отечественная инновация, или модификация западных прототипов. В последние несколько десятилетий типичным было второе. Собственные идеи возникали не часто и, в основном, формировались в рамках метода «акына» (что вижу, то пою), когда развитие географии шло экстенсивным способом, в основном за счет осмысления и переложения на язык географии все новых областей экономической деятельности населения и жизни социума в целом.

А между тем определенные перспективы у географии имеются. Прежде всего, речь может идти о новом синтезе на основе взаимодействия между экономической и физической географией. Природная составляющая в жизни общества, после периода ее покорения в рамках индустриальной эпохи, вновь возвращается к обществу бумерангом. И это не только и не столько экологические проблемы, сколько новое осмысление той «рамки», в которую природа обрамляет социум. Характер взаимодействия с этой «рамкой», условия и цена выхода за ее пределы, возможности взаимодействия, взаимовключенности – вполне могут быть сюжетами в новой экономгеографической партитуре.

П. Я. Бакланов

По-моему, в названии «новая...» много неоправданного. В размещении хозяйства, в региональных структурах на рубеже XX–XXI вв., безусловно, появилось много нового. Но никто не отменил и не отменит такой всеобщий принцип развития территориальных структур – как их инерционность. В соответствии с ним всякие новые элементы структур, появляясь, вписываются в старые, в существующие структуры и сочетания, в хозяйственную ткань региона. В этой связи, по-видимому, следует говорить не о «новой экономической географии», а о новом этапе ее развития, с учетом тенденций глобализации, транснационализации, существенных сдвигов в размещении многих производств, изменения факторов размещения и т. п.

Не корректно говорить и о становлении «новой экономической географии» как науки. Почти весь старый теоретический багаж советской экономической географии, как было отмечено ранее, «работает», может «работать» и в условиях рыночной экономики. Необходимо внести лишь определенные поправки, доработки и допущения.

В то же время необходимо углублять и совершенствовать имеющиеся теоретические построения, а также разрабатывать и развивать новые.

Л. А. Безруков

Под «новой экономической географией» понимается область экономической науки, развиваемая в последние десятилетия П. Кругманом (лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 г.), его коллегами (М. Фуджита, Т. Венаблс и др.) и последователями. Основной заслугой П. Кругмана в данном отношении считается разработка математически строгой модели «центр-периферия», объясняющей экономический механизм пространственного перемещения производств, рабочей силы и потребителей товаров, процессов агломерации и концентрации. Для географии мирового хозяйства большое значение имеет также модель международной торговли, учитывающая эффект экономии от масштаба производства и рассматривающая процессы роста внутриотраслевой торговли между схожими странами.

К сожалению, ни одной из книг и статей, относящихся к «новой экономической географии», пока не переведено на русский язык. Все же, насколько известно, кроме разработки нескольких моделей, дру-

гих крупных «прорывов» в географии у данного направления не отмечалось. Сомнительно, чтобы задача приведения большинства экономико-географических теорий и концепций в строгую математическую форму была вообще решена (да и так ли уж это необходимо?). Будущее покажет, останется ли «новая экономическая география» областью экономики или будет идентифицировать себя частью общественной (экономической) географии.

А. Г. Дружинин

Моё отношение к современной (делаю акцент на этом слове, поскольку о «новой географии» в истории нашей науки речь шла как минимум дважды: во второй половине XIX в. с установкой на конструктивность и в 50–60-х гг. XX века, когда в моду вошли количественные методы) «новой экономической географии» неоднозначно. В том виде, как новации заявлены на Западе (Дж. Коткин, П. Кругман и др.), в постсоветской России они себя пока практически не проявили. В российском инварианте «новая экономическая география» в настоящее время больше созвучна трансформационным и посттрансформационным социально-экономическим процессам, ориентирована на их объяснение. В этом качестве (как некая новая тенденция, вектор и способ научной активности) она уже действительно состоялась, стимулируя и индицируя многоплановые подвижки во всей отечественной общественной географии. Проектная по форме и сути, «новая (российская) экономическая география» ориентирована на практику, на поиск и технологичную реализацию различного рода коммерческих заказов. Она в значительной мере интердисциплинарна с существенным «креном» в сторону экономической и, отчасти, социологической науки. Живо откликаясь на новации, приходящие с Запада, зачастую демонстративно дистанцируется от советского теоретико-методологического багажа и, одновременно, старается не обременять себя любого рода теоретической работой. Само её появление – это закономерная реакция на перманентный кризис научно-теоретических идей, помноженный на выраженный рост «периферийных черт» в поведении российского исследовательского сообщества, организационно-финансовую беспомощность значительной его части перед лицом постсоветских реалий.

Позволяя (хотя бы частично) сохранять практико-прикладную востребованность географических подходов (и в этом её позитив!),

«новая экономическая география», как представляется, в целом является собой *транзитивное состояние* общественной географии. Её неверно было бы рассматривать ни как серьёзную альтернативу некоей, условно говоря, «старой» (советской) социально-экономической географии, ни как модельный, предпочтительный образ нашей «науки будущего». Это скорее ступенька и ресурс развития, важная составляющая научного поиска, состояние, из которого впоследствии обязательно нужно выйти, продвигаясь по пути модернизации системы российского общественно-географического научного знания. Цель подобного рода модернизации, как видится, – формирование науки, способной выявлять и внятно (в том числе и на теоретическом уровне) объяснять детерминанты и особенности различных аспектов пространственной организации общества, ориентированной на проблематику развития в широком смысле этого слова, на взаимодействие «внутрицеховое» и междисциплинарное, на сетевизацию. Наука будущего в существенно большей мере, чем ныне, должна быть «гуманизированной», «экономизированной», «экологизированной» и «теоретизированной», восприимчивой к идущим извне новациям, нацеленной на активное самопозиционирование, способной к ответственной профессиональной экспертизе в интересах территориальных общностей и, параллельно, берущей на себя смелость быть не только советником властных и предпринимательских структур, но и их оппонентом и критиком.

В. А. Колосов

Недавнее прошлое нашей дисциплины уже знает не одну «новую» географию. Я довольно хорошо знаком с «историей успеха» «новой политической географии», основанной в 1982 г. группой английских и американских географов. Перед нами, если мы хотим обновить нашу науку и укрепить ее общественный статус, стоят, в сущности, те же задачи, да и решать их можно во многом теми же методами. Разумеется, главное, как всегда, кадры – ядро сторонников обновления (но без отрицания прошлого!). Следующие шаги – создание (или радикальное обновление) научного журнала, рассчитанного не только на свой круг, регулярное проведение семинаров с обязательной публикацией результатов. Далее, обязательные условия – привлечение «смежников» из других социальных наук, а затем и практиков, активные выступления в широкой прессе.

Возможное кредо «новой экономической географии»: а) приближение исследований к реалиям современного российского общества; б) постановка новых проблем, работа на перспективу; в) выход из международной изоляции, опора на существующие не только отечественные, но и западные теории; г) широкое использование ГИС; д) создание систематических «географических описаний Отечества» – на новом теоретическом уровне и на основе новейшей и обновляемой информации. На первых порах хватит и трех-четырёх десятков регионов и городов. Если их качественные описания появятся на специальном сайте, к которому будут обращаться практики или средства массовой информации, престиж социально-экономической географии значительно повысится. Для этого у нас в принципе есть возможности.

А. В. Мошков

При формировании «новой экономической географии» должны быть обоснованы: новые объект, предмет новой экономической географии, методология и методы исследования. Поскольку «нового» объекта исследований экономической географии, кроме традиционных разноразмерных территориальных систем производства и расселения не предложено, то можно считать, что в настоящее время «новой» экономической географии не существует.

Выявление и изучение пространственных особенностей, новых элементов территориальных структур, появившихся в новых «рыночных» отношениях (например, география маркетинга, анализ потребительской среды региона и др.) производится с использованием как традиционных методов экономико-географического анализа, так и с привлечением инструментария других наук – экономики, социологии). Подобные исследования получили большое развитие в Институте географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Н. М. Сысоева и др.), в Пермском государственном университете (М. Д. Шарьгин, М. Д. Гагарский и др.), Институте экономических исследований ДВО РАН (А. Н. Демьяненко) и др.

Важнейшее и сравнительно новое направление экономико-географических исследований – глобалистика, которая базируется на положениях системологии и синергетики. В связи с этим достаточно «новым» направлением могут выступать изучение тенденций гуманитаризации и экологизации, глобализации и одновременно регионализации исследований (Н. С. Касимов, 1998; Н. С. Мироненко, 2000 и др.).

А. Н. Пилясов

Новая экономическая география (НЭГ) – концепция, рожденная в недрах мирового экономического мейнстрима, призванная преодолеть застарелое небрежение пространством и пространственными факторами в классических макроэкономических моделях. Сущностными элементами моделей НЭГ являются понятия агломерационного эффекта, размера рынка, идея возрастающей отдачи от важнейших новых производственных факторов (прежде всего знания). Плодами НЭГ в большей степени могут воспользоваться специалисты, занятые моделированием экономических процессов в пространстве, пространственной эконометрикой.

Для нашей науки концепция НЭГ означает возможность взглянуть на себя глазами представителей экономической науки, что я считаю очень конструктивным. Усвоение достаточно простых моделей НЭГ для российских экономико-географов связано с необходимостью более полно усвоить теоретический аппарат соседних наук, прежде всего макроэкономики.

Первый опыт тестирования моделей новой экономической географии на российских пространствах продемонстрировал, что они адекватно работают в высокоплотной среде центральной России. В пространствах Сибири и российского Дальнего Востока они работают менее успешно.

Ю. В. Поросенков

Современная отечественная СЭГ как одна из подсистем общей системы географических наук находится в непрерывном развитии. В этой связи вполне можно ожидать формирование новых направлений СЭГ как в результате исследования все новых элементов и подсистем ТОО, так и на основе особых методологических и методических подходов. Среди таких новых направлений называется и «новая экономическая география». Если исходить из постулата, что советская экономическая география «обслуживала» нужды плановой государственной экономики и авторитарного общества и весь ее предшествующий опыт и вся методология бесполезны для исследования современной российской «рыночной экономики» и современного «демократического» российского общества, то тогда весьма логично было бы поставить вопрос о «новой экономической географии».

Однако такой подход вызывает целый ряд соображений. Во-первых, теории советской и мировой экономической географии содержат некоторые совпадающие элементы, так как при всем отличии некоторые процессы территориальной организации хозяйства в условиях плановой государственной и либеральной рыночной экономики имеют определенную аналогию. Во-вторых, современная российская рыночная экономика имеет переходный характер. Столь же не выдерживает критики представление о том, что в начале XXI века весь внутренний механизм формирования территориальной организации хозяйства изменился столь кардинальным образом, что все до сих пор обоснованные теории и методики ее исследования оказались не состоятельными. Однако все это, в принципе, не исключает возможности формирования «новой экономической географии», но, при этом, важно сохранить преемственность развития отечественной науки.

Г. В. Сдасюк

Формирование «новой экономической географии» (НЭГ) следует рассматривать в связи с объективными процессами территориальной концентрации производств, ускоренным ростом мегаполисов («глобальных» городов), расширяющимися международными торговыми связями, что является характерными чертами эпохи глобализации. Эти процессы – объект междисциплинарных исследований при особенно активном участии экономистов.

Суть НЭГ состоит в интеграции концепций и методов анализа размещения промышленности и международной торговли. Исследования НЭГ фокусируются на анализе торговли *между* странами и размещением производств *внутри* страны. При этом соотносятся стоимостные показатели «экономики масштабов» (территориальной концентрации производств) и транспортных расходов на доставку продукции на крупные рынки сбыта. В работах Паула Кругмана, известного экономиста и публициста, удостоенного Нобелевской премии (2008 г.), эти исследования находят продолжение в моделировании факторов, благоприятствующих развитию территориальной концентрации производств, что включает модель «ядро – периферия» и такие ключевые положения географии как региональная специализация, природно-ресурсные и историко-географические особенности районов, системы городов и др.

Основы НЭГ, разрабатывавшиеся с конца 1970-х гг., стали активно распространяться с 1990-х гг., географически обогащая традиционные экономические теории торговли. Новая экономическая география (которую иногда в качестве альтернативы именуют «географической экономикой») – междисциплинарное научное образование. Оно отражает часть более широкой сферы «глобализация – vs. – регионализация», объективное развитие которой опережает осознание и научные исследования.

Вряд ли претензии на возникновение действительно «новой» по содержанию экономической географии имеют строгое логическое обоснование. Положительная сторона формирования НЭГ состоит в том, что ее последователи фокусируют внимание именно на *взаимосвязи* географии торговли (проявления международного разделения труда) и размещения хозяйственных центров внутри стран

В. Н. Стрелецкий

Если говорить о предметном поле и проблематике в самом общем виде, то в «новой экономической географии» не так уж много нового. Не совсем «ново» и название. Сциентистское направление, вызванное к жизни количественной революцией середины XX в., тоже именовалось «новой географией» и охотно как таковое себя позиционировало. На мой взгляд, «новыми» для «новой экономической географии» рубежа веков являются, прежде всего, та историческая эпоха, в которой развивается эта совокупность современных экономико-географических направлений, и связанные с этим конкретные научные задачи, встающие перед экономической географией.

Несомненно, в условиях современной постиндустриальной трансформации общества, закономерности пространственной организации хозяйства существенно модифицируются. Как показано в работах Э. Тоффлера, Д. Белла, М. Кастельса, в постиндустриальном обществе происходит *отказ от приоритета максимизации прибыли как главной цели производства*. В систему принципов взаимоотношений с внешней средой включаются не только традиционные экономические ценности, но и социальные ценности в широком смысле слова. Сюда относятся, в частности, необходимость согласования интересов общества, корпорации и личности, а также стимулирование творческих видов деятельности (*creative work-style*, по Э. Тоффлеру). При переходе к постиндустриальному обществу обоснование экономической деятельности аргу-

ментируется уже не столько «естественными правами» свободы и частной собственности, сколько их ролью в обеспечении населения благами, необходимыми для достижения высокого уровня и качества жизни. Эти сдвиги имеют колоссальное значение для трансформации пространственной организации хозяйства, закономерности которой еще только предстоит осмыслить «новой экономической географии».

В свое время переход от штандортных объяснений размещения хозяйства, основанных на принципе минимизации издержек, к объяснениям, базирующимся на принципе максимизации прибыли, осуществленный А. Лёшем, вызвал настоящую теоретическую революцию в науках, изучающих пространственную структуру экономики. Представляется, что современная экономическая география еще только стоит на пороге теоретической революции такого же масштаба. Другая важная группа вопросов изучения «новой экономической географии» — трансформация самого экономического ландшафта в условиях постиндустриализма, когда ключевыми факторами развития становятся знания и информация.

В какой-то степени «новым» является способ взаимодействия «новой экономической географии» со смежными науками. Она очень широко открыта смежным дисциплинам и этим несколько отличается от теоретической экономгеографии середины XX века, в известном смысле самодостаточной и всячески подчеркивавшей свою самостоятельность в вопросах теории и методологии. Предметные рамки «новой экономической географии» более «размыты», она тесно связана не только с экономическими и географическими науками, что для экономической географии вообще-то естественно, но и с социологией, культурной антропологией, гуманитарными дисциплинами.

С. А. Тархов

Что такое «новая»? Наука едина, просто она постоянно видоизменяется, поскольку реалии, которые мы изучаем, всё время изменяются, эволюируют. Поэтому не может быть никакой «новой» СЭГ. Единственное, что, может быть, стоило бы сделать, переименовать ее на старый, проверенный временем лад: называть ее вновь *географией человека*, а не отождествлять себя с 5–6 бессмысленными прилагательными (экономическая, социальная, политическая, рекреационная, культурная и еще какая-то другая).

А. И. Трейвиш

Время от времени «обновленцы» являются и к нам. Хотя сейчас в еще большей моде «терминаторы», объявляющие концы всему и вся. Спасибо П. Кругману уже за то, что он не терминатор и за его обновленческую заботу о науке, где мы прожили жизнь. Глядишь, в связи с его нобелевской славой о нас узнает кто-то еще, кто иначе не узнал бы.

Кругман и его круг (извиняюсь за каламбур, и круг – не в смысле тусовки, а идущие примерно тем же курсом), по-моему, есть круг вовсе не новых экономгеографов, а *геоэкономистов*, работающих прежде всего на уровне глобальном, мирохозяйственном. Думается, что геоэкономика потому и влезла в стык, вроде бы давно занятый с одной стороны нами, а с другой – регионал-экономикой, что у последней часто выпадал этот актуальный в эпоху глобализации масштаб. Ей недоставало чего-то вроде экономической геополитики наших дней. У нас, при нашей полимасштабности, ничего не выпадало, что Кругман уловил. Но нас мало, и мы «старая беззубая бабушка» (см. выше). Вот он нас и омолодил.

Никакой особой дальнейшей самоидентификации геоэкономистов как наших союзников или соперников на всех масштабных уровнях я, честно сказать, не ожидаю. Но поживем – увидим.

Г. М. Фёдоров

«Новая экономическая география» – хороший лозунг и аргумент для повышения авторитета нашей науки. Следует отметить, что именно *экономизация* социально-экономической географии (при всей важности ее социологизации, математизации и пр.) должна явиться одним из главных приоритетных направлений ее развития. Следует внимательно изучить работы отечественных экономико-географов 1970-х гг. – там можно найти много полезного для современной экономгеографии.

А. И. Чистобаев

Новая экономическая география действительно формируется. Первым камнем в ее фундаменте явилась книга московских экономико-географов «Предпринимательский климат России». Затем последовали труды Н. Зубаревич, А. Лаврова и других авторов. Беда в том, что эти авторы самоидентифицируют себя не с географической, а с экономической

наукой, хотя имеют базовое географическое образование. По моему мнению следует запретить защищать диссертации по науке, к которой диссертант пришел без базового образования. Особенно это относится к экономической науке, в которую проникли представители широкого круга наук: и биологии, и географии, и истории, и филологии, и т. д., и т. п. Если бы удалось ввести названное ограничение, то наша наука заняла бы лидирующие позиции. Я в этом уверен! Но у меня нет и толики надежды на то, что такое ограничение будет введено, ибо подавляющая часть чиновников устремлена к получению высокой ученой степени. Экономическая наука для них – единственная «лазейка» на этом пути.

М. Д. Шарыгин

Трансформация традиционной экономической географии в экономическую и социальную (социально-экономическую), а на современном этапе и в общественную географию, происходило и происходит путем расширения предмета познания. Тенденции гуманизации, экономизации, экологизации, политизации сопровождаются выходом исследований на «поле деятельности» смежных научных дисциплин. При этом происходит «расползание» общественной географии, потеря ее самоидентификации. Довольно часто подобные исследования носят конъюнктурный характер и отличаются примитивизмом и дилетанством, что наносит ущерб престижу науки.

Выход из создавшейся ситуации видится в углублении фундаментальных исследований, формировании теоретико-методологического базиса общественной географии. В первую очередь необходимо укрепление «стержня» науки, включающего теорию и практику социально-экономического районирования и пространственно-временной организации общества, учение о территориальных общественных системах. На этой основе будут формироваться новые гипотезы, парадигмы, концепции, углубляющие синергетическую целостность общественной географии. «Отраслевые» (например, экономическая география) и региональные исследования, осуществляемые в системе общественной географии, станут более обоснованными и конструктивными, повышая престиж науки.

Теоретизация общественной географии как магистральный путь ее развития непосредственной зависит от стремления и творческой деятельности самих экономико-географов, степени реализации сложив-

шегося потенциала. Одновременно она обусловлена вызовами времени, потребностями трансформации человеческого общества и реструктуризации российской экономики, необходимостью решения глобальных и региональных проблем.

В. Е. Шувалов

«Новая экономическая география» (в рамках работ П. Кругмана и др.) к социально-экономической географии имеет весьма отдаленное отношение. Ее трудно даже назвать «географической экономикой». По сути – это эконометрический подход к исследованию проблем регионального развития. Нужен ли он – безусловно да! Должны ли его знать экономико-географы – безусловно да! Но вот могут ли экономико-географы участвовать в становлении и развитии этого направления – ответ, скорее отрицательный (тем более – начертать его в качестве идентификатора на свое знамя!).

В. А. Шупер

Можно долго рассуждать, насколько «новая экономическая география» действительно новая, главная причина ее новизны – в утрате скромностью статуса добродетели в современном обществе, хотя развитие науки приобретает в ее отсутствие крайне уродливые формы. Экономическая география развивалась всегда, однако никто из наших выдающихся предшественников, получивших результаты уж никак не меньшего мировоззренческого значения, закономерным образом никакой «новой» экономической географии не создал. Эти ученые считали своим долгом служить науке, а не использовать ее в своих целях.

У П. Кругмана хватает критиков и в США, а известный французский географ А. Липец (Lipietz), евродепутат от «зеленых», противопоставил «новой экономической географии» Кругмана «новую социально-экономическую географию» – многомерную, анализирующую всевозможные социальные взаимосвязи, но, к сожалению, не операциональную. Модели Кругмана критикуются наследниками французской школы «географии человека» как примитивные, но здесь вообще никакие не применить. Единственный шанс – удачно выделить районобразующий процесс, если он один. А если их много? Как уже отмечалось в ответе на другой вопрос, проблемы развития, мягко говоря, далеко не самая передовая область научных исследований. В развитии

необходимо выделить те аспекты, пространственную самоорганизацию, например, для которых возможно создание хоть сколько-нибудь строгих теорий. Но разве это реально, если ученые гонятся за быстрым результатом, который должен принести им известность или, как минимум, деньги, если теоретический уровень не растёт, а снижается, если исследования не только идеологизированы, но, зачастую, просто политизированы?

8. СОВРЕМЕННЫЙ АППАРАТ СОЦИАЛЬНО- И ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЕСТЬ ЛИ ОН И КАК ЕГО РАЗВИВАТЬ?

С. С. Артоболевский

«А адрес свой ты знаешь?

Да: мальчик.ру»

(из анекдота)

Компьютер, принтеры (простой и цветной), плоттер, сканер, презентация, СВОТ-анализ – обычный джентльменский набор на сегодня. Теоретiku нужен только компьютер, пригодный для набора текста. Обучение лучше организовать «на встречах курсах». Преуспевшие на компьютерах и их периферии, должны тренировать голову и качественные методы анализа. Технику и программы выучить легче, чем научить думать.

В. Л. Бабурип

Формально аппарат есть, более того, спектр применяемых методов с каждым годом становится все шире. Фактически нет ни одной новомодной теории и методов, которые не были бы опробованы в географии. Однако как порывы моды они проходят в нескольких исследованиях и забываются или затираются новыми «пришельцами». Классическим примером могут служить сетевые модели вообще и нейронные сети в частности.

В принципе, почти в каждой диссертации есть определенные методические новации, но т.к. в нашем сообществе все больше «писателей» и все меньше «читателей», диффузии методических инноваций практически не происходит, или она крайне слаба. Одно время на такой аппарат претендовал ансамбль методов региональной диагностики. Однако, не пройдя через горнило теоретического осмысления и методологической «рихтовки», он и в настоящее время представляет собой слабоструктурированное аппаратное множество.

П. Я. Бакланов

Во-первых, сложился общий подход к социально-экономико-географическим исследованиям: изучение особенностей размещения какого-либо явления на территории, в районе и его связей с другими явлениями в этом районе. При этом изучаемые явления могут быть самыми разными (ВУЗы, школы, турбазы, поселения, предприятия отдельных видов деятельности и т. п.), а территории различаются от небольших, локальных, до крупных районов. Связи могут охватываться самые разные, а в ряде случаев – и не учитываться. То есть, большой строгости в сложившемся подходе нет.

В принципе, есть и сложившаяся в рамках социально-экономической географии понятийная база, но она также, зачастую, используется в произвольной форме.

Имеется много методов экономико-географического изучения и оценок: картографический метод, метод энергопроизводственных циклов, экономико-статистические методы, зонирование и районирование, моделирование и другие. Но они также выбираются и используются часто произвольно.

Считаю, что формирование более строгого аппарата должно идти по пути установления более строгой иерархии объектов исследования, их структурного членения, количественной параметризации, установления общих свойств экономико-географических структур и их динамики. Более строгим должно быть и отношение к понятийной базе.

Л. А. Безруков

Общественная география обладает значительным аппаратом исследований как в понятийно-концептуальном, так и в методолого-методическом отношении. Тем не менее, проблемы его всестороннего использования и развития не теряют актуальности. Остановлюсь только на одной из них.

Во второй половине XX в. отмечаются активные процессы социализации, гуманизации, экологизации, а на постсоветском этапе – еще и определенной «располитизации» отечественной экономической географии. А вот об экономизации говорится намного реже, что, в общем-то, вполне объяснимо. В последнее время в силу известных причин в отечественной СЭГ стали преобладать разного рода безразмерные дедукции и рефлексии, а конкретных стоимостных расчетов и эко-

номических оценок становится все меньше и меньше. Экономико-географы почему-то стали избегать применения таких традиционных экономических показателей, как себестоимость и ее структура, цены, прибыль, выручка, рентабельность и др. Возможен ли тогда предметный разговор о силе влияния на результаты хозяйственной деятельности тех или иных факторов в неодинаковых географических и исторических условиях, о сравнительной эффективности производства в различных регионах и т. д.? Вспомним слова Н. Н. Баранского, призывавшего доводить исследования хозяйственных явлений «вплоть до калькуляции себестоимости», поскольку всякая оценка выгоды того или иного производства в различных местах остается без «точного языка рубля» лишь общей фразой.

Проблему недостаточной экономизации общественной географии в книге о А. Леше недавно поднял Л. В. Смирнягин (2007), подметив утрату интереса современных географов к тематике и картографированию экономических ландшафтов. Действительно, опубликована очень интересная книга о А. Леше как философе экономического пространства, но кто сейчас реально развивает его учение о размерах, структуре и формах рыночных зон, расположении зон спроса и предложения для товаров мирового рынка, уровнях и градиентах цен на производственные факторы и товары и т. д.? Анализируя роль континентально-океанической дихотомии в территориальной дифференциации товарных цен (Безруков, 2008), с немалым сожалением пришлось констатировать, что и в целом вопросу географической разницы цен и обуславливающих ее факторов отечественные экономико-географы уделяли необоснованно мало внимания. Между тем, имеющаяся в России статистика (при всех ее недостатках) позволяет довольно адекватно судить о межрегиональных различиях цен на многие виды товаров. Более того, при построении карт распределения цен на импортные и российские товары, не удалось найти ни одного отечественного аналога и за основу пришлось взять апробированный все тем же А. Лешем еще в 1930-х гг. метод «изопрайсов» (линий равных цен).

Может быть результаты нашей науки были бы значимее, а авторитет в обществе выше, если бы исследования в большей мере строились на использовании методологии «от конкретного», а не «от абстрактного». Помня слова А. Леша о невозможности замены трудоемких исследований общими рассуждениями, представляется, что в класси-

ческой экономической географии (в условиях ее реальной экономизации) заметный прорыв может принести не только создание абстрактных теоретических конструкций и моделей, но и анализ и синтез главным образом фактических материалов хозяйственной практики и их профессиональное экономико-географическое истолкование.

Ю. Н. Гладкий

Понятия «новые» и «старые» подходы и методы анализа в географии – относительны, поскольку каждый из них в свое время был использован впервые. Ознакомление с авторефератами диссертаций по географическим наукам предоставляет «умилительные» примеры причудливого смешения философских методов исследования, общенаучных подходов, частнонаучных и дисциплинарных методов, а также приемов и средств междисциплинарного исследования. Даже философские методы и их редуцированные инварианты (диалектический, метафизический, интуитивный, феноменологический, герменевтический и др.) подаются подчас в нарочитой «географической оболочке», хотя абсолютно ничего зазорного в их широком использовании в любой отрасли научного знания нет. Более того, в любом географическом исследовании нельзя обойтись без таких важнейших принципов диалектического метода как объективность, всесторонность, конкретность, историзм, принцип противоречия и т. д.

Смешение методов и подходов в географии стало обычным делом, а одновременная идентификация «географического», «территориального» и «геоситуационного» методов вызывает «методологическое смущение»; и если методологическую основу географии действительно составляет совокупность научных методов, то их неупорядоченность, в общем, соответствует состоянию методологии нашей науки. Упование на гораздо более широкое использование новых методов и средств (размытых или нечетных множеств, нейронных сетей, теории хаоса и катастроф, методов пространственной автокорреляции и «хи-квадрата», фрактального анализа и др.) ассоциируется нами не с «волшебной палочкой», а скорее – с паническими настроениями. Язык математики хорош при формально-логическом подходе, когда анализируются связи-отношения, в то время как за его рамками остаются неясности механизмов причинности явлений. Однако всегда остается актуальной идея более широкого использования системного подхода,

особенно при решении сложных задач анализа и синтеза, возникающих в междисциплинарном «зазоре».

Важнейшим аналитическим средством географии была и остается *карта* (в том числе *картоиды*) – т. е. картографический метод, включающий сегодня и компьютерную картографию, геоинформационные системы и т. д. В арсенале технологических средств - космическая съемка и дешифрирование, дистанционное зондирование, компьютерная техника и др. Наконец, никто не в состоянии «отменить» искусство описательного подхода. В целом мы не склонны акцентировать внимание на специфике методов гуманитарной географии и ранжируем их, исходя из общеметодологических соображений.

А. Г. Дружинин

Современный (т. е. адекватный актуальным задачам социально-экономической географии) инструментарий есть, он используется, но, к сожалению, не в должном объёме и не повсеместно. Модернизацию аппарата социально-экономико-географических исследований существенно тормозит (особенно в провинции) дефицит «позитивных примеров», информации, стимулов. Так, в частности, выпускники многих периферийных географических факультетов фактически не владеют навыками элементарного статистического анализа, не говоря уже о применении ГИС-технологий, умении квалифицированно организовать какие-либо полевые исследовательские процедуры и т. д. Ко многим, связавшим свою последующую судьбу с наукой и высшим профессиональным образованием, соответствующие навыки впоследствии приходят, однако, далеко не ко всем. Иная серьезнейшая проблема качества научных исследований – незнание (и игнорирование) теоретических и иных достижений коллег. Изучая тексты публикуемых в последние годы научных работ и авторефераты диссертаций, зачастую поражаешься безразличию к результатам, полученным другими учёными, особенно представителями более ранних генераций, вследствие чего повсеместно в современной социально-экономической географии вновь и вновь «изобретается колесо» (очень часто «квадратное»). Цитируются преимущественно местные научные «авторитеты» и лишь некоторые ангажированные в общероссийском масштабе специалисты (и не более того!). Создаются и закрепляются (в том числе и благодаря причудливой сети диссертационных советов, не всегда адекват-

ной сложившимся и признаваемым экономико-географическим научным школам) модели упрощённого и усечённого «научного исследования». Всё это продуцирует эффект «депрофессионализации» исследовательского сообщества, тормозит диффузию современных инструментально-аппаратных средств.

Чтобы научный инструментарий социально-экономической географии действительно развивался, необходимо, как видится:

– всячески поддерживать существующие и создавать новые площадки для обмена «передовыми практиками» экономико-географического научного анализа (специализированные интернет-сайты, веб-конференции и т. п.); используя возможности информационных технологий, целесообразно, в частности, сформировать единый общероссийский экономико-географический сайт (предпочтительно на базе МГУ), на котором хорошим тоном для всех активно действующих исследователей (а для соискателей учёных степеней и императивом!) стало бы размещение своих основных трудов; там же можно было бы «выложить» важнейшие работы наших выдающихся предшественников, презентовать наиболее «технологичные», интересные в инструментарном отношении публикации из зарубежных периодических изданий;

– наращивать масштабы творческих контактов на межличностном и институциональном уровне (в том числе возродить практику ФПК на базе экономико-географических кафедр МГУ), координировать планирование и организацию научных исследований и конференций, отслеживать и регулировать основные кадровые продвижения в системе нашей науки и высшего профессионального образования;

– ужесточать критерии качества для всей «линейки» квалификационных работ (от бакалавриата до докторских диссертаций), а также для научных публикаций; следует оценивать отсутствие современного инструментария как существенное упущение, аномалию; необходимо требовать знания не только последней (и доступной), но и всей фактической, наработанной за многие годы в нашей стране и за рубежом научной литературы по проблематике выполняемых и презентуемых научных исследований;

– сконцентрироваться на действительно сложных (требующих современного исследовательского аппарата, его перманентного «доразвития») теоретических и практических задачах, таких, к примеру, как территориальное планирование, моделирование и прогнозирование

динамики территориальных социально-экономических систем, экспертиза различного рода локализационных решений, экономико-географические исследования на микроуровне, обоснование новой «сетки» районирования и т. п.;

– возрождать традиции экономико-географических экспедиций, стремясь к их организации по сетевому (межрегиональному) принципу;

– серьёзно изучать не только «что», но и «как» делают наши коллеги на «Западе» (а ныне и на «Востоке»);

– активно взаимодействовать (не боясь упреков в «отходе от географии») с экономистами, социологами, политологами, математиками-прикладниками, осваивать и привносить в экономико-географический анализ культивируемые в этих науках подходы.

Н. Н. Клюев

Важный вклад в общегеографическую методологию – представление о «географических осях» (А. И. Трейвиш), полезное для полиструктурного регионального анализа.

Разрабатывался понятийно-терминологический аппарат в рамках географии природопользования и экологической географии. Формируются новые понятия и представления – такие, как «экологические факторы размещения (регионального развития)», «полиструктура природопользования», «региональный экологический синдром», «территориальный природооборот», «эколого-географическое положение» и др. Интересно, что отвечающая вызовам современности категория «экологические факторы размещения (регионального развития)» редко упоминается в литературе. Это объясняется тем, что Россия пока ещё далека от стран, в которых «социальные, культурные, экологические продукты заменяют материальные блага в качестве сердцевины производства» (Н. С. МIRONENKO). Впрочем, традиционные факторы размещения (по Э. Б. Алаеву, категория, одновременно и фундаментальная, и прикладная) также обделены ныне вниманием исследователей.

В то же время категория «эколого-географическое положение» постепенно входит в исследовательский арсенал при комплексных характеристиках стран, регионов и городов и даже нашла отражение в некоторых вузовских и школьных курсах. Иными словами, она стала выполнять определённую «миссионерскую» (по В. Е. Шувалову) функцию.

А. В. Мошков

Современный аппарат социально- и экономико-географических исследований необходимо дополнить понятиями, принципами, терминами «нелинейной» географии, что может обеспечить выявление новых закономерностей, например, при разработке теоретических основ неравновесности и самоорганизации территориально-производственных систем как упорядоченных целостностей.

В последние десятилетия внимание ученых привлекают процессы, происходящие в так называемых неравновесных диссипативных структурах, или структурах, далеких от равновесия. Считается, что разрабатываемая на этой основе теория, или парадигма, позволяет дать объективное объяснение процессам, определяющим материальную действительность. С помощью этих подходов можно решить важнейшую проблему территориальной организации производства – разработать теоретико-методологические основы повышения эффективности структурных изменений в территориально-производственных системах. Структурные изменения региональной экономики представляют собой процесс преобразования структур, форм и способов экономической деятельности в территориально-производственных системах, который обусловлен действием совокупности территориальных социально-экономических факторов. Подобные изменения предполагают повышение эффективности производства в регионе за счет рационального использования имеющегося природно-ресурсного, производственного и демографического потенциала, экономико-географического положения и др., а также сокращения производственных и транспортных издержек. В результате в регионе может формироваться эффективная для новых условий территориальная организация производства в виде сочетания территориально-производственных систем разного ранга, позволяющая сбалансировать социальные, экономические и экологические интересы населения, бизнеса и органов власти на территории.

А. Н. Пилясов

Общее направление развития аппарата нашей науки обозначилось уже в 1990-е годы, которые можно назвать периодом усиливающейся интеграции с соседними науками. То, что было лишь обозначено в позднесоветские годы, то, к чему призывали мэтры советской экономической географии, стало магистральной тенденцией, смогло пол-

нокровно реализоваться с началом радикальной экономической реформы в России.

С одной стороны, существенно расширилась сфера прикладной работы экономико-географов - выпускников российских вузов. С другой стороны, усилились тенденции к формированию междисциплинарных коллективов, нередко временных, которые работают по конкретному проекту, на решение конкретной проблемы. Но и сами экономико-географы теперь значительно более свободно, чем в позднесоветское время, используют в своих исследованиях методы других наук.

Научное пространство экономической географии утратило свои четкие границы, которые ранее обособляли ее от других дисциплин: они стали подвижными, текучими во имя безбарьерной коммуникации со специалистами другого «цеха». Практически уже нигде, кроме как в вузах, не вспоминают про «чистоту» (обособленного) аппарата социально-экономической географии. Думаю, что нужно признать эту уже состоявшуюся тенденцию и всемерно поощрять совместно вырабатываемые в междисциплинарных коллективах теоретико-методологические, концептуальные представления по вопросам пространственного развития.

Ю. В. Поросенков

Научно-методическое обеспечение современных российских социально-экономико-географических исследований представлено специальными техническим устройствами, а также стандартными приемами получения, обработки, хранения и распространения информации. Поскольку СЭГ имеет дело с весьма сложными территориальными социально-экономическими системами разных типов и иерархических уровней, то достоверность ее исследований может быть обеспечена лишь адекватной методикой, в которой наряду с традиционными методами все более широкое значение приобретают геоинформационные технологии.

Современная отечественная СЭГ в силу особенностей своего исторического развития имеет ограниченное представительство в сфере академической науки. Поэтому основой российской СЭГ выступают соответствующие кафедры в университетах страны. Вузовские преподаватели в процессе своего научно-квалификационного роста (кандидатские и докторские диссертации) и в результате выполне-

ния научно-теоретических и прикладных исследований в целом определяют теоретико-методический уровень отечественной СЭГ. В этой связи не может не тревожить процесс сокращения или перепрофилирования кафедр социально-экономической географии в вузах страны. Переход к рыночной экономике, приватизация производства, определенный «уход» государства из сферы управления экономикой (по крайней мере в 90-х годах XX в.) вызвали существенное сокращение спроса на территориальные социально-экономические исследования. В последние годы в связи со становлением местного самоуправления постепенно формируется определенный спрос на такие исследования на уровне субъектов РФ, муниципальных районов, городских округов, сельских поселений. Однако для реализации таких возможностей необходимо повышение конкурентоспособности территориальных социально-экономико-географических исследований и готовность к интеграции с пограничными науками.

Г. В. Сдасюк

Картография, «Альфа и Омега географии» (как определял Н. Н. Баранский), сочетающая исследовательские методы и наибольшую содержательную емкость и наглядность, ныне дополняется и обогащается благодаря развитию ГИС-технологий, дистанционного зондирования, космической съемки.

Спутниковая информация резко повышает объективность и точность информации, что позволяет совершенствовать методы мониторинга, выявления тенденций пространственного развития и прогнозирования. Расширяются возможности изучения закономерностей территориальной организации хозяйства и систем расселения на основе построения математико-картографических моделей, составления классификаций и типологий, комплексного районирования.

В. Н. Стрелецкий

Будем различать понятийно-терминологический аппарат и методический аппарат. *Понятийно-терминологический аппарат* отечественной экономгеографии формировался, главным образом, в процессе взаимодействия между географическими и экономическими науками. В последней четверти прошлого века она стала осваивать «проблемное поле» смежных социальных и гуманитарных дисциплин; в социально-

экономической географии появилось много новых терминов и понятий, фактически пришедших в нее из социологии, а чуть позднее – из политологии, культурологии, этнологии. Понятийно-терминологический аппарат российской общественной географии усложнился, но все же его трансформация в постсоветский период не была радикальной.

Обновление *методического аппарата* российской социально-экономической (общественной) географии происходило в последние двадцать лет, на мой взгляд, быстрее и было более очевидным. Но это обновление не носило характера четкого направленного тренда, ибо было крайне разнонаправленным, противоречивым, даже эклектичным. Кроме того, как мне представляется, оно лишь в небольшой степени было связано с эволюцией теоретического багажа и понятийно-терминологического аппарата отечественной социально-экономической географии; новые методики большей частью разрабатывались в ходе или в контексте конкретных эмпирических исследований.

Искусственно «развивать» аппарат экономико- и социально-географических исследований, в какой-то степени, конечно можно, если рассматривать его совершенствование в качестве некоей самоцели. Но эффективность такого рода «научного конструирования» едва ли может быть высокой. Научный аппарат развивается, в первую очередь, естественным путем, органично. Это объективный процесс саморазвития, а не результат какой-то целенаправленной и хорошо продуманной кем-то научной программы. Социально-экономическая география здесь не исключение. Ее понятийно-терминологический и методический аппарат меняется и совершенствуется в той мере, в какой развивается и трансформируется сама обществоведческая ветвь географической науки. Один процесс не может «обгонять» другой. Представление о том, что прогресс в экономико- и социально-географических исследованиях предполагает в качестве первого шага «отладку» научного аппарата, я не разделяю. Научный аппарат – это всегда система средств и механизмов, которые эффективно позволяют решать конкретные исследовательские задачи. Его развитие имеет огромное значение, но оно определяется характером этих задач, а не само предопределяет их.

С. А. Тархов

Современный аппарат есть. Развивается он сам по себе по мере усложнения тех задач, которые стоят перед исследователем. Если за-

дача не решается старыми традиционными методами, то необходимо подыскивать или разрабатывать самим новые методы исследования. Методологические поиски – самое интересное в работе ученого. Найти адекватные подходы и средства изучения объекта или его стороны – это своеобразное искусство, креативный секрет каждого ученого. Всё зависит от методологических и теоретических способностей и таланта самого исследователя. Сверху никто его развивать не сможет. Эмпирика и теоретические размышления толкают нас на поиск новых средств и методов анализа.

А. И. Трейвиш

Если аппарат методический, то он налицо. Не особенно отлаженный, зато разнообразный. У некоторых наук есть главный метод. Один, например, так и зовут: социологическим. Но в социологии это собирательное понятие для всех ее методов, а вовне – в основном методика опросов и т. п. Географу важен картографический. Надо уметь читать и понимать карту, а иначе и не географ. Составлять тоже, во вторую очередь. Другие – в зависимости от специализации, интереса и др. Очень важен полевой (метод путешествия).

Общее развитие аппарата в связи с “гуманизацией” шло и какое-то время будет идти путем освоения таких методов как социологический, контент анализ, ментальные карты. Правда, из четырех сочетаний условно старых и новых реалий с такими же методами (подходами) предпочтительнее два выделенных ниже шрифтом, ибо облегчают проверку качества метода и результата. Комбинация слева вверху неинтересна, а справа внизу – не очень-то проверяема. Но главное, как и в теориях, ничего не теряя, иметь все под рукой и в порядке, чтобы зря не рыскать. И учить надо не столько самим методам, сколько ориентации в них, умению выбрать подходящие.

		Методы, подходы	
		Старые	Новые
Явления, процессы	Старые	География старого по-старому	География старого по-новому
	Новые	География нового по-старому	География нового по-новому

Если же аппарат понимать как организационный, то это совсем другое дело, с другими проблемами и решениями. Мне трудно о них судить (совсем не менеджер по натуре), к тому же она разная в школе и высшей школе, в РАН, в формальных рамках географических институций и за их пределами, в ГО и т. д. Да и страничный лимит на исходе.

Г. М. Фёдоров

Хотя сейчас и немодно ссылаться на Н. Н. Баранского, его знаменитая формула экономгеографических исследований «тип – район – карта», но уже с применением современных компьютерных технологий, вполне отвечает любым практическим потребностям. Продвинутые исследовательские коллективы ее с успехом используют, модернизируют и развивают, получая хорошие научные результаты. Задача состоит в том, чтобы убедить «лиц, принимающих решения», в практической ценности получаемых результатов и невозможности без них обходиться.

А. И. Чистобаев

Данный вопрос сформулирован, по-моему, некорректно. Очевидно, речь идет о новых подходах и методах. Если это так, то есть и то, и другое. Например, геоинформационные системы и технологии всё глубже проникают в нашу науку. Методы разработки прогнозов постоянно совершенствуются, все шире используются в экономико- и социально-географических исследованиях. Проблемно-программный подход, основы которого, как уже было отмечено, заложил В. М. Четыркин, усовершенствован в трудах петербургских экономико-географов, стал необходимым атрибутом исследования сложных проблем. В то же время все эти направления научных исследований нуждаются в дальнейшем развитии.

М. Д. Шарыгин

В социально-экономической географии сформировался мощный понятийно-терминологический, методологический и методический аппарат. Выработана и апробирована система принципов, подходов, методов и приемов социально- и экономико-географических исследований. В этой системе соседствуют традиционные и новые понятия и категории, содержательные и формализованные методы и модели, исторически сложившиеся и вновь предлагаемые конструкции и подходы.

Для повышения эффективности исследовательского аппарата в меняющихся мире, обществе и целевых установках появилась потребность инвентаризации и диагностирования всех его компонентов. Требуют уточнения понятия территориальной организации хозяйства (экономический район, ТПК, ЭПЦ, кластер и др.) и общества в целом (ТСЭС, ТОС, ТОЭС и др.). Желательно оценить действенность системно-диалектического, пространственного, ноосферного, геоситуационного, антропоцентрического, этногенетического, геополитического, кибернетического и других подходов. Особенно внимательно следует подойти к обновлению методического арсенала. Необходимо адаптировать к новым условиям традиционные (районирования, цикловой, картографической, математико-географической и др.) и новые методы (пространственной автокорреляции, нейронных сетей, геоинформационного анализа, ментального картирования и др.).

В. Е. Шувалов

В социально-экономической географии используются разные подходы и методы исследований. Условно их можно разбить на три группы: *общенаучные* (системно-структурный, историко-эволюционный, статистический, математический и математико-статистический, социологический, метод экспертных оценок и др.), *общегеографические* (сравнительный и сравнительно-описательный, картографический, метод полевых исследований и др.) и *специальные*, тесно связанные с понятиями и концепциями, используемыми в рамках той или иной школы (например, в рамках районной школы – методы оценки ЭПП, метод ЭПЦ, методы экономико-географического районирования и др.)

В каждой научной школе, исходя из их теоретической основы, используется разная совокупность методов. В районной школе акцент делается на классические качественные методы исследования (картографический, сравнительный, описательный), в школе пространственного анализа – на количественных методах.

Какие из выше перечисленных методов являются современными, а какие нет – вопрос во многом риторический. Если используемый метод хорошо себя зарекомендовал в ходе исследований – значит он современный. С этой точки зрения вряд ли современная социально-экономическая география требует разработки принципиально новых методов. Появятся новые школы – значит будут и новые методы, но методы –

специальные, т. е. связанные с новыми понятиями и концепциями. Кстати, в этом отношении отечественная районная школа выделялась в лучшую сторону – вряд ли региональные науки могут похвастаться собственными (специальными) методами исследования. Другое дело, что модернизация понятийно-концептуальной системы отечественной социально-экономической географии потребует и совершенствования специальных методов исследования, которые имеют много недостатков (например, неоднозначность оценки ЭГП, недостаточная формализованность методов экономико-географического районирования и т. д.)

В. А. Шупер

В нашей стране современными достижениями считаются и теория центральных мест (1932 г.), и теория экономического ландшафта (1938 г.). В этом не было бы ничего плохого, если бы рассматривалось развитие теорий в последующие десятилетия, чего, к сожалению, нет. Более того, в конце XX в. почти не было и самого развития, поскольку географию, как и остальные общественные науки, как и общество в целом, захлестнула мутная волна постмодернизма. Опять же, в силу нашей отсталости, до нас она докатилась в существенно ослабленном виде. Начиналось все вполне благопристойно: сначала возникла поведенческая география, потом география восприятия – надо же изучать, как люди ведут себя в пространстве, как они его воспринимают. Но затем последовали феминистическая география, гуманистическая география, радикальная география... Л. В. Смирнягин вызвал крайнее удивление американских коллег, спросив, читается ли у них курс региональной географии США и тогда же получил предложение его прочитать (устное сообщение автору). Там читались курсы типа «Сан-Франциско как уродливая витрина американского капитализма», а не какое-то систематическое занудство.

Закат постмодернизма начался еще до нынешнего кризиса и весьма ускорился в его результате. Поэтому мода на теории на Западе существенно изменилась. Сейчас можно наблюдать возвращение рационалистических подходов и «современных» методов времен количественной и теоретической революций. Разумеется, они испытали некоторое развитие. Наиболее полную сводку этих методов на русском языке должна дать книга Р. Доманьского, бывшего президента Ассоциации региональной науки, «Экономическая география. Динамический аспект», выход которой ожидается в марте.

9. ФОРМИРОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ НАУЧНО-ПРИКЛАДНОГО ЦИКЛА «ТЕОРИЯ - МЕТОДЫ – ПРАКТИКА» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО ДОСТИЧЬ ЭТОЙ ЦЕЛИ?

С. С. Артоболевский

*Это Вам не монографии писать.
(из разговора с заместителем министра)*

Выше уже говорилось о возможности цикла «Теория – Методы – Практика» в рамках социально-экономической географии. Но у нас как-то смешался НИОКР и Консалтинг, что приводит к падению качества готовящихся документов.

В. Л. Бабурин

В принципе, научно-прикладной цикл в экономической и социальной географии всегда присутствовал; существует он и сегодня, однако, без своей верхней, теоретико-методологической части. В нем, как правило, отсутствует и стадия моделирования и макетирования (понимаемого как имитационное моделирование). Применяемые методы редко организованы в систему, а следовательно, целостность достигается в основном за счет так называемых интегральных индексов.

Поэтому представляется необходимым осуществление одной-двух крупных разработок с полномасштабным научно-исследовательским и опытно-конструкторским циклом, включающих в обязательном порядке и экспедиционную составляющую. А для этого необходим и выбор полигона, позволяющего накапливать динамические ряды наблюдений. Возможно, речь должна идти о системе полигонов, включающих как существующие у отдельных исследовательских центров (ИГ РАН, МГУ, ТИГ и др.), так и вновь созданные под эгидой Русского географического общества.

Строго говоря, лучше заниматься не восстановительными работами, а созданием «нового» исследовательского цикла. Цикла, в рамках которого без теоретической, методологической и методической частей исследование не будет восприниматься научным экономико-географическим сообществом. Последнее однозначно предполагает не

одиночные, а коллективные исследования, как это является устоявшейся практикой в основных науках.

Нужны достаточно крупные, разновозрастные исследовательские коллективы, междисциплинарные (как во внутривеографическом пространстве, прежде всего, так и вне его) и межрегиональные. Не уйдя от ремесленничества в науке, которое захлестнуло современную экономическую и социальную географию, мы этой цели не достигнем.

Необходимо также двигаться в сторону физико-географов, что позволит за счет синергизма создать более устойчивое к внешним интродукциям исследовательское поле географии. Кроме того, это не позволит экономической и социальной географии слишком сильно сдвинуться в соседние исследовательские области экономики, социологии, психологии, политологии, менеджмента и т. п.

П. Я. Бакланов

В самом общем, достаточно размытом виде, этот цикл существует. Есть элементы теории, есть методы, есть и практическое применение результатов научных исследований, в том числе – теории и методов. Однако и здесь необходимо более строгое формирование, развитие этого цикла. Кроме того, что отдельные элементы данного цикла должны рождаться в ходе научных разработок, в том числе и - прикладного характера, целесообразно развивать и соответствующие курсы лекций: теория социально-экономической географии, методы социально-экономико-географических исследований, прикладные социально-экономико-географические исследования. Такие курсы должны быть обязательными во всех университетах, где есть географические специальности.

В виде очень важного курса лекций должен читаться курс «Территориальное планирование». Он может включать в себя как элементы теории, так и методы, и опыт конкретной практической реализации. Возможен и курс лекций «Территориальное управление». В широком смысле этот курс может включать в себя и территориальное планирование.

В тесной взаимосвязи курсов теории, методов и прикладных разработок будет реализовываться и целостность цикла: теория-методы-практика. Было бы очень полезным в рамках этих курсов для семинарских занятий разработать специфические экономико-географические задачи. Например, рассчитать, какое влияние на тот или иной район,

на качество регионального развития может оказать реализация определенного инвестиционного проекта или – группы проектов.

А. Г. Дружинин

Очевидно, что для формирования и полномасштабного применения научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» необходимо развивать теорию, совершенствовать методы и хорошо знать практику, её запросы, уметь (и стремиться!) применять исследовательский инструментарий в её интересах. Нужно выстраивать адекватные реалиям стремительно меняющейся территориальной организации общества теоретические конструкции. Следует системно и последовательно преодолевать фрагментарность информационной базы, возрождая и развивая, в этой связи, традиции и культуру полевых экономико-географических исследований и экспедиций. Важна общая повседневная включённость российских экономико-географов в оценку и экспертизу текущих социально-экономических изменений в «своём» городе, регионе, России и мире в целом, способность нашего экономико-географического сообщества культивировать, внятно излагать (в том числе консолидированно) и доносить до целевых аудиторий свою профессиональную позицию по наиболее актуальным вопросам. Целесообразно всячески сокращать «дистанцию» между наукой и сферой управления и, в этой связи, тиражировать современные идеи и подходы социально-экономической географии в средствах массовой коммуникации, причём с особым акцентом – на лиц, принимающих решения, т. е. в первую очередь чиновников всех уровней и руководителей бизнеса. Достичь всего этого, полагаю, можно, прежде всего, за счёт активного позиционирования экономико-географических коллективов на рынке разработок в области территориального планирования, сетевизации научных центров и исследований, «запуска» специальных, сфокусированных на системах государственного, муниципального и корпоративного управления образовательных проектов, выстраивания устойчивых деловых альянсов (обучение, консультирование, совместная реализация проектов) ведущих исследователей и руководителей административных органов, бизнеса и др.

В. А. Колосов

Наша дисциплина довольно далека от запросов практики. Мы по-прежнему говорим с практиками на разных языках, и «перевод-

чика» найти удастся редко. Вина здесь, как всегда, лежит на обеих сторонах.

Нынешние чиновники, во-первых, часто полагают, что владея служебной информацией, они гораздо лучше «несведущих» исследователей понимают, что и как нужно делать. Они считают себя более образованными и подготовленными к управленческой деятельности, чем советские чиновники 70-х или даже 80-х гг., что повышает их самооценку и недоверие к науке. Во-вторых, в нашем обществе «чистая» научная деятельность мало престижна и, например, Академия наук получила имидж архаичного учреждения – собрания оторванных от жизни пожилых людей, оставшихся в ушедшей эпохе. Поэтому современные управленцы если уж и вынуждены заказывать какое-то исследование или разработку очередной стратегии, то прибегают к услугам консалтингового агентства, в которых работают молодые кадры, якобы лучше понимающие, что происходит. Во всяком случае, такие агентства умеют представить свои рекомендации быстро, в нужной, привлекательной форме и на понятном управленцам языке. Иногда заказ включает и «пожелания», касающиеся выводов, которые необходимо получить в итоге «исследования», а для многих консалтинговых агентств желание заказчика – закон. Такие агентства штампуют региональные проекты и стратегии на потоке, почти не утруждая себя работой на месте.

Отсюда – главный бич системы: ее высокая коррумпированность. Заказы достаются не самым сильным и конкурентоспособным, а «своим», тем, кто поделится частью средств, выделенных на разработку, и представит нужные результаты в нужной форме. Кто из нас не сталкивался с необычными, заведомо завышенными требованиями к проекту или неожиданной утечкой к конкуренту информации о заявленной цене. К сожалению, на это мы значительно воздействовать вряд ли в состоянии.

Но есть и доля нашей вины в разрыве с практикой – пожалуй, более значительном, чем в советское время, когда еще были влиятельны проектные институты вроде ЦНИИПграда или Гипрогора. Во-первых, мы малочувствительны к тому, какие именно продукты нужны в данный момент государственным учреждениям, работаем в «длинном» времени и совсем не в состоянии упреждать потребности потенциальных заказчиков. Во-вторых, наши сегодняшние возможности им неизвестны, у них недостаточно оснований питать к нам доверие. Чтобы

изменить эту ситуацию, нужно активизировать отношения с центральными или региональными СМИ, выступать в них экспертами, инициировать публикации, созывать пресс-конференции и т. п. Конечно, легче сказать, чем сделать, но разумный PR для взаимодействия с практиками абсолютно необходим. В-третьих, мы должны уметь переводить получаемые нами результаты на язык права. Мне довелось участвовать в разработке стратегии регионального развития России в сотрудничестве со специалистами по региональной экономике и юристами. Было легко убедиться, что рекомендации по изменению конкретных статей федеральных законов или содержанию предлагаемых новых законодательных норм выглядят с точки зрения практика совсем иначе, чем обычные советы экономико-географа.

А. В. Мошков

Одним из наиболее актуальных вариантов применения на практике научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» в социально-экономической географии может служить разработка научно-методических основ Концепций и стратегий развития крупных экономических районов и субъектов РФ, а также Программ социально-экономического развития муниципальных образований субъектов РФ. Именно в Программах реализуется вся сумма накопленных географических знаний о регионе или муниципальном образовании – выделяются ключевые проблемы социально-экономического развития, определяются важнейшие благоприятные и негативные экономико-географические факторы, обосновываются наиболее эффективные направления развития территориально-отраслевых структур хозяйства, проводится функциональное зонирование и районирование территории.

А. Н. Пилясов

Думаю, что укрепление теоретического и прикладного крыла нашей науки предполагает усилия в нескольких направлениях, в том числе:

- расширение практики преподавания на кафедрах социально-экономической географии российских университетов специалистов и экспертов из проектных, плановых, министерских структур;
- поощрение консалтинговой работы преподавателей вузов, при этом речь идет не просто о работе по конкурсным темам и проектам, но об индивидуальном консалтинге преподавателей;

– новое соавторское поведение при подготовке статей, монографий, учебников в результате формирования широких партнерств ученых и практиков;

– особая поддержка смешанных исследовательских коллективов (состоящих из ученых и практиков) при выделении грантов РФФИ и РГНФ, университетских и губернаторских грантов.

Ю. В. Поросенков

Данный научно-прикладной цикл, с нашей точки зрения, можно было бы уточнить, обозначив как «Теория – Методы – Исследование – Практика». В обобщенном виде он выражает системную парадигму научного исследования, которая находит все более глубокое воплощение в современной СЭГ. Именно такой подход обеспечивает наиболее объективное выявление сущности взаимосвязей, тенденций и закономерностей развития процессов ТОО, но с другой стороны, он выступает базой внутренней диверсификации СЭГ, поскольку потенциально способствует оформлению ее частных научных направлений в относительно самостоятельные субнаучные дисциплины. В рамках представленного научно-прикладного цикла функционально необходимы все его подсистемы, но в зависимости от целей каждого конкретного исследования акцент может быть сделан на каждой из них.

Примером реализации обозначенного научно-прикладного цикла выступают профессионально-квалификационные работы (кандидатские и докторские диссертации). В кандидатских диссертациях основное внимание, как правило, уделяется блоку «исследование». Одним из недостатков таких работ является, в определенной степени, формальный подход к обоснованию теории и методики, которая, подчас, представляет «сколок» с общей стандартной теории и методики СЭГ. Сложности с практической реализацией работ связаны с тем, что разрабатываемые даже весьма актуальные проблемы не всегда имеют спрос со стороны органов управления. Более законченное выражение научно-прикладной цикл находит на уровне выполнения докторских диссертаций. Особый характер имеет реализация обозначенного научно-прикладного цикла в конкретных прикладных исследованиях, которые выполняются на заказные темы. Они, подчас, имеют междисциплинарный характер и выходят за пределы СЭГ и географии в це-

лом. Специфика структуры таких работ связана с тем, что основная смысловая нагрузка в них определяется обоснованием конкретных рекомендаций и программ решения проблем.

Г. В. Сдасюк

Развитие науки в большой мере определяется *социальным заказом государства*, которое располагает возможностями стимулировать научно-прикладные работы. Прогресс последних связан с теоретическими исследованиями, необходимостью разработки методов использования их результатов.

Для достижения цели – формирования и применения на практике научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» – полезен ретроспективный анализ основных этапов становления и развития советской социально-экономической географии. Существенные изменения в развитии теории и практики СЭГ были связаны с изменениями стратегии и практики политики социально-экономического развития страны.

Первый государственный план электрификации России (план ГОЭЛРО), первый пятилетний план были построены на макро-региональной основе. Для их разработки были привлечены лучшие интеллектуальные силы страны. В тот период были выработаны основополагающие принципы районирования для планирования: территориального разделения труда, сочетания экономической специализации общегосударственного значения и интеграции хозяйственного развития районов, соотношения границ экономических, административных, национально-этнических и т. д. Первый учебник Н. Н. Баранского по экономической географии именовался «Обзор по областям Госплана». Н. Н. Колосовский разрабатывал и апробировал концепцию энерго-производственных циклов, участвуя в работах Госплана и в разработке проекта Урало-Кузнецкого комбината.

Драматические зигзаги истории развития страны отражались на эволюции науки, на судьбе ее представителей. «Судьба идей – судьба людей».

Последнее 20-летие, этап хаотичного перехода к неолиберальной модели рыночного хозяйства в России, характеризуется атрофией связей между системой государственного управления и наукой. В России резко ослабели связи между исполнительными органами вла-

сти и научно-образовательными, академическими учреждениями, что снижает общую эффективность деятельности в стране и явно ощущается в сфере СЭГ.

Национальные интересы требуют воссоздания стратегического регионального планирования, лидерами чего выступают регион и крупнейшие корпорации (ОАО «РЖД», Газпром и др.) Перед СЭГ стоят задачи разработки теории регионального развития и районирования в условиях сочетания «плана и рынка». Целесообразно изучение опыта стран переходного периода, успешно сочетающих эти принципы развития и активно использующих креативные ресурсы – экономику знаний. Китай и Индия, демонстрирующие высокие темпы роста, практически избежали удара глобального кризиса. Опыт Индии, самой большой демократии мира, достигшей впечатляющих успехов в развитии науки, высоких технологий, региональном планировании в условиях федеративного устройства, заслуживает специального изучения. Целесообразна ориентация географического страноведения (традиционно имеющего эмпирический характер) в аналитическом направлении – изучение моделей развития стран разного типа.

При слабости институциональных механизмов регионального управления и научного обоснования его функционирования возрастает ответственность, роль научно-образовательной деятельности в формировании гражданского общества, участие которого необходимо для реализации на практике программ и проектов регионального развития, разрабатываемых СЭГ.

В. Н. Стрелецкий

В развитии науки мы действительно часто сталкиваемся с ситуацией разрыва между теорией и практикой. Мне кажется, что достижение любой ценой синтеза теории и практики в развитии науки, в том числе и в развитии социально-экономической географии – это неверно, неправильно сформулированная цель.

Теоретические и прикладные географические исследования *могут и должны* развиваться сравнительно автономно друг от друга. Но важно, чтобы разрыв между теорией и практикой не достигал некоего критического уровня. Очень опасно, когда теоретизирование вырождается в схоластику, а прикладные исследования замыкаются на «себя самих».

С. А. Тархов

Что понимать под «практикой» – эмпирическое подтверждение? Или что? Вопрос давно уже изучен и на него даны вразумительные ответы. Зачем спрашивать про то, куда впадает Волга?

А. И. Трейвиш

Применение на практике цикла от теории до практики возможно разве что на студенческой практике... Это я отшучиваюсь и играю в слова. То есть ухожу от ответа совсем. Поскольку, честно говоря, его не знаю – по причине, отмеченной в конце текста по предыдущему пункту.

Г. М. Фёдоров

Полагаю, что новые программы подготовки бакалавров и магистров, разработанные в МГУ и СПбГУ, а также в некоторых других университетах, дополненные программами подготовки аспирантов, вполне отвечают задачам подготовки специалистов для реализации цикла «Теория – Методы – Практика». Что касается Практики, можно повторить, что ценность практических результатов экономгеографических исследований надо пропагандировать среди широкой общественности и доказывать во властных структурах.

А. И. Чистобаев

Достижение этой цели возможно на основе проблемно-программного подхода. Именно он дает возможность охватить все стадии научно-прикладного цикла. Подробно о нем шла речь в наших (с Ю. Н. Баженовым) книгах и статьях, опубликованных в 1980–1990-е годы. Уверенно заявляю о том, что предложенный в тех работах механизм действует и в условиях рыночных отношений. Вообще, честно говоря, если теория не дает выхода в практику, то она мертва. Такого рода примеров много, не буду, однако, приводить их, чтобы не обидеть коллег.

М. Д. Шарыгин

Наиболее слабым звеном в научно-прикладном цикле «Теория – методы – практика» является практическая реализация научных достижений. В СССР это положение объяснялось отсутствием соответствующих министерств и ведомств, которое в определенной степени заме-

щалося системой плановых органов в центре и на местах. В современных условиях произошла смена «заказчика» и резко возрос спрос на территориальные исследования, проекты и программы социально-экономического развития регионов и муниципалитетов. Появилась потребность разработки стратегии регионального развития страны, концепций межрегионального взаимодействия, целевых программ функционирования депрессивных территорий, стратегических планов развития городов и т. д. Создается впечатление, что наступила «эпоха расцвета» социально- и экономико-географических исследований. В действительности же этого не происходит и по-прежнему ощущается дефицит пространственных проектов, слабость территориальных изысканий. Оживление частных исследований в центре и на местах проблему не решает.

Необходима реконструкция научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика». Она заключается в следующем:

- углубление теоретических основ науки, трансформация традиционных и разработка новых идей, концепций и парадигм, адаптированных к современным условиям общественного развития;

- привлечение к теоретическим исследованиям молодых ученых, творческих личностей, способных оригинально мыслить и владеющих современными методами и приемами познания;

- организация «внедренческого института», который концентрировал бы современные идеи, учения, концепции, переводил их в алгоритм внедрения и имел механизм реализации результатов географических исследований;

- обновление методического арсенала, отвечающего требованиям теории и практики, доступного не только исследователям, но и заказчикам.

В. Е. Шувалов

Примером формирования и применения научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» в социально-экономической географии может служить районная школа. Но как было уже сказано, новые запросы практики требуют модернизации ее теории, что должно найти свое отражение и в методическом инструментарии. В качестве ключевого звена в этой триаде выступает Практика, которая в данном случае является критерием Истины.

В. А. Шупер

Достижение этой прекрасной цели возможно только при выполнении нескольких условий. Во-первых, практика должна сформулировать запросы на серьезные научные исследования, а «практики» должны быть в состоянии понять их результаты. Автор столкнулся с ситуацией, когда заказчики научной продукции сказали, что никакие исследования им не нужны вовсе, а нужны только практические рекомендации. Понятно, что при таком интеллектуальном и моральном уровне потребителей результатов научных исследований процветать будут не серьезные ученые, а всевозможные «эксперты», дающие ответы на вопросы практики на основе интуиции, божественного откровения или, в лучшем случае, жизненного опыта. Во-вторых, должен быть радикально улучшен моральный климат как в самой науке, так и в обществе в целом. Потребитель не может компетентно судить о качестве выполненных исследований, если он действительно заинтересован именно в них, а не в брэнде «Made in Science». Должна быть широкая дискуссия в научном сообществе по поводу полученных результатов. Но тогда и сами результаты не могут считаться собственностью заказчика, с чем последний вряд ли согласится. В-третьих, восстановление «великой триады», как ее называл блистательный ростовский философ М. К. Петров, включавший в нее фундаментальные исследования, прикладные исследования и подготовку кадров, требует совершенно иного социального статуса науки и значительно более дальновидного политического руководства. Насколько все это реально – вопрос риторический.

10. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ, НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ТОЧКИ РОСТА

С. С. Артоболевский

Лучше помолчу. Смотри тему 8.

В. Л. Бабурин

Автор этих строк, естественно, является апологетом инновационной теории «мироздания» и пространство-формирующей диффузии нововведений, нелинейности и неоднородности пространства, нерегулярного и сложно периодичного циклизма. Нравится нам или нет, но все большее проявление постиндустриализма требует нового подхода к целостности и сущности, предполагающего исследование не отдельных, пусть и крупных сегментов естественно-исторического и социокультурного пространства, а всей сложно периодичной, многоуровневой (с элементами иерархичности) природно-хозяйственной и социокультурной системы.

Представляется важным понимать, что и традиционное факторное пространство экономгеографии, и пространство диффузии нововведений – суть две стороны единого процесса бесконечно формируемой и воспроизводимой неоднородности. Фактор - суть отпечаток энергии инноваций прошлого, застывшей в виде структуры пространства. Новация генерируется этой структурой, транслируется на этом структурном основании и акцептируется или отторгается этой структурой. На начальном этапе лавина инновации сносит все вокруг в попытке выстроить собственное структурное пространство. Но по мере заполнения пространств (почти в рамках гетнеровской традиции) инновация становится все более чувствительной к факторному пространству и, освоив его сама, трансформируется в фактор для будущих инноваций. При подобном подходе мы соблюдаем паритет между целостностью системы, которая достигается через факторно-инновационную сущность механизмов ее трансформации.

П. Я. Бакланов

Основные направления развития – это более строгая структуризация объекта исследований – территориально-экономических систем на разных территориальных уровнях. Выявление инвариантных структур и структурных отношений, факторов динамики и развития. При этом важен охват разнообразных территориальных связей и взаимодействий социальных и экономических компонентов, их сопряжений с природно-ресурсными компонентами.

Одновременно следует вести разработку количественных мер и строгой параметризации различных структурных элементов, звеньев, их связей, процессов динамики и развития, т. е. – качественных трансформаций территориальных социально-экономических систем. Необходимо всемерно развивать моделирование таких систем, в том числе для выявления основных свойств и закономерностей динамики.

Сдерживающими факторами являются: «всеядность» социально-экономической географии, то есть изучение всего, что встречается на территории; описательность и статичность многих исследований; уход от охвата и анализа связей и сопряжений изучаемых явлений. Сдерживает развитие конструктивной социально-экономической географии и то, что в последнее время значительно сократилось изучение сферы производства, хозяйства, инфраструктуры. Большинство исследований охватывают лишь макроструктурные и мезоструктурные уровни.

Микроструктурный уровень территориальных социально-экономических систем, где закладываются многие структурные отношения и закономерности, почти не изучается. У многих экономико-географов сложились ошибочные представления о том, что в условиях частной собственности и рыночного регулирования выбирать отдельные предприятия, компании в качестве объекта географических исследований не имеет смысла. На самом же деле – взять предприятие, компанию как объект географического изучения – это означает необходимость вычленив все связи и сопряжения этого предприятия с другими, где бы они ни размещались, с населением, объектами инфраструктуры, природно-ресурсными компонентами. Все это существует объективно и позволяет выйти на оценку динамики и прогнозных вариантов всей структуры территориальной системы.

Сдерживающим фактором является и сложившееся географическое образование – как в школе, так и в вузе. Главный упор в существующем

ющих учебниках и курсах по социально-экономической географии делается на разнообразную информацию о странах, регионах, населении, видах деятельности. Представление о территориальных социально-экономических системах и их сложных территориальных структурах остаются очень размытыми. Отсюда и слабые конкурентные преимущества у социально-экономической географии в разработке региональных программ.

Считаю, что очень большой и даже главный потенциал социально-экономической географии заключен в её интеграционных возможностях. Социально-экономические исследования должны проводиться в трех «координатных осях»: территориальных измерений, межкомпонентных (социально-экономических) сочетаний и связей и оси динамики, изменений.

Важнейшей точкой роста и роста практической востребованности является охват территориальных связей и сопряжений с природно-ресурсной средой, с природно-ресурсными структурами. В этом – имманентная черта социально-экономической географии. Равно как в физической – сегодня необходим охват и учет антропогенных факторов изменения геосистем.

В концептуальную схему складываются следующие выводы: для прикладных задач важна оценка динамики территориальных систем, а для оценки динамики необходим охват полных структур, межкомпонентных связей и сопряжений, в том числе с природно-ресурсной средой. Всемерно способствовать развитию социально-экономической географии, её теоретической базы будет широкий выход на географические исследования устойчивого (понимаемого, как экономически-, социально- и экологически сбалансированного) развития страны, регионов, локальных территорий и их соотношений. Именно в этом случае объектом географических исследований должны выбираться интегральные территориальные системы – геосистемы. Свообразными «точками их отсчета» могут быть любые поселения, для компонентов которых затем вычленяются все связи и сопряжения.

Существенный импульс развитию теоретической базы социально-экономической географии даст широкое применение ГИС-технологий и моделирования.

Л. А. Безруков

Вопрос перспективных теоретических направлений развития общественной географии, ее новых концептуальных подходов и точек роста чрезвычайно обширен. Скажу лишь о двух взаимосвязанных возможных направлениях, ориентированных на установление непротиворечивой причинно-следственной системной картины мира.

К первому из них можно отнести углубление исследований влияния на социально-экономическое и общественно-политическое развитие факторов «экономических расстояний» и экономико-географического положения (ЭГП), поскольку пространственное распределение человеческой деятельности так или иначе отражает упорядоченное приспособление к этим факторам. Значимость постановки таких исследований очевидна: в экономической географии до сих пор преобладают качественные, а не количественные оценки, экономические же теории понятиями расстояния и положения явно пренебрегают. Отмечаемую иногда некоторую независимость уровня социально-экономического развития отдельных передовых стран от расстояний, от географических условий и факторов не следует преувеличивать. Это всего лишь контурно намеченная тенденция наступающей постиндустриальной эпохи, но вовсе не правило, удел избранных, а не всех; к тому же речь в этом случае обычно идет об ослаблении зависимости от наличия природных ресурсов, а вовсе не от действия фактора ЭГП.

Второе перспективное направление – разработка проблемы стоимостной оценки объема ренты местоположения и ее сопоставление с объемами других видов ренты – земельной, горной (в том числе нефтегазовой), туристской, технологической, финансовой и пр. Такие исследования позволили бы на основе выявления расчетным путем скрытых потоков перераспределения огромных богатств определить дополнительный доход, извлекаемый определенными странами, районами или пунктами за счет своего благоприятного ЭГП (т. е. за счет снижения уровня транспортных, транзакционных и др. издержек). Особую значимость подобные оценки имеют для России с точки зрения установления баланса между положительной природно-ресурсной рентой и отрицательной рентой ее северного и континентального макрорасположения. Продвижение по этому пути позволит экономико-географам недвусмысленно ответить на суждения об якобы сверхзатратности и неэффективности освоения Севера и Сибири, тяжелом бремени их со-

держания для российской экономики, их перенаселенности и дотационности и т. д.

Теоретические исследования в названных направлениях будут способствовать углублению фундаментальных представлений о причинах дифференциации современного мирохозяйственного устройства и получения различными по географическому положению странами и регионами неодинаковых выгод от усиления процессов интернационализации и глобализации экономики. В практическом отношении эти исследования ориентированы на ускорение развития России в связи с усилением угроз суверенитету и экономической безопасности страны в условиях нарастающего соперничества за обладание природными ресурсами, территорией, новейшими технологиями, высоким статусом в миротехнологической иерархии. В последние пять лет анализу влияния тех или иных географических факторов на экономическое развитие России посвящено несколько крупных экономико-географических монографий (Гладкий, 2006; Безруков, 2008; Трейвиш, 2009; Пилясов, 2009), но поиск здесь еще только начинается. Новые концептуальные подходы позволят дать такой отклик на вызов времени, который предусматривал бы планомерную выигрышную адаптацию России и ее регионов к процессам глобализации, минимизацию потерь массы прибавочного продукта, уходящей в другие страны, избавление от все большей зависимости от внешних центров принятия решений и вхождения в мировой рынок на подсобных и вспомогательных ролях.

Ю. Н. Гладкий

Состояние понятийно-терминологической «инфраструктуры» гуманитарной географии находится в прямой зависимости от успехов в области абстрактно-обобщенного анализа гуманитарно-географической реальности и фиксации каких-то общих закономерностей ее функционирования и развития. Такая «инфраструктура» должна представлять собой не отдельные научные дефиниции и положения, а целостную, органически развивающуюся систему, отличаться определенной организацией идеализированных (абстрактных) объектов (теоретических конструктов) и т. д. Ясно, что такой широко признанной системы в гуманитарной географии до настоящего времени пока не создано. Полагаем, что насущной задачей представителей научного сообщества является углубленный системный анализ понятий и терминов, выявление

ние основных недостатков естественно сложившейся терминологии (под влиянием «запредельной» социоморфности советской экономической географии), совершенствование общенаучных методологических и методических принципов понятийно-терминологической системы и т. д. Необходимо дальнейшее развитие идей Э. Алаева с учетом наработок, содержащихся в *The Dictionary of Human Geography*, 2nd edition. Johnston R., J. Gregory D., Smith, D. (eds). Blackwell Reference: Oxford, 1986; в *The Dictionary of Geography* 3rd ed. Mayhey, S. Oxford University Press: Oxford, 2004; в *The Penguin Dictionary of Geography* 3rd ed / Clark, A. Penguin Books: London, 2003 и др.

Рефлексии подобного рода предполагают наличие своих «точек отсчета». Если отталкиваться от мнения Р. Касперсона, который, отражая волну недовольства против засилья в американской гуманитарной географии бихевиористских подходов, в свое время писал: «новые люди в географии видят призвание своей науки в том же, что и медики: отсрочить смерть и уменьшить страдания», то, на наш взгляд, поиск аксиоматических вещей, связанных с «образом жизни», туризмом и рекреологией, ментальной географией etc, вряд ли станет целью «новых людей в географии». С этой точки зрения они скорее займутся (с широким участием представителей смежных наук) *построением и исследованием глобально агрегированных прогностических моделей мирового развития с учетом взаимодействия населения, природных ресурсов, производительных сил и окружающей среды*. Речь идет о сущностных основах нашего бытия в связи с обострением многих глобальных проблем и, прежде всего, экологической.

В целом, mainstream развития современной гуманитарной географии связывается нами с исследованием взаимодействия природы и общества как качественно особого процесса, возникающего на стыке социокультурных, экономических, природных, политических и иных явлений, в специфическом сегменте объективного мира – очеловеченной природе; с анализом эволюции этого процесса во времени и пространстве; с выяснением механизма возникновения и причины существования тех или иных корреляционных связей между данными явлениями в рамках «социально-экономических территориальных систем» или целостной системы «природа-общество». При этом взаимодействие природы и общества выступает не как высший общий процесс, а как процесс самого *перехода, проникновения природы в общество и общества в природу*».

А. Г. Дружинин

В XXI в. российская общественная география должна последовательно решать задачу своей *фундаментализации*, понимаемой как ориентация на наиболее злободневные и, одновременно, «вечные», имманентные нашей науке проблемы: формирование экономически рациональной, социально ориентированной и приемлемой в экологическом отношении территориальной организации общества, сбалансированное и эффективное взаимодействие страны, её регионов с доминирующими в планетарном и метарегиональном масштабах экзогенными «центрами силы». В целях их решения неизбежны как дальнейшая диверсификация экономико-географических изысканий, конструирование всё новых и новых расширяющих фронт исследовательской активности направлений нашей науки (а вместе с ними и локальных теоретических построений), так и консолидация усилий на наиболее приоритетных, инициированных кардинальными изменениями общественно-географической реальности интегрирующих областей научно-теоретического поиска. В данном контексте необходимой представляется, прежде всего, полномасштабная интерпретация экономико-географических аспектов и проявлений глобализации, инкорпорирования в этот процесс территориальных социально-экономических систем. Наша задача - *сформировать теорию геоглобалистики*, призванную охватить такие актуализированные сферы географического анализа как глобальные социально-экономические процессы, глобальные (и «глобализирующиеся») социально-экономические системы, глокализацию, полицентризм, трансграничность. Иная связанная с глобализацией «точка роста» – *теоретическое обоснование феномена глобального геопространственного позиционирования* (проблематика, акцентированная автором в опубликованной в 2009 г. монографии «Глобальное геопространственное позиционирование Юга России»).

В общем русле становления «*географии глобализации*» целесообразна также разработка общих теоретических основ *транстерриториальной* (существенно иной по своей архитектонике) *организации общества*. Требуют приоритетного внимания *теория территориального социально-экономического развития* и (во многом во взаимоотношении с ней) современные, адаптированные к российской специфике теории экономического (социально-экономического) районообразования и районирования, а также теоретико-методологические обоснования экономико-географического моделирования и прогнозирования.

Н. Н. Клюев

Постсоветская экономическая география в основном работала в русле советской традиции, игнорируя, как правило, формирующуюся новую политэкономическую «машину». Остро необходимо обновление исследовательского арсенала и его адаптация к политэкономическим реалиям современной России. Формы собственности, особенности бизнес-единиц, корпоративная структура операционных территориальных единиц требуют изучения в рамках «географического фирмоведения». От решения этих задач зависит и конкурентоспособность экономической географии на научном «рынке».

Сформулируем некоторые важные исследовательские направления, точки роста новых знаний в области *географии природопользования*: 1. Географическое обоснование общественных потребностей с учётом экологической ёмкости географической оболочки, её частных оболочек и территориальных подразделений. 2. Разработка новых аспектов широко известных концепций (ТРТ, ЭПЦ, ТПК, ресурсных циклов, территориальных сочетаний природных ресурсов, территориальной концентрации хозяйства), в том числе экологических, глобальных, временных аспектов. 3. Теория и методология экологического и интегрального районирования. 4. Разработка критериев экологической оптимизации разноразмерных геосистем. 5. Теория согласования экологических, экономических и социальных интересов; региональных, национальных и глобальных интересов; кратко-, средне- и долгосрочных природоохранных целей. 6. Конструирование эталонных с природоохранной точки зрения пространственно-временных структур природопользования. 7. Представление об экологических факторах размещения производительных сил (регионального развития). 8. Развитие идеи природооборота как средства экологизации территориального разделения труда во времени.

Т. М. Красовская

В последней четверти XX в. началась глобальная научная революция – постнеклассическая: усиливаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования, возрастает влияние идей, транслируемых из других наук. Объектом постнеклассической науки являются саморазвивающиеся сложные системы, природные комплексы, включающие человека. Мир выступает перед постнеклассической наукой как семантический континуум.

Социальный заказ на постнеклассические научные исследования выдвигает практика. Современный глобальный экономический кризис – предвестник возникновения экономической системы нового типа, в которой общественные институты развития, а не прибыль, «управляющая» развитием рыночной экономики, займут главенствующую роль (Виханский, 1999). Для научного обеспечения этого процесса необходимо развитие ключевых идей постнеклассической науки.

Вступление географии в постнеклассическую фазу можно обозначить как бифуркационную: ветви географии должны объединиться на новом качественном уровне для изучения синергетических законов существования социоприродных систем. Бифуркационному этапу свойственно образование междисциплинарных направлений: этнокультурное ландшафтоведение, геоконфликтология (экологическая и социально-экономическая), социальная экология, «экологизируется» страноведение и т. д. Наиболее заметную роль в развитии постнеклассической географии играют процессы гуманизации, которая все чаще рассматривается в качестве одного из ведущих «сквозных» направлений географии.

А. В. Мошков

Можно предложить новый концептуальный подход на основе изучения регионального природопользования. Современное природопользование объединяет в единую систему отношений большое количество экологических, экономических и социальных сторон человеческой деятельности. В его изучении как целостного явления еще в доперестроечное время не одно десятилетие наблюдался застой (Зво-рыкин, 1993). Концепция тесной взаимосвязи всех социо-природных компонентов, исходя из принципа деятельности, выдвинутая конструктивной географией, все еще остается на уровне удачной мысли, не вплетенной в ткань всей системы географического знания. Это объясняется прежде всего тем, что она не могла дать ответ на вопрос, каким образом синтезировать данное разноуровневое географическое знание (Мукитанов, 1985).

Можно выделить следующие достаточно конструктивные синтетические направления в изучении проблем природно-хозяйственных отношений. Это, прежде всего, развитие представлений о многоуровневости природопользования, что указывает на его иерархическую организацию и наличие различных структурных уровней сложности (Бакла-

нов, Авдеев, 1989); представление о процессах экологизации экономики и экономизации экологии (М. Т. Романов, А. В. Мошков, 1989), социализации экономики (М. Т. Романов, 1993); использование обобщающего значения второго принципа Пьера Кюри (Б. В. Преображенский, 1989) для выработки представлений, связанных с сохранением экологического равновесия природной среды в процессе её хозяйственного освоения; идея территориальных природно-ресурсных систем (П. Я. Бакланов, 1995); развитие представлений о структурах природопользования в приграничных районах (П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей и др., 1995, 2008); расчет интегрального баланса производства и потребления энергии в экосистеме (Б. В. Преображенский, В. В. Жариков, 1997); бассейновый принцип выделения природно-экологического каркаса территории, на основе которого формируются урбоэкосистемы разного уровня (Л. М. Корытный, 1991; В. И. Преловский, А. М. Короткий, 1997) и др.

Идея совмещенных (управляемо-саморегулируемых) систем природопользования (СУССП) предполагает его многоуровневую самоорганизацию, увязывающую в единое целое экологические, экономические и социальные структурные составляющие. Такой вариант возможен как при эксплуатации возобновимых, так и невозобновимых природных ресурсов. В первом случае система способна замыкаться в отношении самого ресурса, что обеспечивает его расширенное воспроизводство. Во втором – в отношении технологического процесса, связанного с его добычей и переработкой.

В экономической истории России, независимо от формы социально-политического устройства, традиционно выделялась достаточно большая роль государственного управления во всех сферах общественной жизни. Поэтому представление природно-общественных отношений в форме СУССП исходит, прежде всего, из характерных особенностей наиболее вероятной для условий России административно-рыночной системы хозяйствования, которая неизбежно предполагает относительно согласованное совмещение в рамках единого экономического механизма административно-плановых и рыночных отношений. В сравнении с существовавшими ранее в стране подходами, система, ориентированная по отношению к данному хозяйственному механизму, представляет собой особую ветвь природопользования со своей характерной структурой.

А. Н. Пилясов

Ответ на этот вопрос частично мною уже был дан раньше. Здесь хотел бы отметить три направления развития, в которых российская социально-экономическая география могла бы внести вклад в развитие мировой науки.

Первое – концепция зональности, которая в последние десятилетия находилась в тени других экономико-географических исследований. Широко понятые зональные факторы (как широтные, как факторы экономико-географического положения, как факторы морского или ультраконтинентального климата) модернизации России, развития экономики знания должны быть изучены надлежащим образом на макро, мезо- и микроуровнях.

Второе – учение о ландшафтной экономике, о роли ландшафтных факторов в процессах рождения и миграции талантов, в процессах развития местных сообществ и др.

Третье – конструктивный синтез российской социально-экономической географии с российскими же когнитивными науками (например, школой Н. П. Бехтеревой в психологии) во имя расширения и переинтерпретации прежних ключевых понятий и представлений нашей науки.

Основными сдерживающими факторами для развития теоретических основ российской социально-экономической географии считаю слабое знание работ ведущих европейских школ и отечественных исследований экономического профиля. Здесь требуется подлинный всеобуч, для которого не нужно жалеть ни времени, ни финансовых ресурсов.

Считаю исключительно перспективной для молодых исследователей нашей науки эмпирические исследования и разработку концептуальных представлений о региональной инновационной системе (российских основных типах и механизмах развертывания) и внутрирегиональных перетоках знания; крупногородских регионах и ареалах; территориальном капитале; наукоемких производственных услугах и роли малого бизнеса в региональной экономике знания; креативных факторах регионального развития; территориальной структуре компетенций и ее эволюции; инновационном федерализме.

Ю. В. Поросенков

Развитие теоретических основ отечественной СЭГ на ближайшее время можно схематично определить, опираясь, с одной стороны,

на знание современных тенденций ее развития, а с другой, на общественный заказ – актуальные проблемы современного экономического, социального, демографического, научно-технического, политического и экологического развития мира в целом, страны и ее регионов. При продолжающемся формировании частных социально-экономико-географических (общественно-географических) наук и их теоретических основ главной задачей все же выступает более интенсивное развитие методологии и методики общей (интегральной) СЭГ, прежде всего в аспекте исследования процессов ТОО. В рамках сложившегося межнаучного разделения труда отечественная СЭГ специализируется на исследовании территориальных различий, территориальной структуры, территориальных закономерностей социального и экономического развития в тесной связи с окружающей, географической, экологической средой. На глобальном уровне такой подход направлен на обеспечение реального представления о положении страны в современном мире и позволяет более четко определить ее национальные интересы. На страновом, региональном и муниципальном уровнях такой подход позволяет определить направления научно обоснованной региональной политики.

Для решения всех этих проблем современная наука уже имеет достаточный теоретический и методический задел. Однако сдерживающими факторами развития отечественной СЭГ выступают, во-первых, недостаточная потребность со стороны управленческих структур в конструктивных и проблемных исследованиях процессов территориальной организации, а во вторых – формальный характер планирования научной деятельности в вузах и крайне слабое использование их кадрового потенциала в условиях крайне низкого уровня оплаты труда научных работников и вузовских преподавателей.

Г. В. Сдасюк

Формирование и прогресс теории географической науки, включая СЭГ, связан с систематизацией и субординацией частных концепций и теорий, структуризацией географической науки.

Остается недостаточным взаимодействие СЭГ с физико-географическими звеньями науки.

При большом разнообразии направлений СЭГ целесообразно формирование *системы приоритетов*, адекватных объективной реальности и соответствующих логике развития науки. Это отражается

в эволюции понятий: экономическая география, социально-экономическая география, социально-эколого-экономическая география.

Необходим рост активности участия географов в изучении ведущих процессов современности. Приоритетный объект исследований – фундаментальный кризис во взаимодействии общества и природы, деградация под непомерным антропогенным давлением всех природных систем жизнеобеспечения. Цивилизационный кризис сопровождается углублением контрастов в уровнях развития стран и районов, усиливающих нестабильность ситуации. Процесс глобализации протекает в противоречивом взаимодействии с регионализацией. Исследования в этих направлениях, включающие теоретические и научно-прикладные работы, имеют основополагающее мировоззренческое значение.

География, сочетающая естественно-историческую и социально-экономическую составляющие, обладает уникальным потенциалом для анализа происходящих негативных процессов, продолжение которых грозит основам цивилизации.

Необходимость интегральных географических исследований природно-антропогенных процессов возрастает. География призвана активизировать исследования в области природопользования и прогнозирования – предупреждения приближения к «порогам необратимости» (территория «приближений» расширяется).

Одно из наиболее востребованных направлений – изучение механизмов усиления природно-техногенных катастроф и природно-антропогенных бедствий, их «упреждение» и противостояние им. Вклад СЭГ в этой области необходим.

Россия находится в чрезвычайно сложном положении, испытывая воздействие мирового и постсоветского кризисов. В этих условиях ответственность науки перед обществом повышается. Развитие отечественной СЭГ должно быть сосредоточено на исследовании причин и последствий замедленного экономического роста (перемежающегося с регрессивными тенденциями) России, сложнейшей демографической ситуации, деградации природно-экологического потенциала. Углубление межрегиональных разрывов в уровнях социально-экономического развития чревато опасностями дезинтеграции страны, усиливающихся в условиях глобализации. Это определяет необходимость многоуровневого подхода к изучению тенденций регионального развития России.

Развитие отечественной СЭГ тормозится отсутствием социального заказа со стороны государства, научной слабостью попыток сформулировать государственную концепцию развития страны.

Обоснование моделей оптимизации общегосударственного и регионального развития России должно опираться на сравнительно-географический анализ страноведения – оценки степени устойчивости моделей развития разного типа в кризисных ситуациях.

В. Н. Стрелецкий

Теоретические основы Human Geography – тема слишком серьезная и фундаментальная, чтобы пытаться изложить ее на одной – двух страницах текста. Поэтому по данному пункту ограничусь более частными соображениями, касающимися, главным образом, «точек роста» и «новых концептуальных подходов» в той ее области, которая мне наиболее близка, – в культурной географии (Cultural Geography).

В последней четверти XX в. – начале XXI в. в мировой культурной географии сложилось несколько теоретических направлений, использующих концептуальные подходы, перспективные с точки зрения обновления и обогащения теоретического багажа Human Geography в целом.

Первое направление – это *исследования в области региональной идентичности*. Феномен идентичности – один из ключевых исследовательских сюжетов многих наук, и, прежде всего, этнологии, социологии, политологии. Но в этих смежных дисциплинах как носители идентичности рассматриваются различные группы людей (этнические, конфессиональные, расовые, гендерные, возрастные, сословные, профессиональные, корпоративные и т. д.), не представляющие собой территориальных общностей как таковых. Региональное (местное, локальное) самосознание как основа территориальной (региональной) идентичности – заведомо географическая проблематика. Но теоретический багаж культурно-географических исследований региональной идентичности пока не слишком богат. К сожалению, география стала осваивать проблематику идентичности значительно позднее, нежели смежные социальные науки; «бум» исследований культурного регионализма и региональной идентичности в Human Geography пришелся на 1980–1990-е гг. и продолжается в начале XXI в.

Второе направление – исследования, связанные с известным переосмыслением феномена *культурного ландшафта*. Понятие культур-

ного ландшафта было в фокусе внимания ученых-географов еще с классических работ О. Шлютера и К. Зауэра (начало прошлого века). Зауэр трактовал культурный ландшафт как местность, которую в течение определенного исторического периода населяла группа людей – носителей специфических культурных ценностей; эта трактовка длительное время доминировала в западной географии и считалась «классической». Однако уже с последней трети XX в. все большее внимание в работах западных географов стало уделяться перцепции культурного ландшафта. В современном же западном культурном ландшафтоведении, особенно в странах англосаксонской научной традиции, буквально на наших глазах происходит своего рода реконцептуализация культурного ландшафта. С фиксации материальных проявлений жизнедеятельности разных культурных групп в ландшафте акцент в исследованиях переносится на поиск и «расшифровку» смысловых значений ландшафта.

Еще одна характерная тенденция последних десятилетий – особая артикуляция *концепта места* в культурной географии. На рубеже XX и XXI веков на Западе начался своеобразный ренессанс традиций уже упоминавшейся «гуманистической географии», первый расцвет которой пришелся на 1970-е – начало 1980-х годов. Хотя с начала 1990-х гг. она на Западе больше уже не позиционируется как самостоятельно научное направление, традиции «гуманистической географии» нашли очень широкое применение в современных культурно-географических исследованиях. В ряду этих традиций – изучение символики, смысла и ценности места, осмысление пространственной картины сакрального и профанного, топофилии и топофобии, семантический анализ качества среды обитания людей.

Концепты региональной идентичности, по-новому интерпретируемого культурного ландшафта, места как «дома» человека или группы людей (с которыми они связаны особо тесными, эмоционально насыщенными отношениями), несомненно, выходят далеко за рамки одной лишь культурной географии, выступают в роли важных точек роста Human Geography в целом.

С. А. Тархов

Сдерживающие факторы: мало экономгеографов, склонных к теоретизированию; почти отсутствуют статьи и книги по теоргеографии, кто же узнает о ней, если ее никто не «пиарит»? Потенциальные точки

роста есть, но потенциал нельзя освоить, поскольку подавляющее большинство экономгеографов меркантилизировалось до такой степени, что теоретические основы и теоргеография им не нужна вообще.

А. И. Трейвиш

Ничего себе вопросик! Тут не то что страницы, жизни не хватит. Ну да ладно, однако совсем кратко и перечислительно, притом не о СЭГ вообще (мировой), а только о нашей.

Направления де-факто: освоение западного багажа с частой заменой им своего, адаптацией к нашим реалиям и др.; эксплуатация остатков собственного наследия; гуманизация, включая социологизацию и ряд других «заций» (олицетворяющих зад любого термина); в целом – диверсификация и деидеологизация (добро), но зато и определенное размывание основ (худо). Далеко не все. Но главное из направлений («заций») – *географизация СЭГ*. Не потому что больше востребована, а потому что ее мы знаем, любим и ценим, только в этом мы – профессионалы.

Сдерживающие факторы: авторитет западных теорий, из которых еще не все высосано и которые развиваются успешнее; погружение в заказные прикладные темы ради заработка при отсутствии прямого социального заказа и платежеспособного спроса на оригинальные теории; катастрофическое старение кадров; пауза (объективная?) в развитии теоретической географии.

Новые концептуальные подходы и точки роста: география развития (общественного); концепции полимасштабности и больших стран (пardon, но свои рубашки ближе к телу); геополитическая и геокультурная лимология; геоконфликтология; когнитивная география, включая географию (и районы) восприятия (вернакулярные) географию образов, основы геомаркетинга (прикладное); “теория страновидения” (как часть географии восприятия и с прикладным потенциалом новых страноведческих писаний для растущих рядов умных многопутешествующих россиян); география рынков и цен (в рамках экономической)... И это все еще не все. Однако пора ставить точку.

Г. М. Фёдоров

Дальнейшую разработку теоретических основ социально-экономической географии следует сориентировать на обоснование исследований, обеспечивающих практическую ценность получаемых результа-

тов (для органов власти и бизнес-структур). Сдерживающий фактор – отсутствие надлежащего финансирования и немногочисленность экономико-географов, особенно докторов наук, и особенно – молодых. Точки роста имеются во всех экономико-географических дисциплинах, и они связаны с комплексностью, территориальной многоуровневостью и прикладной направленностью исследований.

Среди важнейших направлений развития экономгеографической теории, в которых непосредственно заинтересован автор, хотелось бы назвать, в частности:

- применение геосистемного подхода,
- обоснование моделей «устойчивого» развития,
- типологизацию регионов,
- создание теории трансграничной регионализации,
- внедрение сетевого подхода и разработку теории географических кластеров,
- обоснование новых моделей системы расселения в увязке с территориально-производственными системами,
- развитие концепции геодемографической обстановки,
- обоснование методов индикативного пространственного планирования.

А. И. Чистобаев

Теоретические основы социально-экономической географии должны создаваться под конкретные целевые функции. В качестве таковых ныне выступают: стратегическое и территориальное планирование, региональная политика и региональное управление, оценка воздействия хозяйственных проектов на окружающую среду, кадастр и мониторинг земель для оптимизации землепользования, сохранение и использование культурного наследия, медико-географические основы территориальной организации здравоохранения. Для каждого из названных (и многих других) направлений необходимы новые концептуальные подходы и точки роста. Здесь, в кратких ответах на вопросы, невозможно развернуть суть каждого из них. Поэтому всех заинтересованных лиц я адресую к диссертациям моих аспирантов и докторантов, сборнику статей «Территориальное планирование: новые функции, опыт, проблемы, решения» (2009), монографии «Территориальное планирование на уровне субъектов России» (2009).

М. Д. Шарьгин

Современная теория социально-экономической географии представляет собой многослойную, многоаспектную и фрагментарную совокупность учений, концепций, парадигм. В ней преобладают частные теории (экономического районирования, ТПК, систем расселения населения, геоурбанистики, полюсов роста и т. д.) и отсутствуют базисные, интегрирующие и синтезирующие теории. Появилась необходимость создания стержневого направления теоретических исследований, которое станет обогащать частные теории и синтезировать их в целостную систему научного познания.

Таким направлением может быть «сквозная» теория географического пространства-времени и пространственно-временная организация общества. Опорными компонентами этого направления станут дискретизация континуального пространства-времени и теория географического поля, социально-экономическое районирование и учение о территориальных общественных системах.

Одновременно с этим направлением необходимо формировать сопряженные с ним геоэкономическое, геоэкологическое, геогуманистическое и геополитическое направления. В структуре геоэкономического направления предстоит модернизировать и адаптировать к рыночным условиям теории экономического районирования и территориальной организации хозяйства, учения о районах (регионах), городах, территориальном разделении труда, ТПК, ЭПЦ, кластерах и др.

В составе геоэкологического направления требуется теоретическое обоснование процессов взаимодействия общества и природы, дальнейшего развития учений о ноосфере, эколого-экономических и социально-экологических районах и т. д.

В геогуманистическом направлении формируются учения о территориальных общностях людей, образе и качестве жизни населения, теории пространственно-временного поведения человека, вернакулярного районирования и др.

Геополитическое направление опирается на теории территориального управления и программирования, региональной политики, стратегического планирования, пространственного регулирования, электоральной географии и т. д.

Совокупность этих направлений может стать теоретической основой общественной географии как фундаментальной дисциплины, занимающей достойное место в системе научного знания.

В. Е. Шувалов

Основное направление развития – модернизация сложившейся в отечественной социально-экономической географии понятийно-концептуальной системы. Это не исключает, а предполагает знание и критическое освоение западных подходов и концепций, попытку их «географизации» (в той мере, насколько это возможно).

Сдерживающих факторов, к сожалению, много. Они были перечислены в ответе на первый вопрос. Главный из них – личностный (кадровый). Деградация многих экономико-географических школ в постсоветской России (прежде всего – университетских), происшедшая в последние 20–30 лет, была связана во многом с потерей кадрового потенциала отечественной социально-экономической географии. В этот период был сведен к минимуму приход молодых талантливых ученых в нашу науку в силу целого ряда причин (малая престижность, мизерная оплата труда, необходимость зарабатывать деньги в сугубо прикладных проектах и пр.). Поэтому сработал известный принцип: «Кадры решают все!». Не будет решена эта проблема – значит не будет и «точек роста»

Новые концептуальные подходы и точки роста (их много, но перечислим только те, которые концептуально близки автору): модернизация понятийно-концептуальной системы районной школы социально-экономической географии, включая разработку нового понятия района и новой методики экономико-географического районирования; разработка теории (концепции) территориальной организации современного российского общества («сверхзадача»); формализация методик оценок, выполняемых профессиональными экономико-географами; экономизация отраслевых разделов экономической географии и дальнейшая социологизация и гуманизация отраслевых разделов социальной географии; географизация региональных разделов систематических наук; из более частных, но принципиально важных – разработка экономико-географами (именно ими, а не экономистами) понятия географического кластера и географической концепции кластерной политики.

В. А. Шупер

Как сказал Л. А. Арцимович, в научной политике наша единственная опора – просто интуиция и здравый смысл. Здравый смысл подсказывает, что наиболее перспективные направления теоретических поисков будут связаны с проникновением в географию общенауч-

ных подходов, как это было с системным подходом, который благополучно схлынул, оставив в сухом остатке представления об эмерджентности (наличии у целого свойств, отсутствующих у всех его частей) и структурном изоморфизме (тождестве структуры без тождества элементов содержания). Сейчас наиболее перспективное направление теоретического развития социально-экономической географии могло бы быть связано с освоением концептуального и математического аппарата синергетики, что уже происходит, особенно за рубежом. В отечественной географии начало применению синергетики было положено в 1986 г. А. Д. Армандом. Понятия аттрактора и точки бифуркации уже проникли в географию, но странные аттракторы еще топчутся у порога нашей науки. Впустив их, можно было бы сделать даже не шаг, а смелый прыжок вперед.

Однако интуиция подсказывает, что этого не произойдет в силу косности, засилья прикладной ориентации и элементарного недостатка математической подготовки у географов. Последнее обстоятельство преодолимо в случае сотрудничества с математиками. Более того, легкость и широта междисциплинарных контактов – бесценное достояние отечественной науки, которое мы совершенно не ценим. Впрочем, по нынешним временам привлечение математиков для проведения фундаментальных исследований в социально-экономической географии требует хотя бы скромного финансирования, перспективы которого, увы, туманны. Можно было бы назвать немало областей, которые с очевидностью предъявляют спрос на развитие теорий, будь то пространственные структуры расселения и производства в условиях постиндустриальной трансформации, или концепция постиндустриального освоения Сибири и Дальнего Востока, разрабатываемая А. Н. Пилясовым, но перспективная область не может сама по себе породить теорию, как не может женщина совершенно самостоятельно произвести ребенка. В качестве мужчины должен выступить метод.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. Основные теоретические достижения российской социально-экономической географии за последнее двадцатилетие: есть ли они и в чём состоят?	7
2. Теоретический багаж советской экономико-географической школы: что сохранить и от чего отказаться?	33
3. Отечественная и западная социально-экономическая география: сравнительная оценка теоретического потенциала, современного состояния и перспектив развития	52
4. Социально-экономическая географии и региональные науки: конкуренция или взаимодействие?	68
5. Теории регионального развития, их место и значение в социально-экономической географии	83
6. Теоретическая география, ее место и роль в современной социально-экономической географии	94
7. «Новая экономическая география»: проблемы формирования и самоидентификации	105
8. Современный аппарат социально- и экономико-географических исследований: есть ли он и как его развивать?	118
9. Формирование и применение на практике научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» в социально-экономической географии: каким образом можно достичь этой цели?	133
10. Теоретические основы социально-экономической географии: направления развития, сдерживающие факторы, новые концептуальные подходы и точки роста	144

Научное издание

**Теория
социально-экономической географии:
спектр современных взглядов**

Под редакцией А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова

Корректор Л. С. Шутько
Технический редактор А. А. Агирречу
Компьютерная вёрстка А. А. Агирречу
Обложка С. Г. Сафронов

Лицензия ЛР № 65–41 от 01.09.1999

Подписано в печать 14.01.2010
Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,76. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 0010

Издательство Южного федерального университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 364–00–19

Отпечатано в типографии ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК